

Монография

Д. А. Безьев

**УКРАИНА
И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XVII В.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Прометей

**Москва
2012**

Д. А. Безъев

**Украина и Речь Посполитая
в первой половине XVII в.**

Монография

Москва-2012

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)4
Б408

Рецензенты:

Рафалюк Светлана Юрьевна, доцент кафедры новой и новейшей истории МПГУ, кандидат исторических наук, доцент;

Рогожин Николай Михайлович, руководитель Центра Истории русского феодализма ИРИ, профессор

Б408 Безъев Д. А. Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в.: Монография. – М.: Прометей, 2012. – 216 с.

Монография посвящена исследованию истории Украины и Речи Посполитой в первой половине XVII в., периоду, непосредственно предшествующему выступлению под руководством Богдана Хмельницкого, известного в советской историографии как «Освободительная война украинского народа». В данной работе рассматриваются закономерности развития социумов Речи Посполитой и Украины как особой части этого государства; формируемый этими социумами аппарат государственного управления; системы политических взглядов и представлений различных общественных групп населения в период первой половины XVII в.; феномен «сарматизма» в культуре шляхты польско-литовского государства; процесс формирования мировоззрения и самосознания собственно украинского народа и, особенно, его политической элиты на протяжении указанного в названии работы периода времени; отношение правительства России к событиям на Украине, его реакция на известие о выступлении казаков под руководством Богдана Хмельницкого в 1648 г. Большое внимание автор уделяет анализу историографии «Украинского вопроса», причем отечественная историография рассматривается в ее развитии.

ISBN 978-5-7042-2292-7

© Д. А. Безъев, 2012

© Издательство «Прометей», 2012

*Александру Васильевичу Синичкину
посвящается эта книга.*

Автор выражает глубокую признательность к. и. н. Кириллу Рудольфовичу Конюхову (МПГУ), без внимательного руководства которого эта работа не могла бы быть написана. Также автор обязан поблагодарить д. и. н. Дмитрия Олеговича Чуракова (МПГУ), который был более чем снисходителен в оценке данного произведения, чем очень ободрил его создателя. Особую благодарность автор выражает Ольге Викторовне Тимофеевой, любезно предоставившей переводы ряда материалов с польского языка для этой работы.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. Государственное устройство Речи Посполитой. Социальная структура ее и Украины в частности.....	69
§1. Политическое устройство и внутривластное положение Речи Посполитой в первой половине XVII в.	69
§2. Малороссийский народ: попытка определения понятия; его социальная структура в первой половине XVII в.....	92
ГЛАВА 2. Шляхетство Речи Посполитой в первой половине XVII в. Его идеология и политическая ориентация.....	120
§1. Идеология народа-шляхты в ее общем виде. Идеологические течения в польском «сарматизме» и их влияние на политическую ориентацию шляхетства.....	120
§2. Внешнеполитическая ориентация шляхетских политических группировок.....	150
§3. Противоречия между шляхетством различных регионов Речи Посполитой. Политические группировки в среде казацкой старшины.....	161
ГЛАВА 3. Российская дипломатия и «Украинский вопрос» в Речи Посполитой.....	172
§1. Политика российского правительства в отношении Речи Посполитой и ее украинских земель в первой половине XVII в.	172
§2. Реакция московского правительства на начало выступления под руководством Б.Хмельницкого.....	191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	206
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	211

ВВЕДЕНИЕ

Минуло несколько лет, как практически незаметно для широких слоев общественности двух, теперь уже независимых и суверенных государств, прошел трехсотпятидесятилетний юбилей Переяславской рады, «воссоединения Украины с Россией», то есть перехода гетмана Богдана (Зиновия) Хмельницкого со старшиною и населением Переяслава и окружающих его сел (именно они участвовали в раде) «под высокую царскую руку» Алексея Михайловича, царя Московского. У многих из нас в России эта дата вызовет разве что горькие воспоминания о былом могуществе Советского Союза, а до него – Российской империи, о бывлой «нерушимой дружбе народов СССР», в первую очередь – трех братских славянских народов, об отсутствии границ с таможенными на пути в Крым, об единой денежной системе, да и много еще других воспоминаний и невеселых мыслей придет в голову российскому гражданину в связи с этим юбилеем. На Украине юбилейная дата тоже прошла малозаметно по множеству причин. Ни на Украине, ни в России не случилось широкого издания исторических трудов по случаю этого события трехсотпятидесятилетней давности. Совсем не то было пятьдесят лет назад. Конечно, к 300-летию «воссоединения» издали книги идеологически выверенные, но не только же «Тезисы о трехсотлетию воссоединения Украины с Россией (1654–1954)» ЦК КПСС. А с тех пор по данной теме, по истории Украины вообще, опубликовано до обидного мало (а ведь такая большая республика бывшего СССР, а теперь еще и независимое государство с пятидесятимиллионным населением). Правда, издали в последние годы ранее почти запрещенных авторов конца XIX – начала XX вв., так называемых «украинских националистов» (например, «Иллюстрированную историю Украины» М. С. Грушевского, переиздали многие работы Н. И. Костомарова), но это уже совсем классика. Из нынешнего поколения отечественных российских историков тему Украины XVI и XVII вв. разрабатывают едва ли не только лишь М. В. Дмитриев и Б. Н. Флоря, хотя издается много непрофессиональных работ. Может быть, прошедший юбилей пробудит интерес к позднесредневековой истории украинского народа у отечественного исторического сообщества. Все же Украинская республика теперь наш западный сосед, а нового

воссоединения в рамках СНГ не предвидится, хотя некоторыми политологами разрабатываются проекты разного рода объединения хотя бы части республик бывшего Советского Союза, «в их ряду и различные варианты евразийского типа... Но “развод” с Украиной не предусматривается ни в одном из этих проектов»¹. На мой взгляд, составление такого рода проектов — напрасный труд. А для того, чтобы в этом убедиться, необходимо обратиться в том числе и к событиям, происходившим в восточной части Речи Посполитой в первой половине XVII в., результатом которых и явилось присоединение Левобережной части Украины к Московскому государству. Олег Рафальский по этому поводу пишет: «Как видим, перипетии 1654 г. имеют свой отголосок и в современную эпоху. А поэтому обращение к тем отдаленным от нас временам остается до сих пор актуальным. Накопленный в последнее время источниковый материал, новые подходы исследователей, которые обязательно следует учитывать (не забывая о заделе предшественников), а, главное, возможность высказывать свои мысли и гипотезы в условиях независимого существования Украины и России позволяют еще раз обратиться к важнейшей для воссоздания подлинной истории теме. На мой взгляд, сегодня необходима более углубленная и реалистичная реконструкция всех исторических деталей, связанных с самим актом заключения Переяславского договора»². Для понимания происходящих ныне на Украине процессов необходимо обратиться к самым истокам украинской государственности, ее зачаткам в середине XVII в., к тому наиболее длительному периоду, «когда Украина имела суверенитет (хотя в известной степени и ограниченный)» и который «приходится на времена гетманства Богдана Хмельницкого»³. Необходимо максимально, насколько это, вообще, достижимо, воспроизвести ситуацию, сложившуюся в Речи Посполитой в целом, и в ее восточной части в особенности, в ее политическом, экономическом, социальном и религиозном аспектах, во время, предшествующее началу Освободительной войны украинского народа под предводительством Богдана (Зиновия) Хмельницкого. Попытаться выяснить стремления и чаяния различных социальных групп насе-

¹ Рафальский О. Наибольшая легенда славянской истории // Родина. — 2004. — № 1. — С. 13.

² Там же. — С. 13.

³ Там же. — С. 11.

ния Украины в то время, истинные воззрения политического класса тогдашнего украинского общества, взаимоотношения казачества с правящим классом Речи Посполитой, их отношения с правительствами сопредельных государств и т. д. и т. п. Без постановки этих проблем и ответов на них мы не сможем отойти, наконец, от старых идеологических схем и штампов о Воссоединении Украины с Россией в одном государстве «как вольного с вольным, как равного с равным», в котором воплотилась вековая мечта двух братских славянских народов. Как будто народ составляет единое целое, и различные общественные группы, входящие в него, не имеют своих собственных, часто противоположных, интересов, причем интересы эти могут быстро изменяться. Случается, конечно, единение всего народа, но бывает это, как правило, только перед лицом внешней угрозы или на религиозной основе.

Предварительно оговорим, что в данной работе пары терминов Украина и Малороссия, украинцы и малороссы (народ русский) будут считаться синонимами: эти пары терминов в работах историков разного времени и ориентации, по сути, обозначают одну территорию или одно и то же население, соответственно.

Отечественная историография, посвященная вопросу Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг., а тем более периоду, ей предшествующему, не слишком обширна, хотя каждый историк, писавший фундаментальную работу по истории XVII в., или учебное пособие, охватывающее тот же период, волей-неволей касался этой, на самом деле крайне щекотливой и, я бы сказал, деликатной темы. Отечественная историческая наука, по большому счету, берет свое начало в 10–20-е гг. XIX в. Обычно ее становление связывают с именем Карамзина. К этому времени, как казалось, был благополучно разрешен не только «Украинский вопрос», но и «вопрос Польский», и не только восточнославянские народы, но и, по большей части, самый мощный из западнославянских народов, еще недавно имевший собственное государство, границы которого еще сто лет назад простирались «от можа до можа», соединились под сенью двуглавого орла Российской империи. Империя казалась незыблемой, успехи ее внешней политики последних двухсот лет — очевидными. В то же время история Речи Посполитой, некогда объединявшей несколько больших и не очень больших народов (собственно поляков, малороссов,

белорусов, литовцев, латышей, частично даже эстонцев, восточно-прусских немцев (последних, правда, на правах полувисимого герцогства)), потеряла актуальность и, по словам поэта, «давнишний спор славян между собою» был окончательно разрешен в пользу Российской империи, создателем которой был великорусский народ и его правящая элита. История перехода Малороссии из Речи Посполитой в состав Московского государства служила живым примером для подтверждения могущества этого государства, проистекающего из правильного его устройства как централизованной монархии, в отличие от аристократической, анархической польской республики, имевшей только внешние атрибуты монархии, но, по существу, таковой не являвшейся. Кроме того, историческая наука в то время ставила перед собой задачу реконструкции подлинных событий, не вдаваясь слишком усердно в попытки анализа, так сказать, всего многообразия факторов, действовавших в конкретное время и приведших к тому результату, который виден на поверхности и для всех очевиден. Такой подход характерен и для наших «ранних» классиков. Кроме того, разбирая и анализируя произведения историков, живших до нас, следует учитывать то, что они люди своей эпохи, что в виду, как я уже сказал, щекотливости темы над ними довлела цензура (в разные периоды времени ее ограничения были либо сильнее, либо слабее, а установки различались). Следует учитывать и то, что историки прошлого не знали точно, как будут развиваться события в будущем и к какому положению вещей приведет исторический процесс. В самом деле, вряд ли могли предполагать классики XIX в., под которыми я подразумеваю Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, что польская государственность будет восстановлена уже во втором десятилетии XX в., а в 1991 г. Украина обретет государственную независимость. Правда борьба поляков за независимость в тех или иных формах велась все время отсутствия собственного государства. А вот отделение Украины от России было, по большому счету, невозможно предвидеть. Поэтому современному историку, имея «на руках» готовый результат исторического процесса, вероятно, даже проще разобраться в хитросплетениях «украинского вопроса» середины XVII века, чем его предшественникам. Имеет значение и практическое отсутствие цензуры в настоящее время.

Дореволюционная российская историография «Украинского вопроса». Но вернемся, собственно, к отечественной историографии, а именно – к классикам XIX в. Подробнее остановимся на сочинениях С. М. Соловьева – представителя «государственнической» школы в отечественной историографии.

Эти произведения написаны с явным стремлением автора дать как можно более подробную картину реально происходивших событий, отличаются большой детальностью описания. Особенно подробно автор описывает перипетии дипломатических переговоров. Собственно положению Малороссии в составе Речи Посполитой посвящена первая глава десятого тома его сочинений. В ней автор касается, в первую очередь, религиозного вопроса. Он подробно останавливается на идейных и материальных предпосылках Унии 1596 г., приводит доводы иезуита Петра Скарги в пользу латинского вероисповедания и его программу Унии, данную им в книге «О единстве Церкви Божией и о греческом от сего единства отступлении». Далее С. М. Соловьев подробно останавливается на состоянии православных епархий в Малороссии (или, как он ее называет, – в Западной России). Особо подчеркивает непригодность высшей иерархии, назначенной польским государством из светской аристократии («из желания наградить не заслуги, оказанные церкви, но заслуги, оказанные государству только»⁴). «Отсюда ослабление дисциплины церковной, падение нравственности низшего духовенства, упадок просвещения»⁵. Также автор останавливается на важности просветительской деятельности братств и части православной аристократии во главе с князем Константином Острожским. Далее С. М. Соловьев подробно описывает перипетии принятия большей частью православной иерархии Брестской унии, положение православного населения после ее принятия. Коротко останавливается автор на истории малороссийского казачества, сравнивая его положение с Донским российским. «В московском государстве козаки воспользовались смутою и, чтоб удобнее бороться с государством, выставили знамена мнимых сыновей и внуков Иоанна Четвертого; но здесь с окончанием смуты кончилось и царство козацкое. Иначе было в государстве Польском: здесь козаки, ратуя за свои интересы

⁴ Соловьев С. М. Собрание сочинений. Т. 6. С. 361.

⁵ Там же. – С. 361–362.

с государством, могли благодаря унии связать свое дело с делом священным, народным, выставить религиозное знамя»⁶. Будучи государственным, С. М. Соловьев вообще не жалуется на казаков, считая их антигосударственным, вредным элементом. Описывает он и восстания казаков против властей Речи Посполитой в 20–30-х гг. XVII в.

Третья глава десятого тома посвящена собственно Освободительной войне украинского народа, начиная с конфликта Богдана Хмельницкого с подстаростой чигиринским Чаплинским, жалобами Хмельницкого «со товарищи» на произвол местных властей и вообще на положение казачества. Автор приводит переписку Хмельницкого с Адамом Киселем, письмо Б. Хмельницкого к уже умершему к тому времени королю Владиславу Четвертому, переписку Хмельницкого с порубежными российскими воеводами, цитирует и другие дипломатические источники. Весьма подробно описывает ход военных действий и резню шляхты и еврейства «гайдамацкими загонами».

В конце XIX в. в отечественной исторической науке сформировалось течение, представителей которого именуют «поздними государственниками». Ярчайшим представителем данного направления является В. О. Ключевский. Философской основой его работ является позитивизм. Как и другие историки той эпохи, он оставил после себя труд, охватывающий весь период отечественной истории: фундаментальный и многогранный «Курс лекций по русской истории», носящий также описательный характер. Тем не менее, он, пожалуй, едва ли не первый из отечественных историков, кто пытался произвести анализ социально-экономических отношений, складывающихся в обществе на разных этапах его развития, проследить причинно-следственные связи явлений отечественной истории. В значительной степени эти наблюдения не потеряли своей научной значимости и в наше время. Украинско-польскому вопросу середины XVII в. посвящены 45 и 46 лекции его курса.

Особое влияние В. О. Ключевский уделяет нравственному характеру казачества как особого сословия феодального польского государства, указывая на причины формирования его нравственного облика и миропонимания: «Международное положение Малороссии деморализовало эту сбродную бродячую массу, мешало зародиться в ней гражданскому чувству.

⁶ Там же. – С. 405.

На соседние страны, на Крым, Турцию, Молдавию, даже Москву казаки привыкли смотреть, как на предмет добычи, как на “казацкий хлеб”. Этот взгляд они стали переносить и на свое государство с тех пор, как на юго-восточной его окраине начало водворяться панское и шляхетское землевладение со своим крепостным правом⁷.

Касаясь вопроса о религиозности казачества, В. О. Ключевский пишет, давая одновременно характеристику малороссийской церковной иерархии конца XVI в., буквально следующее: «Мысль, что он православный, была для казака смутным воспоминанием детства или отвлеченной идеей, ни к чему не обязывавшей и ни на что не пригодной в казачьей жизни. Во время войн они обращались с русскими и их храмами несколько не лучше, чем с татарами, и хуже, чем татарами»⁸.

«Казак оставался без всякого нравственного содержания. В Речи Посполитой едва ли был другой класс, стоявший на более низком уровне нравственного и гражданского развития: разве только высшая иерархия малороссийской церкви перед церковной унией могла потягаться с казачеством в одичании. В своей Украине при крайне тугом мышлении оно еще не привыкло видеть отечество»⁹.

Обращая внимание, как и С. М. Соловьев, на тот факт, что в Малороссийском обществе именно казачество стало оплотом, охраной православия, В. О. Ключевский писал: «И вот этой продажной сабле без Бога и отечества обстоятельства навязали религиозно-национальное знамя, судили высокую роль стать оплотом западнорусского православия»¹⁰.

В. О. Ключевский тонко подметил, как произошло изменение идеологической подоплеки казацких восстаний с начала XVII в.: «Интересы этих четырех классов (духовенства, мещанства, крестьянства и казачества) были разные, но это различие забывалось при встрече с общим врагом. Церковная уния не объединила этих классов, но дала новый стимул их совместной борьбе и помогла им лучше понимать друг друга: и казаку, и холопу легко было растолковать, что церковная уния — это союз ляхского короля, пана, ксендза и их

⁷ Ключевский В. О. Русская история. — М., 2001. — Т. 2. — С. 257.

⁸ Там же. — С. 257–258.

⁹ Там же. — С. 258.

¹⁰ Там же. — С. 259.

общего агента жида, против русского Бога, которого обязан защищать каждый русский»¹¹.

Также В. О. Ключевский очень выразительно представляет нам всю сложность и запутанность социальных противоречий, сложившихся в Малороссии к 40-м гг. XVII в. Ведь там сосуществовало две церкви восточного обряда – Православная и Униатская, присутствовала Римско-Католическая церковь, проживало большое количество евреев, исповедующих иудаизм. Высшее сословие делилось на магнатов, среднюю и мелкую шляхту, причем часть шляхты исповедовала католицизм Римского образца, часть принадлежала к униатской церкви, часть (особенно мелкая шляхта) к православию. Казацкая старшина экономически сравнивалась со шляхтой, но не имела ее прав и привилегий. Крестьянство и мещанство испытывали сильный экономический, социальный, часто и религиозный гнет и т. д. и т. п.¹².

В. О. Ключевский обозначает и еще одну проблему – проблему социального расслоения самого казачества: «Отважная казацкая сабля и изворотливый дипломат, Богдан был заурядный политический ум. <...> Но он не устранил и даже не ослабил той роковой социальной розни, хотя ее и чуял, какая таилась в самой казацкой среде, завелась до него и резко проявилась тотчас после него: это – вражда казацкой старшины с рядовым казачеством, «городовой и запорожской чернью», как тогда называли ее на Украине»¹³.

Итак, В. О. Ключевский акцентирует внимание своих читателей на следующих проблемах истории Малороссии начала – середины XVII в.:

1. Проблема неписанности казацкого сословия в социальную структуру феодального общества Речи Посполитой.

2. Проблема, вернее, тот парадокс, что при крайней неразвитости религиозного сознания, казачество после церковной Унии 1596 г. становится оплотом и вооруженной защитой православия в Малороссии.

3. Проблема крайней запутанности социальных, национальных и религиозных отношений в Малороссии XVII в.

4. Проблема социальной неоднородности самого казачества и, соответственно, разницы в политической ориентации со-

¹¹ Там же. – С. 259–260.

¹² Там же. – С. 262.

¹³ Там же. – С. 265.

ставляющих его частей. В традиции исторических работ того времени автор лишь намечает эти проблемы, предоставляя историкам последующих поколений разбираться в их деталях и производить подробный их разбор и анализ.

Ученик и преемник В. О. Ключевского М. К. Любавский, которого мы также отнесем к тому же направлению в отечественной историографии, в 1917 г. опубликовал свою работу «История Западных славян», в которой дает подробное описание политической системы Речи Посполитой, ее сеймовой системы, прав и привилегий шляхетского сословия, его имущественного расслоения в XVII в., положения религиозных меньшинств на разных этапах истории Речи Посполитой и т. д. О социально-политической обстановке в первой половине XVII в. М. К. Любавский говорит так: «Невежество и деморализация шляхты, ее религиозная нетерпимость обрушивалась всей тяжестью на холопа, находившегося в подчинении у шляхты, и делали его положение по временам нестерпимым. Холоп искал выхода из этого положения, уходя в казачество. Когда же шляхта захотела пресечь для него этот выход и прибрать к своим рукам и казачество, последовал ряд восстаний казаков и хлопов, которые потрясли до основания Речь Посполитую и стоили ей крупных территориальных потерь (отпадение Малороссии)»¹⁴.

Определенный интерес представляет работа профессора П. Жуковича «Сеймовая борьба православного Западно-русского дворянства с церковной унией (с 1609 года)». Мне удалось посмотреть пятый выпуск этой работы, выходявшей частями. Этот выпуск (том) охватывает период времени с 1625 по 1629 гг., издан в 1910 г. В этой работе, насыщенной выдержками из источников (в основном хранившихся в отделе рукописей Императорской Публичной библиотеки в Петербурге), особое внимание уделяется истории организации противоказацких комиссий польским правительством. В частности, в данном томе подробно дана история создания и действия такой комиссии 1625 г.

В данной работе приведены выдержки из инструкции короля Сигизмунда Третьего для комиссии 1625 г. П. Жукович особо обращает внимание на то, что данный документ не оставлял без внимания и религиозную сторону казацкого вопроса. «Комиссарам рекомендовалось добиться того, чтобы

¹⁴ Любавский М. К. История Западных славян. – М., 2004. – С. 413.

казаки «не вдавались в духовные обряды, чтобы они перестали поддерживать людей, под предлогом духовенства ведущих интриги с чужеземцами, самовольно узурпирующих себе титул владыки вопреки королевской воле и назначению». Комиссарам, таким образом, рекомендовалось отвлечь казаков от защиты ими православия вообще и возстановленной патриархом Феофаном православной иерархии в частности»¹⁵.

Автор особо обращает внимание на состав участников антиказацкой вооруженной комиссии 1625 г. «В составе собравшихся к Конецпольскому южнорусских землевладельцев были и православные по вере. Таковы, например, киевский подкоморий Стефан Немирич, киевский хорунжий Федор Елец, киевский чашник Филипп Стрибл. <...> Могущественные материальные интересы сплотили их во едино. Дружный союз польской военно-правительственной силы с местными силами и сокрушил под Куруковым озером запорожскую (по своему происхождению в преобладающей массе крестьянскую) рать»¹⁶.

Далее автор дает подробное описание того, как проходил сейм 1626 г. Король просил денег на войну со Швецией и жалование войскам, участвовавшим в экспедиции против казаков. Шляхта же была озабочена только одним – сохранением и укреплении своих сословных привилегий за счет дальнейшего ослабления королевской власти, что и отразилось в речи маршалка Посольской избы: «Для поляков, как свободного народа, – говорил он, – не может быть ничего дороже свободы, приобретенной кровавыми заслугами их предков, передаваемой потомству, как святыня, с рук на руки. В заключение речи он выражал надежду получить вскоре в печатных сеймовых конституциях новое подтверждение этой свободы»¹⁷.

В числе десяти требований сейма к королю значилось и требование об «успокоении греческой религии»: «...Просим его королевскую милость, чтобы он на этом сейме благоволил изыскать меры и средства, которыми бы это дело наконец основательно можно было бы успокоить. А братьям нашим той религии осталось бы нерушимо при своих древних правах и привилегиях, нарушением которых они и то считают, что теперь недавно холмское епископство дано простолюдину (ple-

¹⁵ Жукович П. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 года). – СПб., 1910. – С. 3.

¹⁶ Там же. – С. 35–36.

¹⁷ Там же. – С. 46.

beio), и что пинским владыкою состоит также простолудин»¹⁸. Сам автор комментирует это требование так: «Требование об успокоении греческой религии изложено было очень неопределенно земскими послами 1626 года. <...> Только предположительно <...> можно допустить, что православные земские послы на сейме 1626 года добивались по прежнему правительственного признания возстановленной патриархом Феофаном высшей православной иерархии. Впрочем и на предыдущих сеймах православные шляхтичи-послы всегда избегали требовать прямо и открыто ея признания, считаясь с фактом возникновения ея без королевского разрешения и отдавая дань тогдашним обще-шляхетским взглядам на епископские кафедры, как на королевские бенефиции. Что православные земские послы были в этом отношении до мозга костей шляхтичами, ярким свидетельством этого служит вышеприведенное окончание требования об успокоении греческой религии. В нем земские послы, по желанию, без сомнения православных послов, жалуются королю не на то, что холмская и пинская епископския кафедры заняты епископами-униатами, а на то, что они заняты епископами нешляхетского происхождения»¹⁹.

Король же, как и на сеймах 1623 и 1625 гг., предложил созвать общий объединительный униатско-православный синод, на котором и решить эту религиозную проблему, а он, Сигизмунд Третий, это общее решение утвердит. Такое решение короля не устраивало православных шляхтичей и православное духовенство, просивших о том, чтобы их права и привилегии были подтверждены сеймовой конституцией и королем.

Далее автор сравнивает просьбу православной шляхты на сейме 1626 г. с просьбой казацкой депутации, присланной в Варшаву во время работы сейма от гетмана Михайла Дорошенка. По поводу религиозного вопроса в казацкой петиции содержалась просьба: «Чтобы митрополит и владыки их, посвященные патриархом, были утверждены королем»²⁰.

Работа профессора Жуковича ценна тем, что включает в себя большое количество выдержек из письменных источников. Это добротное произведение, написанное в духе позитивистской методологии. В нем, через призму источников, можно увидеть систему функционирования шляхетских со-

¹⁸ Там же. — С. 53.

¹⁹ Там же. — С. 54.

²⁰ Там же. — С. 61.

словных органов Речи Посполитой и их взаимоотношения с королем и правительством, сенатом; ощутить «шляхетский дух» той эпохи. Эта работа дает ясное представление о том, что никакой особой борьбы православной шляхты за решение православного религиозного вопроса в Речи Посполитой не было. Просьбы казачества к правящим кругам Речи Посполитой в отношении православной религии звучат гораздо радикальнее, чем шляхетские, имеют не такой узкий сословный характер, а, скорее, «общенародный», хотя на сейм 1626 г. они представлены сразу после Куруковского разгрома казаков. Содержание данной книги подтверждает сложившееся и в украинской националистической, и в официальной советской историографии мнение, что именно казачество оказалось защитником православной веры на Украине после Брестской унии. В контексте этого вывода, прямо следующего из всего содержания книги, само название ее – «Сеймовая борьба православного Западнорусского дворянства с церковной унией» – кажется странным ввиду практического отсутствия этой самой «сеймовой борьбы».

«Украинская националистическая» историография «Украинского вопроса». Кратко обзрев отечественную историографию государственнического направления XIX – начала XX вв., обратимся теперь к историкам той же эпохи, коих принято считать «украинскими националистами». Начнем свой обзор с работ Н. И. Костомарова.

В своей остро полемической работе «О русско-польских отношениях. Полякам миротворцам» он, обращаясь к теме Люблинской унии 1569 г. и ее последствий для народа Юго-Западной Руси и польского государства, писал: «Политическое соединение Великого княжества Литовского с польскою короною произведено было шляхетским сословием: <...> всю массу остального населения не спрашивали и не считали нужным и возможным ее спрашивать. Шляхетство одно получило выгоды от соединения с поляками, и оттого так ополячилось и оторознилось от своего народа; остальная масса народа заявила свой протест, когда пришло время...»²¹.

Н. И. Костомаров активно полемизирует и по поводу вопроса о целях Брестской унии как унии, имевшей в основ-

²¹ Костомаров Н. И. О русско-польских отношениях. Полякам миротворцам // Русские инородцы. – М., 1996. – С. 379–380.

ном религиозные цели, или как о мероприятии скорее политическом, ставившим своей целью создать монолитное общество в разноплеменной Речи Посполитой. Костомаров со всей определенностью поддерживает первую точку зрения (статья «Рецензия на книгу “Архив Юго-Западной России”»): «Сигизмунд Третий видел в ней удачное средство связать теснее Русь с Польшею; но это было не главное побуждение. В духе поляков, как и вообще славянских народов, не было стремления искоренять другие народности и сливать со своею, господствующей. Мы не видим ни малейшего следа гонения народного языка, ни презрения к русским обычаям, что обыкновенно сопровождает систематическую насильственную выработку народного единства. Цель унии со стороны католиков была более религиозная, чем политическая»²².

Н. И. Костомаров наиболее подробно из всех упоминаемых выше авторов останавливается на еврейском вопросе в Малороссии, стараясь объяснить практически полное истребление евреев на ее территории вышедшей из-под контроля Польской администрации во время войны под руководством Богдана Хмельницкого. Для этого он подробно рассматривает социальное и экономическое положение, которое занимала еврейская диаспора на территории Малороссии в первой половине XVII в. В статье «Иудеям» он пишет: «В польском мире, <...> благодаря крепостному праву, народ, поработенный панству, мог только через промыслы, ремесла и торговлю возвышаться и противодействовать сколько-нибудь роковой судьбе, постоянно осаживавшей его все глубже и глубже в печальную яму бесправия и страдательного терпения. Так действительно и было на западе, где среднее сословие поставило оплот произволу баронов. <...> В Польше и Малороссии эта роль не досталась народу: ее заняли иудеи, народ, который, по своей древней исторически развитой природе, не мог действовать иначе, как для собственных, отдельных от туземцев целей»²³.

«Таким образом, когда иудеи расселились в Польше и Малороссии, они заняли место среднего сословия, сделались вольными слугами и агентами могучего панства: <...> пока

²² Костомаров Н. И. Рецензия на книгу «Архив Юго-Западной России» // Русские инородцы. – М., 1996. – С. 403–404.

²³ Костомаров Н. И. Иудеям // Русские инородцы. – М., 1996. – С. 286.

народ, восставши против панства, не поверг своему осуждению и помощников последнего»²⁴.

Наконец, перу Н. И. Костомарова принадлежит весьма объемная работа «Богдан Хмельницкий». В ней подробно рассмотрены вопросы генезиса казачества как специфического сословия феодального общества Речи Посполитой, освещена история казацких восстаний XVI – первой половины XVII вв., показано внутреннее состояние польского государства в указанный период, положение различных сословий малороссийского общества, религиозный вопрос в Малороссии и т. д. Самое интересное для нас то, что автор дает свою версию, так сказать, истинную подоплеку выступления Богдана Хмельницкого против властей Речи Посполитой. Костомаров подробно останавливается на идее о вероятности сговора между Богданом Хмельницким и королем Владиславом Четвертым и об их совместных планах по изменению внутривосточной системы Речи Посполитой, обузданию фактически управлявшей страной магнатской верхушки, укреплению власти польских королей, дрейфа польского государства в сторону абсолютной монархии. Взамен же верхушка казачества могла бы получить статус шляхты, а казачество в целом – добиться независимости от магнатов, польского и украинского шляхетства. Рассматривает автор подробно и реальный ход военных действий и обширную дипломатическую деятельность Богдана Хмельницкого.

Таким образом, у Н. И. Костомарова мы находим предположения о внутривосточной борьбе и вовлеченности в нее казачества, что особенно важно для нас. Также откровеннее всех остальных историков он описывает резню малороссийского еврейства и старается объяснить такое поведение малороссийского населения в первую очередь социальными отношениями, сложившимися на Украине в описываемый период. Подробнее других историков той поры он останавливается и на вопросах социального положения населения украинских воеводств Речи Посполитой.

К этому же украинско-националистическому направлению отечественной историографии относят и М. С. Грушевского. М. С. Грушевский в своей работе «Иллюстрированная история Украины» подробно рассматривает проблему генезиса казачества, формирования структур управления Запорожской Сечи,

²⁴ Там же. – С. 287.

историю казачьих и казацко-крестьянских восстаний, предшествовавших Освободительной войне под предводительством Б. Хмельницкого, дает обзор социально-религиозной обстановки в Малороссии в XVI – первой половине XVII вв., касается истории создания Братств и их влияния на малороссийское население. Существенно важными во взглядах М. С. Грушевского для нас являются следующие моменты:

1. Б. Хмельницкий изначально находился в заговоре с королем Речи Посполитой Владиславом Четвертым. Целью этого заговора короля с казацкой старшиной было провоцирование войны с Турцией с тем, чтобы под благовидным предлогом ее начала набрать армию и, таким образом, усилить королевскую власть в государстве и «укоротить» могущество магнатов. Цитата из работы М. С. Грушевского: «Сам будучи участником тайных переговоров с королем, Хмельницкий знал, что король в своих видах желал увеличения казачьего войска и освобождения его от стеснений новой ординации; ввиду этого он надеялся, что король не будет против восстания – казаки все еще слишком верили в силу и значение личной воли королевской, хотя польская конституция очень мало оставляла места этой последней»²⁵.

2. Первоначальной целью выступления запорожских казаков под предводительством Б. Хмельницкого было только восстановление старых казачьих вольностей, потерянных после подавления их выступлений 1637–1638 гг. (восстановление выборности предводителей, увеличение реестра и т. д. и т. п.). Сам М. С. Грушевский пишет об этом так: «Ни Хмельницкий, ни казачество, подымая восстание, не думали еще о каком-нибудь коренном переустройстве украинских отношений. Они хотели добиться отмены ординации 1638 года и возобновления старых казачьих порядков, как писал Хмельницкий из Запорожья Потоцкому, самое большое – чтобы реестровое войско было увеличено до 12 тысяч...»²⁶. Таким образом, М. С. Грушевский указывает на непротиворечивость, некое совпадение интересов короны и казачества.

3. М. С. Грушевский считал, что в начале восстания Б. Хмельницкий и не думал становиться общемалороссийским лидером, видя самого себя лишь предводителем восстав-

²⁵ *Грушевский М. С.* Иллюстрированная история Украины. – М., 2001. – С. 293.

²⁶ Там же. – С. 295.

шего казачества, борющегося исключительно за свои права и привилегии, а также за восстановление структур православной церкви в Малороссии в полном объеме. С малороссийским крестьянством же Б. Хмельницкий себя никак не связывал: «...Под влиянием известий о Хмельницком происходили восстания в самых отдаленных местностях. Но Хмельницкий в то время не интересовался такими перспективами: его и без того тревожило, что он так сильно оскорбил “Маестат Речи Посполитой” (величие Польского государства)...»²⁷.

4. Перерождение Хмельницкого из предводителя казачества в общенационального лидера М. С. Грушевский связывает с его пребыванием в Киеве зимой 1648–1649 гг. По мнению М. С. Грушевского, значительное влияние в этом плане на Хмельницкого оказал Иерусалимский патриарх Паисий: «Иерусалимский патриарх Паисий, находившийся тогда в Киеве, высказывал мысли, далеко выходившие за пределы казацких ординаций и торгов с польскими комиссарами за казацкие права. Современники говорят, что он величал Хмельницкого князем Руси (Украины), главой независимого украинского государства. Под влиянием этих бесед Хмельницкий сам стал другими глазами смотреть на свое восстание и его задачи. <...> Надо было думать обо всем народе, об всей Украине»²⁸.

5. Исходя из того, что известно о международных сношениях Б. Хмельницкого с иностранными государствами, М. С. Грушевский делает вывод: «Железной рукой Хмельницкий правил казачеством, но не полагаясь на его выдержку, а еще менее — на народные массы, жадно искал помощи за границей»²⁹. Происходило это от того, что «...он оставался еще слишком казаком, находился под гораздо более сильным влиянием чисто казацких воззрений и интересов, чем новых общенародных, общеукраинских»³⁰.

В другой своей работе под названием «История украинского народа» М. С. Грушевский более подробно останавливается на аспектах социального и общественно-политического развития населения Малороссии в интересующее нас время. В одиннадцатой главе, в частности, рассматривается вопрос об истории права на территории Малороссии, дается ретроспек-

²⁷ Там же. — С. 296.

²⁸ Там же. — С. 298–299.

²⁹ Там же. — С. 306.

³⁰ Там же. — С. 308.

тива вопроса: «Под непосредственным влиянием польского права и посредством (через законодательство и практику Великого княжества Литовского) видоизменялся в XIV–XVII веках строй украинских земель. Разнообразие общественных классов и групп с их незаметными переходами при отсутствии резких сословных границ, отличавшее древнерусский общественный строй, заменяется резко отграниченными условиями – привилегированным шляхетским и бесправным крестьянским. Город, бывший прежде центром жизни земли и ее представителем, исключается из земского строя и теряет свое значение. <...> Привилегированным классом в украинских землях становятся все более и исключительнее поляки. <...> Социальная несправедливость обостряется национальной рознью, сознанием национального гнета, подменяемым чувством совпадающего с ним гнета религиозного»³¹. Постепенное распространение польского законодательства на земли, населенные малороссийским населением приводит постепенно к тому, что «украинское население живет в украинских провинциях Польши только как этнографическая масса. А не нация, и православная “русская” церковь остается единственным учреждением, носящим национальную форму. <...> Украинскую национальность – и то в виде темного стихийного чувства или сознания религиозной обособленности – сохраняют лишь крестьяне, мелкое мещанство и православное духовенство – сословия, не имевшие голоса ни в государственной жизни, ни в местном самоуправлении»³².

Интересно замечание М. С. Грушевского, сделанное в этой работе относительно Высшего православного малороссийского духовенства: «Но православная иерархия, от которой прежде всего следовало бы ожидать протеста, выказывала полную неспособность к нему, отсутствие энергии к борьбе и полный недостаток инициативы в улучшении положения православной церкви. Отчасти это было следствием старой привычки, укоренившейся среди православной иерархии, – опираться на правительственную власть: по старой традиции вне правительственных сфер, в самом обществе она как-то не умела найти для себя точки опоры»³³.

³¹ Грушевский М. С. История украинского народа. – М., 2002. – С. 137–138.

³² Там же. – С. 146–147.

³³ Там же. – С. 162.

Таким образом, М. С. Грушевский акцентирует внимание своих читателей на ущемлении прав украинского (малороссийского) населения со стороны польского и ополяченного туземного шляхетства, при этом почему-то использует термин «нация» по отношению к малороссийскому народу применительно к XVI – началу XVII в. Ведь в это время нации формируются в Западноевропейских странах, а применительно к малороссийскому, крайне фрагментированному в культурном и экономическом отношении в то время народу, термин «нация» применять не очень корректно. Быть может, М. С. Грушевский понимал под «нацией» нечто иное, что мы понимаем сейчас – народ, имеющий собственное государство, независимое от других государств. Особо надо отметить позицию М. С. Грушевского относительно пагубности введения Магдебургского права для развития городов Малороссии, что введение этого права (как правило, в усеченном виде, особенно в частновладельческих городах этой территории) приводило к еще большему ухудшению и дискриминации малороссийского мещанства со стороны польского населения городов и шляхты.

Представляет интерес и то, что автор упоминает «легенды», имевшие хождение среди населения Малороссии, о том, что за выступлением Богдана Хмельницкого и казаков стоит король, пытающийся таким образом при помощи казачества «унять» вконец распоясавшихся магнатов. И, таким образом, выступление запорожцев является легитимным и «освященным» монаршей волей.

Историография «Украинского вопроса» в русской иммиграции. Среди работ русских историков-иммигрантов хочется отметить А. В. Карташева, автора двухтомника под названием «Очерки по истории Русской церкви». В этом фундаментальном труде (во втором его томе) имеется глава «Схематический очерк истории православной русской церкви в Польше от Брестской унии 1596 года до соединения ее с Московским патриархатом в 1687 году». Следует отметить, что, хотя этот очерк и называется «схематическим», он, однако, весьма обширен и подробно описывает положение православной церкви на Украине в указанный период. В нем уделено место описанию обстоятельств введения унии 1596 г., методов ее введения, дана краткая справка по ордену базилиан и их деятельности, подробно автор останавливается на борьбе пра-

вославных Малороссии с унией и роли в этой борьбе братств, замечая при этом, что «положительной стороной польской государственности было то, что православные могли и печатно, и устно, и на Генеральных сеймах заявлять о своих стеснениях и лишениях»³⁴. Описывает автор также и обстоятельства восстановления православной иерархии в Малороссии и легализации православной церкви после смерти польского короля Сигизмунда Третьего. О настроении малороссийской православной иерархии в период, предшествующий началу освободительной войны украинского народа, А. В. Карташев пишет: «И очень характерно, что православная Русская церковь в лице иерархии и монашества, по свойственному ей долготерпению, готова была жить и действовать в достигнутых легальности и терпимости. <...> Настроение православных иерархов и школьных богословов, успокоенных конституционно-обеспеченной свободой Православия и удобным по отдаленности, почти нереальным возглавлением Константинопольского патриархата, не соблазнялось юрисдикцией Москвы»³⁵.

Таким образом, А. В. Карташев отмечает наличие в Малороссии середины XVII в. как промословски настроенных сил, так и сил и общественных групп, настроенных по отношению к соединению Малороссии с Россией, прямо скажем, скептически. Одной из таких групп являлась и значительная часть малороссийской православной иерархии.

Для исследователя истории Украины представляет интерес и книга русского эмигранта, профессора Йельского университета в США, Н. И. Ульянова «Происхождения украинского сепаратизма». Автор продолжает традицию официальной российской историографии, ее государственной школы: по сути, он отрицает само существование украинского народа, отдельного украинского языка, рассуждает об исключительной вредности казачества как разбойной, антигосударственной общности. «Кто не понял хищной природы казачества, кто смешивает его с беглым крестьянством, тот никогда не поймет ни происхождения украинского сепаратизма, ни смысла события ему предшествовавшего в середине XVII века. А событие это означало не что иное, как захват небольшой кучкой степной воль-

³⁴ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. – СПб., 2004. – Т. 2. – С. 277.

³⁵ Там же. – С. 299.

ницы огромной по территории и народонаселению страны»³⁶. «Фигура запорожца не тождественна с типом коренного малороссиянина, они представляют два разных мира. <...> Казачество порождено не южнорусской культурой, а стихией враждебной, пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею. Высказанная многими русскими историками (интересно какими? — Б. Д.), мысль эта поддержана ныне немецким исследователем Гюнтером Штеклем, полагающим, что первыми русскими казаками были русифицировавшиеся крещеные татары. В них он видит отцов восточнославянского казачества»³⁷.

Здесь автор предлагает версию, несколько отличную от версии М. С. Грушевского и других отечественных и польских авторов, считающих запорожских казаков беглыми крестьянами и, соответственно, носителями именно крестьянского менталитета, который под влиянием жизни в степи на «ничейной» территории, в условиях полной свободы от всего и от вся, соответствующим образом видоизменился и стал похож на образ жизни тех «ранних» татарских казаков, о которых упоминает, к примеру, М. С. Грушевский. Представляется крайне маловероятно, чтобы запорожские казаки прямо, биологически происходили от татар, хотя, конечно, они включали в себя и тюркский элемент, но он не был, разумеется, доминирующим в запорожском казачестве.

Относительно формы управления Малороссии, сложившейся в первой половине XVII в. и окончательно закреплённой в годы войны 1647–1654 гг. на подконтрольных Богдану Хмельницкому территориях, Н. И. Ульянов замечает: «Выработанная и сложившаяся в степи для небольшой самоуправляющейся военно-разбойничьей общины, система эта переносилась теперь на огромную страну с трудовым оседлым населением, с городами, знавшими Магдебургское право»³⁸.

Относительно социальных запросов казачества автор пишет: «Вчерашняя разбойничья вольница, сделавшись королевским войском, призванным оберегать окраины Речи Посполитой, возгорелась мечтой о некоем почетном месте в панской республике; зародилась та идеология, которая сыграла потом столь важную роль в истории Малороссии. Она заключалась в сближении по-

³⁶ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. — М., 2007. — С. 45.

³⁷ Там же. — С. 44.

³⁸ Там же. — С. 60.

нения “казак” с понятием “шляхтич”³⁹. То есть мнение профессора Ульянова по вопросу о социальных запросах казачества совпадает с мнением таких историков, как С. М. Грушевский, польский исследователь В. Серчик и многих других.

А вот как профессор Ульянов описывает отношения малороссийского крестьянства и казачества: «Крестьянство изнемогало под бременем налогов и барщины; <...> громя панские замки и фольварки, мужики делали не свое дело, а служили орудием достижения чужих выгод. Хлопская ярость в борьбе с поляками всегда нравилась казачеству и входила в его расчеты. Численно казаки представляли ничтожную группу; в самые хорошие времена она не превышала 10 000 человек, считая реестровых и сечевиков вместе. Они никогда почти не выдерживали столкновений с коронными войсками Речи Посполитой. Уже в самых ранних казачьих восстаниях наблюдается стремление напустить прибежавших за пороги мужиков на замки магнатов. Но механизм и управление восстаниями находились, неизменно, в казачьих руках, и казаки добивались не уничтожения крепостного порядка, но старались правдами и неправдами втереться в феодальное сословие. Не о свободе тут шла речь, а о привилегиях. То был союз крестьянства со своими потенциальными поработителями, которым удалось, с течением времени, прибрать его к рукам, заступив место польских панов»⁴⁰.

Этот отрывок, весьма красочно иллюстрирующий отношение автора к казачеству и малороссийскому крестьянству, требует более развернутого комментария. Итак, начнем по порядку. Первое, на что обращаешь внимание — на то, что автор определяет количество всех собравшихся в Запорожье и реестровых всего только в 10 000 человек. Ведь после разгрома казаков в 1638 г., т. е. во время их максимального ослабления, только в реестре их числилось 6 000 человек. А это была лишь только малая часть всех, кто собрался в днепровских степях и тех, кто, проживая в городах и селах «показачился», т. е. объявил сам себя казаком и перестал платить налоги. Далее автор утверждает, что, мол, казаки натравливали беглых крестьян на магнатов. Выходит, что «прибежавшие за пороги мужики» не казаки. А кто они тогда? Беженцы? Бежали-то они, заметим, в Запорожье без семей, да и лиц, современным языком

³⁹ Там же. — С. 48–49.

⁴⁰ Там же. — С. 49.

выражаясь, «вышедших из призывного возраста» среди них не наблюдалось. Значит, собирались они приобщиться к запорожской вольнице и стать казаками. Далее автор замечает, что «механизм и управление восстаниями находились, неизменно, в казачьих руках». Что и подтверждает тот факт, что казачество в Малороссии было организатором и зачинщиком вооруженных выступлений против шляхетства и правительств Речи Посполитой, к которым раз за разом все сильнее и сильнее присоединялось малороссийское крестьянство и мещанство, придавая этим выступлениям все более и более общенациональный характер. С утверждением автора о том, что казачество, организуя эти выступления, руководствовалось, в первую очередь, своими собственными целями, а именно — включения его целиком, или хотя бы старшины в феодальное сословие Речи Посполитой, то с этим посылом спорить не приходится. Других общественных отношений, кроме сложившихся в недрах феодального общества, оно не знало, да и не могло знать в принципе. С этим соглашаются все серьезные современные исследователи.

По поводу идей национального государственного устройства, существовавших в Малороссии в середине XVII в., Н. И. Ульянов пишет следующее: «Там, попросту, не существовало в те дни идеи “независимости”, а была лишь идея перехода из одного подданства в другое. Но жила она в простом народе — темном, неграмотном, не причастном ни к государственной, ни к общественной жизни, не имевшего никакого опыта политической организации. Все руководство сосредотачивалось в руках казачьей аристократии. А эта и не думала ни о независимости, ни об отделении от Польши. <...> Насчет истинных симпатий Хмельницкого и его окружения двух мнений быть не может, — это были полонофилы; в московское подданство шли с величайшей неохотой и страхом»⁴¹.

По Н. И. Ульянову выходит, что среди малороссийского крестьянства и мещанства доминировала идея Московского подданства. Казачество же стремилось включиться в шляхетское сословие Речи Посполитой или найти себе другого монарха-покровителя (например, турецкого султана, либо завоевать Семиградье и осесть там в качестве привилегированного сословия). Идеи же полной государственной самостоятельности

⁴¹ Там же. — С. 54–55.

в Малороссии в то время вообще не существовало. Действительно, в то время идея малороссийской «незалежности» еще не оформилась, но уже начала формироваться вместе с формированием национального самосознания малороссийского народа. Процесс осознания своей национальной особенности – процесс длительный. В Малороссии он шел очень медленно и сложно ввиду того, что различные части Юго-Западной Руси (Малороссии) в разное время входили в состав различных государств и подвергались культурным и политическим влияниям с их стороны. В результате общекультурное пространство Малороссии оказалось крайне фрагментированным. И в первой половине XVII в. выработать общенациональный консенсус по поводу малороссийской государственности было просто невозможно. Все же мне представляются объективно более верными мнения Н. И. Костомарова, М. С. Грушевского и других авторов, утверждавших, что носителем идеи создания некой малороссийской протогосударственности являлось именно Запорожское казачество как относительно организованная военно-политическая сила. Других общественных групп, способных выдвигать и пытаться реализовать такие идеи, в Малороссии в указанный период просто не было, так как там отсутствовала национальная аристократия, а буржуазные классы и общественные группы в городах (например, интеллигенция) еще даже не начали формироваться. Средневековое же крестьянство, каковым и являлось малороссийское крестьянство в первой половине XVII в., задавленное несением государственных и феодальных повинностей, выдвигать какие-либо идеи вообще было не в состоянии. Оно было слишком занято собственным физическим выживанием. Мечта малороссийского крестьянина той эпохи – стать казаком и никаких податей не платить, барщины не отрабатывать. Неважно, при какой власти это станет возможно. И казаки, и крестьяне, и мещане желали одного – чтобы государственная власть ими интересовалась как можно меньше. И в этом смысле выбор подданства сильно централизованного московского государства – вынужденная мера, вызванная вероятностью разгрома казачества силами Речи Посполитой.

Далее в своей книге профессор Ульянов справедливо замечает, что малороссийская православная иерархия была не в восторге от идеи присоединения к московскому государст-

ву. «Несмотря на жестокое польское гонение, малороссийский епископат был проникнут польскими феодальными замашками и традициями. Свою роль в православной церкви он привык мыслить на католический образец. «Князь церкви» – таков был идеал украинского архиерея»⁴².

В целом книга Н. И. Ульянова дает весьма полное представление о позиции официального имперского направления в отечественной историографии украинского вопроса. В ней автор все время пытается доказать «надуманность» проблемы украинского сепаратизма, которую раздувала узкая группа малороссийских интеллигентов-отщепенцев при поддержке иностранных государств. Ульянов указывает, что объективно не существует никакого украинского народа и литературного украинского языка, а есть только единый русский народ с единым русским литературным языком и т. д.

Другой представитель русской иммиграции – А. Дикий – также продолжает традицию российской государственнической исторической школы, остро полемизируя в своей книге с М. С. Грушевским. Он считает, что в украинском народе неистребимо жила тяга к воссоединению с великорусским народом: «...Можно категорически утверждать, что стремление к воссоединению было искренним и обоюдным, как у народов Москвы и Украины-Руси, так и у их вождей. И только исключительно неблагоприятное время начала восстания помешало Москве немедленно активно включиться в дело освобождения Украины-Руси»⁴³. Целью выступления Б. Хмельницкого было «воссоединение с Москвой с сохранением широкой автономии или федерации, который в результате восстания и был осуществлен, хотя и не полностью. Этот последний вариант является не только исторически точным, но он был и логически неизбежным, учитывая как внешнеполитическую обстановку, так и настроения народных масс»⁴⁴. По поводу настроений в среде казачьей старшины (на примере политики гетмана Сагайдачного) у этого автора читаем: «Объяснение каждого зигзага в сторону Польши надо искать вовсе не в симпатиях самого Сагайдачного и казачества к Польше, а в стремлении предотвратить кровопролитие и истребление народа Украины-Руси, или в попытках, благодаря компромиссу с Польшей,

⁴² Там же. – С. 94.

⁴³ Дикий А. Незвращенная история Украины-Руси. – М., 2007. – С. 255.

⁴⁴ Там же. – С. 233.

облегчить тяжелые условия жизни под режимом Речи Посполитой. <...> И, наоборот, все антипольские зигзаги политики Сагайдачного, без всякого сомнения, отражали настроения и устремления и его личные, и всего народа. Что другое, как не эти настроения, могло вызвать вступление Сагайдачного со всем войском в киевское братство...»⁴⁵.

В целом, когда читаешь произведение этого представителя русской эмиграции о положении дел на Украине в первой половине XVII в., создается впечатление, что читаешь советского историка, писавшего книгу к юбилею 300-летия Воссоединения Украины с Россией. По манере изложения это очень напоминает, например, ранние работы В. А. Голобуцкого. Таким образом, мы плавно подошли к советской историографии данной темы.

Историография «Украинского вопроса» советского периода. Следующий этап историографии данного вопроса – советский период. Советскую историческую школу отличают: 1) формационный подход; 2) постулат о том, что основным двигателем прогресса является классовая борьба; 3) примат экономико-социального фактора в развитии общества. Философской основой данной школы является марксизм-ленинизм.

Хотя первая книга из серии ЖЗЛ «Богдан Хмельницкий» вышла в свет в конце 1930-х гг., наибольшее количество работ по истории Освободительной войны украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого в советской историографии относится ко времени празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, и относится к началу – середине 1950-х гг. Тогда АН УССР была издана одноименная книга, в Москве был издан трехтомник «Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах», целый ряд монографий советских историков.

В письме корифея советской исторической науки М. П. Нечкиной «К вопросу о формуле “наименьшее зло”», помещенном в журнале «Вопросы истории» № 4 за 1951 г. речь идет о концептуальном изменении отношения в советской историографии к вопросу о включении в состав Российской империи новых территорий, населенных нерусским населением. Автор считает, что применение формулы «наименьшее зло» по отношению к фактам присоединения к России новых территорий с инородческим населением в корне неверно. Это не «зло», а «добро». Как

⁴⁵ Там же. – С. 190–191.

примеры этого «добра» приводятся факты присоединения Украины, Грузии, Армении и т. д. Здесь на себя обращает внимание тот факт, что уважаемый автор считает украинский народ настолько же отличным от собственно русского народа, как и грузинский, и армянский. Это мнение идет вразрез с мнением отечественной официальной историографии имперского периода, отрицавшей существование как такового отдельного украинского народа в принципе. В лучшем случае допускалось существование малороссийской ветви единого русского народа, происходящего из древнерусской народности. Да и эту крамолу высказывали авторы, относимые к украинским националистам (например, Костомаров). Еще интересно это письмо тем, что в нем дается ретроспектива проблемы «наименьшего зла». «Формула эта, как известно, возникла и распространилась в конце 1930-х годов, она разоблачала несостоятельность “школы” Покровского и в борьбе с этой “школой” сослужила в свое время большую службу советской исторической науке. Она разоблачила ту вредную, ложную, антиисторическую точку зрения, которая отвлекаясь от конкретных исторических условий, рассматривала, например, переход Украины и Грузии под власть России как абсолютное зло. Абстрактное, схоластическое рассмотрение исторических явлений вне связи с исторической обстановкой и наклеивание абстрактных “ярлыков” вообще были свойственны “школе” Покровского, проявлялись они и в данном вопросе. Постановление жюри правительственной комиссии от 22 августа 1937 года опрокинуло это представление. Напомню общеизвестную цитату: “Авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII веке. <...> Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, так же как факт перехода Украины под власть России, рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени”»⁴⁶. Особенно возмущает автора то, что формула «наименьшее зло» применяется и к тем народам, которые до своего присоединения к Российской империи, вообще не имели своей государственности.

В журнале «Вопросы истории» № 7 за 1956 г. помещена статья В. Е. Шутого и А. Ф. Чмыги «Статьи по истории в “трудах” украинских университетов и педагогических институ-

⁴⁶ Нечкина М. П. К вопросу о формуле «наименьшее зло» // Вопросы истории. – 1951. – № 4. – С. 44.

тов». Статья имеет характер историографической работы, рассматривающей публикации в «трудах» вышепоименованных украинских учебных заведений в период с 1946 по 1955 гг. Начинается статья так: «Университеты и пед. институты Украины в 1946–1955 годах издали свыше 40 сборников научных работ на исторические темы. Выходят эти сборники, к сожалению, редко, нерегулярно. Это относится даже к Киевскому и Львовскому университетам, имеющим свои издательства»⁴⁷.

Для нас представляет интерес характеристика, которую авторы дают Б. Хмельницкому: «Выходец из среды казацкой старшины, он был связан с ней на протяжении всей своей жизни и являлся выразителем ее классовых интересов. Он был заинтересован в сохранении феодальных отношений и не мог выдвинуть другой тип государства, кроме феодального. <...> Деятельность Б. Хмельницкого нельзя освещать односторонне: надо показывать не только огромную прогрессивную роль Хмельницкого, но и классовую ограниченность его внутренней социальной политики»⁴⁸.

С мнением авторов о том, что целью руководившей борьбой малороссийского населения против польского государства казацкой старшины было занятие ею положения шляхты и что Хмельницкий был именно выразителем интересов казачества и, особенно, его старшины, нельзя не согласиться.

В. А. Голобуцкий, как и другие авторы, останавливается на внутривойсковом и внутриэкономическом положении Речи Посполитой, отмечая при этом засилье магнатов как в экономической, так и в политической жизни страны, бесправное и крайне тяжелое с экономической точки зрения положение крестьянства в Речи Посполитой. Далее мы встречаем у него несколько новых для нас утверждений:

1. Видимо для того, чтобы ярче изобразить всю тяжесть положения крестьянства в польском государстве, автор пишет следующее: «Магнаты и шляхта всячески стремились увеличивать доходность своего хозяйства, что приводило в Польше, как и в ряде других стран, к развитию барщины. Рост барщины в свою очередь вел к расширению панских имений и к неизбежному сокращению крестьянских наделов, к сгону

⁴⁷ Шутый В. Е., Чмыга А. Ф. Статьи по истории в «трудах» украинских университетов и педагогических институтов // Вопросы истории. – 1956. – № 7. – С. 128.

⁴⁸ Там же. – С. 134–135.

крестьян с земли и к их пауперизации. Сокращение крестьянских наделов в результате развития барского хозяйства получается в Польше характерное название “обцирклевания” (огораживания). Лишившийся надела крестьянин превращался в нищего, не имевшего ни крова, ни какого бы то ни было имущества. Процесс огораживания, приводивший к разорению крестьянства, стал хорошо заметным уже во второй половине XVI – первой половине XVII века»⁴⁹.

В Речи Посполитой действительно имел место процесс закрепощения крестьянства, возможно, самый сильный в Европе, но переносить на польскую почву чисто английское явление огораживания и пауперизации широких масс крестьянства – это уже слишком. Либо закрепощение, то есть прикрепление к земле, правда уже не крестьянской, а помещичьей, которая и имеет настоящую ценность только тогда, когда заселена и обрабатывается крепостными при феодальном способе производства (который только и был типичен для Речи Посполитой тех лет), либо сгон крестьян с земли и их пауперизация, образование рынка свободных рабочих рук и ускоренное развитие капитализма по английскому образцу, чего в Речи Посполитой и в помине не было. Бегство же крестьян и их уход в казаки было следствием тяжелой их эксплуатации, а не сгона с земельных наделов.

2. Гнет, которому подвергалось малороссийское население в Речи Посполитой, В. А. Голобуцкий описывает так: «На Украине социально-экономический гнет, тяготевший над народными массами, усиливался безраздельным господством магнатов, национальным угнетением и религиозными преследованиями. Проводя политику насильственного ополячивания украинского народа, польские правящие круги изгоняли украинский язык из употребления в официальных учреждениях, грубо попирали местные особенности в области права и обычаи, подвергали унижению и поруганию украинскую национальную культуру. Религиозные преследования особенно усилились с конца XVI века, после Брестской унии 1596 года. Уния, проводимая при участии Ватикана, была наиболее удобным, с точки зрения господствующих кругов Речи Посполитой, средством постепенной полонизации украинско-

⁴⁹ Голобуцкий В. А. Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого. – М., 1954. – С. 13–14.

го народа. Необходимо подчеркнуть также, что одной из главных целей унии было искусственное отделение украинского народа от своего старшего брата – великого русского народа, связанного с ним не только единством происхождения, общностью традиций (обычаев, родством культуры и близостью языка), но и единством религии»⁵⁰. Таким образом, мнение В. А. Голобуцкого по поводу того, каким формам гнета подвергалось население Малороссии, по некоторым пунктам расходится с мнением Н. И. Костомарова, который, как мы помним, писал, что центральная власть Речи Посполитой не ставила себе цель ополячить малороссийское население, уничтожить его язык и культуру, а унию провело почти исключительно из возвышенных религиозных соображений. Так что в вопросе о различных формах гнета, которому подвергалось население малороссийских воеводств, В. А. Голобуцкий рисует еще более мрачную картину, чем Н. И. Костомаров.

3. В интерпретации В. А. Голобуцкого Богдан Хмельницкий чуть ли не с пленочного возраста только и думал о том, как бы ему освободить малороссийский народ из-под ига Речи Посполитой: «Буржуазно-националистическая историография распространяла неверный взгляд, будто нападение Чаплицкого на хутор Субботов было причиной, толкнувшей Богдана Хмельницкого на путь политической борьбы против Польши. <...> В интерпретации Грушевского Богдан Хмельницкий до “дела Чаплицкого” и после него – два разных человека. Это ложная схема, искажавшая политический облик великого патриота Украины и подменявшая историческую действительность выдумками о романтическом столкновении Богдана Хмельницкого с Д. Чапликим. <...> Не нападение Чаплицкого на хутор Субботов толкнуло Хмельницкого на путь политической борьбы, а, наоборот, вступление Хмельницкого на этот путь сделало возможным безнаказанный наезд Чаплицкого»⁵¹. В интерпретации Голобуцкого все переговоры о совместных действиях с королем Владиславом Четвертым Б. Хмельницкий ведет с единственной целью – обмануть монарха и поднять на вооруженную борьбу с государством весь народ Малороссии. «Король, стремившийся превратить Хмельницкого в орудие своих планов, оказался, сам того не

⁵⁰ Там же. – С. 23–24.

⁵¹ Там же. – С. 40–41.

подозревая, прикрытием тех планов, целью которых было освобождение украинского народа из-под власти панской Польши. Предполагаемый королем поход казаков против татар был превращен Хмельницким в поход казаков в союзе с татарами против владычества Речи Посполитой на Украине»⁵².

4. Умеренность требований, выдвигаемых Б. Хмельницким к правительству и сейму Речи Посполитой после первых его побед в 1648 г. (в них нет и намека на требование самостийности Малороссии, а отражены только типично казацкие чаяния), В. А. Голобуцкий объясняет глубочайшим знанием Б. Хмельницким политической обстановки в правящих кругах Речи Посполитой (причем, выражаясь современным языком, «в реальном масштабе времени») и его гениальным стратегическим мышлением: «Богдан Хмельницкий внимательно следил за борьбой, происходящей внутри господствующего класса Речи Посполитой. Он старался углубить противоречия в польском лагере настолько, чтобы шляхта Центральной Польши, поддерживавшая Оссолинского, отказалась от немедленного выступления на помощь восточноукраинским магнатам. Этим и нужно объяснить умеренный характер требований Хмельницкого, предъявленных через казацких послов польскому сейму (лето 1648 года). Эти требования сводились к трем пунктам: 1) увеличение реестра до 12-ти тысяч человек; 2) выплаты казакам задержанного жалованья и 3) прекращения религиозных преследований»⁵³. Это, воистину, требования всенародного вождя и борца за национальное освобождение. И при этом еще «супермен» Хмельницкий имеет, видимо, достаточное число агентов в правящих кругах Речи Посполитой, которые мгновенно снабжают его информацией из Варшавы. А сам Богдан изощренно крутит сеймом, как хочет.

5. Для книги Голобуцкого, как и для всей советской историографии послевоенного сталинского периода в целом, характерен подход к воссоединению великорусского и малороссийского народа не как равного с равным, имевшим место в довоенный период, а как соединение украинского народа с «его старшим братом великим русским народом». Но мы будем считать, что это не более, чем дань существовавшим тогда идеологическим установкам.

⁵² Там же. — С. 53.

⁵³ Там же. — С. 56.

6. В. А. Голобуцкий пишет, что стремление украинского народа к воссоединению с Московским государством имело в своей основе и то обстоятельство, что это государство, в отличие от Речи Посполитой, было централизованным, а, следовательно, более прогрессивным. Польское же государство находилось в состоянии губительной феодальной раздробленности: «Только страна, объединенная в единое централизованное государство, могла рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста и утверждения своей независимости. <...> Таким образом, централизованное Русское государство становилось притягательным центром не только для угнетенного украинского народа, но и для передовых слоев Польши, боровшихся за сохранение независимости и укрепление своей страны»⁵⁴. В приведенной цитате особенно хорош пассаж о передовых слоях Польши, для которых Русское государство являлось притягательным центром. Вероятно, автор хочет сказать, что вольнолюбивая польская шляхта мечтала стать холопами самодержца, в каком-то смысле уподобившись презираемым ими смердам. Ведь в централизованном русском государстве все, включая князей и бояр, являлись по сути, а формально даже и писались, холопами государя, и о шляхетских вольностях в этом государстве речь не могла идти.

Вообще, для В. А. Голобуцкого характерна идеализация образа Богдана Хмельницкого, об опасности которой предупреждали В. Е. Шутый и А. Ф. Чмыга в своей статье в журнале «Вопросы истории» № 7 за 1956 г., цитата из которой приведена выше. В. А. Голобуцкий снимает с Богдана Хмельницкого ответственность за неудачную социальную политику на контролируемой его силами территории Малороссии, приведшей к социальной розни и последующей «Руине», и перекладывает ее на московские власти: «Русское правительство, правительство бояр и помещиков, не могло, разумеется, освободить украинское крестьянство от крепостничества. Тем не менее, в крестьянском вопросе на Украине оно в первые десятилетия после освободительной войны проявляло известную гибкость. Казацкий реестр был увеличен до 60 тысяч человек»⁵⁵. Как мы видим, автор не различает казаков и крестьян в социальном отношении, зачисляя их в одно крестьянское сословие.

⁵⁴ Там же. – С. 13.

⁵⁵ *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. – Киев, 1957. – С. 296.

Другой советский автор – А. И. Баранович – в своей книге «Украина накануне освободительной войны середины XVII века», изданной в 1959 г., касается вопросов экономического и социального положения малороссийских воеводств Речи Посполитой.

1. Особое внимание автор уделяет малороссийскому мещанству, его экономическому, юридическому и социальному положению. Автор особо выделяет различия в социально-правовом положении мещан государственных и частновладельческих городов, пестроту национального и религиозного состава мещанства: «Одни города имели более широкое самоуправление, даже избирали войта, другие – более узкое, третьи – совсем небольшое. Даже в одном городе права мещан были разные: одни мещане подчинялись юрисдикции магистрата, другие – замкового присуда, третьи – юрисдикции одного феодала, четвертые – другого и т. д.»⁵⁶.

2. Также большое внимание в книге уделено всевластию магнатов в Малороссийских воеводствах. С привлечением обширного архивного материала автор показывает мощь частных армий восточнукраинских магнатов, разорительность их приватных войн для населения (как сельского, так и городского).

3. В книге подробно рассматривается организация фольварочного хозяйства на территории Украины. Например, в книге описаны результаты волочной реформы в украинских воеводствах в конце XVI – начале XVII вв. После проведения этой реформы феодалы смогли существенно увеличить барскую запашку и увеличить оброк с зависимого населения. Подробно описываются и привилегии феодалов в Речи Посполитой, например, право беспопыльного провоза товаров по территории государства и т. д.

4. Подробно автор останавливается на истории принятия Брестской унии, ее влияния на социальное положение православного населения. Особо подчеркивает роль братств, создаваемых в первую очередь мещанством, в духовной и национально-культурной жизни православного украинского населения. А. И. Баранович разворачивает картину межконфессиональных противоречий и конфликтов на Украине в начале XVII в. с привлечением большого количества материалов из «Архива Юго-Западной Руси».

⁵⁶ Баранович А. И. Украина накануне освободительной войны середины XVII века. – М., 1959. – С. 102.

5. Главная же идея автора состоит в том, что воссоединение левобережной Украины с Россией состоялось под нажимом социальных низов украинского общества и, в первую очередь, мещанства. Как пишет автор: «В вопросе о воссоединении Украины с Россией решающее слово принадлежало самому народу, его большинству»⁵⁷. И далее: «Украинское мещанство отлично понимало, что воссоединение Украины с Россией усилит и укрепит торговые связи городов Украины с Россией. Воссоединение сулило мещанству Украины, особенно мещанству восточной части ее, господствующее положение в городах, обогащение»⁵⁸. Такая позиция мещанства объясняется автором следующим образом: «Украинские мещане выступали против сужения товарного производства, товарного обращения. Они боролись, по существу, за создание условий, необходимых для вызревания капиталистического производства»⁵⁹.

6. А. И. Баранович вообще не равнодушен к сословию мещан. А по поводу движущих сил Освободительной войны он пишет следующее: «Крестьяне Украины и стали главной и решающей силой Освободительной войны украинского народа середины XVII века. ("Правда" 12 января 1954 г.) Второй враждебной феодальной Речи Посполитой силой на Украине были казаки. Их меньше, чем крестьян; но они умели владеть оружием и в гораздо большей степени, чем крестьяне обладали военной организованностью»⁶⁰. «Третьей большой силой <...> являлись украинские мещане»⁶¹. «Города подвластной феодальной Речи Посполитой Украины в первой половине XVII века располагали несколькими десятками тысяч пехоты, обученной и вооруженной огнестрельным оружием, несколькими тысячами всадников, своими орудиями»⁶².

Таким образом, идеи автора сводятся к тому, что самым прогрессивным и пророссийски настроенным сословием Малороссии было мещанство. Крестьянство внесло главный вклад в относительно успешное ведение Освободительной войны. Роль же казачества автор явно принижает, видимо, считая его идейно ненадежной социальной группой, не радевшей, в отличие от мещан, за победу прогрессивного капиталистического способа

⁵⁷ Там же. — С. 132–133.

⁵⁸ Там же. — С. 187.

⁵⁹ Там же. — С. 181.

⁶⁰ Там же. — С. 177–178.

⁶¹ Там же. — С. 179.

⁶² Там же. — С. 185–186.

производства, как того требует от прогрессивного сословия формационный подход советской исторической школы. Правда, тут встает вопрос: разве в Московском государстве в середине XVII в. шло интенсивное развитие капиталистических отношений, что украинское мещанство, ратующее за него, так стремилось попасть «под высокую руку» Московского самодержца?

Книга И. Б. Грекова «Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI веков» хотя и рассматривает тонкости восточноевропейской политики, касающиеся интересующего нас региона, однако посвящена более раннему периоду истории. Однако последняя глава – «Завершение Ливонской войны и новая расстановка сил в Восточной Европе» – представляет для нас существенный интерес, так как раскрывает перед нами всю сложность и запутанность международных отношений, в которые была втянута Речь Посполитая к началу XVII в., показывает, какие государства и силы боролись за контроль и влияние на территории современной Украины. Сам автор по этому поводу замечает: «Явные стремления Речи Посполитой и Московской Руси радикально пересмотреть свои государственные рубежи наталкивались не только на вооруженное сопротивление самих боровшихся друг с другом Польско-Литовского и Русского государств, но также и на активное противодействие других держав, боявшихся чрезмерного усиления как Польши, так и России и старавшихся то явно, то скрыто поддерживать равновесие между ведущими странами Восточной Европы. <...> А это означало, что возникавшие как результат определенной расстановки сил в тогдашней Европе новые политические рубежи между Русским государством и Речью Посполитой не были той извечной “китайской стеной” между “европейской цивилизацией” и “азиатским варварством”, о которой любят говорить реакционные идеологи буржуазного мира, не были той стабильной границей, которая “рассекала” население, ведущее свое происхождение из единого корня древнерусской народности, на якобы извечно существовавшие, постоянно замкнутые в себе народы, не имевшие между собой ничего общего»⁶³.

В концовке приведенной выше выдержки из текста автор воспроизводит традиционный для великорусской импер-

⁶³ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI веков. – М., 1963. – С. 372.

ской, а затем и советской историографии, постулат о том, что общность корня великорусского и малороссийского народов доминирует в культуре этих двух народов над различным и отдельным их культурным и социальным развитием в рамках двух принципиально различающихся по своему государственному устройству стран – Московской Руси и Польско-Литовского конфедеративного государства. Следовательно, их объединение под эгидой Москвы – неизбежный итог их обоюдного стремления к воссоединению в рамках единого государства всех Восточных славян.

В 1969 г. вышла фундаментальная книга – «История Украинской ССР» в двух томах. В этом коллективном труде института истории АН УССР (главный редактор К. К. Дубина) подробно освещены вопросы генезиса казачества, расписана история казачьих восстаний, история создания Братств на Украине и т. д. Особенно хочется обратить внимание, что в этой книге авторы слегка коснулись вопроса генезиса украинского литературного языка («который почти не содержал церковнославянизмов и был близок к языку таких деловых документов Древней Руси, как “Русская Правда”, грамоты»⁶⁴) и вопроса становления самобытной украинской национальной культуры.

Авторы данного труда, как и В. А. Голобуцкий, считают: «Передовая часть украинской шляхты и казацкой старшины твердо убедились, что укрепить свои политические права можно только в результате свержения власти шляхетской Польши и воссоединения Украины с Россией. Русское государство с его централизованной властью более соответствовало стремлениям украинской шляхты, чем анархическая Речь Посполитая, где королевская власть была бессильной ограничить власть “королят”, т. е. крупных магнатов»⁶⁵.

Как и А. И. Баранович, авторы «Истории Украинской ССР» считают, что «главной и решающей силой в народной войне являлось угнетенное крестьянство»⁶⁶. На второе место они ставят казачество: «Большую роль в освободительной войне сыграло казачество, в основном мелкие землевладельцы»⁶⁷. На третьем месте среди движущих сил Освободительной войны – мещанство: «Движущей силой освободительной войны

⁶⁴ История Украинской ССР. – Киев, 1969. – Т. 1. – С. 174.

⁶⁵ Там же. – С. 209.

⁶⁶ Там же. – С. 215.

⁶⁷ Там же. – С. 215.

являлось также городское население: средние и мелкие торговцы, ремесленники, мастера, подмастерья, ученики и рабочие люди. В восстании принимала участие и часть городской верхушки»⁶⁸. Очень похоже, что этот отрывок практически совпадает с соответствующим отрывком из книги Барановича, о которой речь шла выше.

В книге уделено место и вопросу о характере политического режима, существовавшего на территории, контролируемой войсками Хмельницкого: «Богдан Хмельницкий пользовался широкими правами и полномочиями; он руководил вооруженными силами, имел право пересматривать решения генерального суда. При нем существовал совещательный орган – старшинская рада. <...> Однако по мере укрепления своей власти Хмельницкий все реже собирал войсковые и даже старшинские рады, решал насущные вопросы единолично или по согласованию со своими ближайшими советниками. Частым явлением стало назначение им на старшинские должности полковников, сотников, что нарушало демократические традиции выборности старшины. Хмельницкий решительно расправлялся с теми, кто стремился к ограничению его власти»⁶⁹.

Также авторы указывают на то, что Хмельницкий разослал огромное число универсалов, закрепляющих феодальные порядки на контролируемой им территории.

Резюмируя внутривнутриполитические взгляды Б. Хмельницкого и тип того протогосударственного образования, который сформировался в его правление на Украине, авторы пишут: «Богдан Хмельницкий был сторонником сильной централизованной власти; он неоднократно открыто и публично заявлял об этом представителям польского и русского правительств. Однако этому препятствовали прочные демократические традиции запорожского казачества, с одной стороны, и сопротивление старшинской верхушки, воспитанной на “шляхетских вольностях”, – с другой. Все это обусловило то обстоятельство, что молодое украинское государство, сформировавшееся в годы освободительной войны, имело основные черты феодальной республики»⁷⁰. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что авторы утверждают, будто в 1648–1653 гг. на Украине уже сформировалось национальное государство!

⁶⁸ Там же. – С. 215.

⁶⁹ Там же. – С. 227.

⁷⁰ Там же. – С. 227.

Далее авторы останавливаются на том, какие надежды на улучшение своего положения в связи с соединением Украины и Российского государства питали различные сословия народа Украины, по крайней мере, ее наиболее пророссийско настроенной левобережной части. При этом авторы, как и В. О. Ключевский, отмечают наличие существенных противоречий в устремлениях этих сословий и групп населения: «К концу первой половины XVII в. Украина представляла собой узел сложнейших экономических, политических и социальных противоречий»⁷¹.

Кратко упоминают авторы и о так называемых «Мартовских статьях» Богдана Хмельницкого, то есть о тех привилегиях в области самоуправления, которые удалось выторговать ему для Малороссии у российского самодержавия и многие из которых были российской властью аннулированы в течение ближайших лет. Особенно те из них, которые касались внешних сношений гетманской Украины в составе Московского государства.

В 1989 г. вышла в свет книга В. А. Замлинского «Богдан Хмельницкий» в серии ЖЗЛ. В этой книге подробнее дано описание раннего периода жизни Хмельницкого. В частности, автор, основываясь на поздних украинских летописях, дает две версии происхождения Михаила Хмельницкого (отца Б. Хмельницкого) и рассказывает, что образование Богдан получил во Львовском иезуитском коллегииуме («В 1613 году коллегия насчитывала 530 учеников, и количество их с каждым годом увеличивалось»⁷²), что он участвовал в 1618 г. в походе будущего короля Владислава Четвертого на Москву, подробнее других авторов освещает его участие в подготовке отряда запорожских казаков для участия во Франко-испанской войне и т. д. Используя письменные источники той эпохи, показывает особую достоверность личных отношений Владислава Четвертого и Богдана Хмельницкого. В книге подробно описываются перипетии Освободительной войны и хода дипломатических переговоров Б. Хмельницкого с Крымом, Молдавией и, конечно, с Московским государством, приведших к присоединению к нему Левобережной Украины. Особо хочется отметить то, что автор, хотя и с купюрами, дает содержание «Мартовских статей» Б. Хмельницкого, оговаривающих усло-

⁷¹ Там же. — С. 209.

⁷² Замлинский В. А. Богдан Хмельницкий. — М., 1989. — С. 8.

вия вхождения Украины в состав России. В целом идея автора состоит в том, что Б. Хмельницкий осознал вековое чаяние украинского народа освободиться от гнета Польши и воссоединиться с Россией, то есть с Московским государством, и стать подданными царя. Все переговоры с иностранными государями и даже имевшие место сношения с польским правительством (а сношения гетманов с Речью Посполитой и Турцией запрещались договором между гетманом и Российским самодержцем), которые вел Б. Хмельницкий после присяги на верность российскому государству, автор объясняет некоторым непониманием им целей российской политики, возникшим вследствие недостаточного информирования со стороны Московского правительства, а также неопытностью его собственных посланников и кознями полонофила Выговского.

Эмигрантская украинская националистическая историография. Украинские эмигранты образовали весьма большую диаспору в США и Канаде еще в начале XX в., которая значительно пополнилась после Второй мировой войны. Среди украинцев-эмигрантов были историки, хотя многих из них можно отнести и к писателям-публицистам. Попытаемся в весьма сжатом виде представить характерные черты их воззрений на историю Украины первой половины XVII в., на характер взаимоотношений между украинцами и поляками, между Б. Хмельницким и российским правительством и т. д.

И. Лысяк-Рудницкий не оставил после себя фундаментальных работ, но написал весьма большое количество статей по истории Украины, о национальной идентичности украинцев, их взаимоотношениях с соседними народами, о советизации Украины (перечень тем можно продолжать). Эти статьи представляют несомненный интерес для всякого, кто интересуется научным творчеством и публицистикой украинского зарубежья. Какие же мысли высказывал этот ученый относительно украинской истории первой половины XVII в.?

«Мое первое утверждение сводится к тому, что польско-украинские взаимоотношения в большой степени определили исторические судьбы двух народов. Мое второе утверждение состоит в том, что, несмотря на многочисленные примеры взаимообогащения двух народов и их взаимовыгодного сотрудничества, поляки и украинцы в прошлом не основали свои политические отношения на удовлетворительном, а тем более – на

прочном фундаменте. Эта неудача и затяжные польско-украинские конфликты в итоге имели катастрофические последствия для обоих народов. Польско-украинский конфликт был действительно главной причиной потери национальной самостоятельности и Украиной, и Польшей в двух различных эпохах – в XVII и в XX веках. <...> Я утверждаю также – это уже в-третьих, – что стороной, несущей главную ответственность за прошлые неудачи в польско-украинских отношениях, являются поляки. <...> Более сильная сторона несет и большую ответственность»⁷³. По поводу религиозного и культурного конфликта между Польшей и Украиной автор пишет: «В ходе своей истории Украина была чрезвычайно восприимчивой к западным культурным влияниям. И все же истиной является то, что религия всегда разделяла поляков и украинцев неизгладимой линией размежевания»⁷⁴.

По поводу государственного устройства Речи Посполитой и невписанности в эту структуру Украины И. Лысяк-Рудницкий замечает: «По географическим, социологическим и культурным причинам Украина не вписывалась должным образом в структуру Речи Посполитой Двух Народов. Унитарная природа Короны, то есть польской половины Речи Посполитой, вызывала непрестанные трения и злоупотребления, обострявшиеся победой Контрреформации в Польше и ростом религиозного фанатизма в первой половине XVII столетия. Имелось лишь одно потенциальное решение этой проблемы: перестройка Речи Посполитой в тройственный организм через создание третьей автономной единицы, то есть Руси-Украины. <...> Ответственность за этот смертный грех – пренебрежение этим шансом – следует возложить в равной мере на польские и на украинские правящие слои»⁷⁵.

О выступлении Б. Хмельницкого, войне и целях ее вождя автор пишет: «Великая казацкая революция 1648 года с гетманом Богданом Хмельницким во главе явилась поворотным пунктом в истории польско-украинских отношений. <...> Революция показала, что украинский народ не принял люблинского решения польско-украинских взаимоотношений. Хмельницкий и его сподвижники поначалу не думали о выходе из Речи

⁷³ Лысяк-Рудницкий И. Польско-украинские отношения: бремя истории // Между историей и политикой. – М. – СПб., 2007. – С. 165.

⁷⁴ Там же. – С. 166.

⁷⁵ Там же. – С. 171.

Посполитой, их первоначальные цели концентрировались на удовлетворении жалоб казаков и православных и на приобретении для Украины какой-либо ограниченной автономии»⁷⁶.

По поводу Переяславского соглашения 1654 г. И. Лысяк-Рудницкий пишет: «Мотив Переяславского соглашения – во все не в том, что украинский народ якобы стремился объединиться с русскими братьями, а в понимании казацкой элитой текущих политических интересов своей страны. <...> С помощью России Хмельницкий надеялся покончить с безвыходным положением в войне с Польшей и установить контроль Войска Запорожского над западноукраинскими и южнобелорусскими землями, которые все еще удерживала Речь Посполитая. Ценой этого было признание сюзеренитета или протектората русского царя»⁷⁷.

Итак, И. Лысяк-Рудницкий высказывает следующие идеи:

1. Вину за трагическое развитие польско-украинских отношений он, в основном, возлагает на польскую сторону, исходя из соображений формальной логики, безотносительно реальной исторической ситуации, историко-культурного и социального подтекста.

2. Главными причинами этого конфликта он считает религиозную рознь и экономико-социальный конфликт между низшими сословиями Украины с шляхетством и магнатами.

3. Автор выдвигает фантастическую гипотезу о существовании в XVII в. реальной возможности получения Украиной полноценной автономии в рамках Речи Посполитой (при том, что своей национальной полноценной государственности на Украине, в отличие от Литвы, не было).

4. Категорически возражает против российско-советской концепции о воссоединении двух братских народов, считает Переяславское соглашение договором о протекторате.

Другой автор из числа украинских эмигрантов-историков, идеи которого мы рассмотрим – ученик И. Лысяка-Рудницкого Орест Субтельный, автор монографии «Украина. История».

Этот автор лучшим временем в истории Украины считает тот период после Монгольского нашествия, когда большая часть земель и населения будущей Украины входила в Великое княжество Литовское (то есть до 1569 г.). В это время по-

⁷⁶ Там же. – С. 173.

⁷⁷ *Лысяк-Рудницкий И.* Переяслав: история и миф // Между историей и политикой. – М. – СПб., 2007. – С.152.

чти не ощущался религиозный гнет, феодальные повинности населения были относительно легки. Автор указывает на то, что «нельзя не сказать и об еще одной важной роли, которую сыграли в Украине сословная система вообще и Литовский статут, в частности. С их введением в сознании украинцев постепенно утверждалась ценность установленных и гарантированных законом прав. Таким образом, украинцы оказывались не чуждыми правовой и политической мысли Запада. Напротив, другое ответвление Киевской Руси – Московия – из-за многовекового подчинения монголо-татарам оказалась изначально отрезанной от развития юридических норм на Западе»⁷⁸. (Автор считает, что Литовский статут впитал в себя не только правовые нормы Киевской Руси, но и многие элементы германского и польского права, особенно в более поздних редакциях 1566 и 1588 гг.).

Причины войны 1648–1654 гг. автор видит в экономическом гнете, попытках закрепить крестьян-колонистов, свободно обрабатывавших восточноукраинские пустоши и в религиозном гнете со стороны польского католицизма. «Но в отличие от всех других крестьян Речи Посполитой, в том числе и Западной Украины, хлеборобы Надднепрянщины не знали крепостного ярма – и не хотели его знать. Их мало интересовало, кем считали их магнаты, – сами-то они осознавали себя свободными людьми. <...> Многочисленные горожане заявляли, что по определению являются и свободными, и самоуправляемыми. <...> Большинство жителей пограничья свято верили в то, что их право на свободу и древнее, и законнее всех польских законов. И это сознание в свою очередь укрепляло их решимость дать отпор “ляхам”, как они называли поляков. А то, что католики-ляхи еще и преследовали православную веру, только подливало масла в огонь. Мало того, что жители украинского пограничья всегда были готовы к неповиновению и бунту, они к тому же в массе своей прекрасно владели оружием»⁷⁹.

О проблеме украинской национальной элиты автор пишет: «В конце XVI – начале XVII вв. культурно-религиозные противоречия вышли на поверхность общественной жизни. <...> Украинское дворянство было поставлено перед трудным выбором. С одной стороны – родная, но истощенная почва духовной

⁷⁸ Сутельный О. Украина. История. – Киев, 1994. – С. 109.

⁷⁹ Там же. – С. 162.

традиции, украинская культура, практически лишенная возможности нормального развития. С другой стороны – внешне привлекательная, быющая через край культурная жизнь католической Польши. Надо ли удивляться, что огромное большинство украинских дворян сделало свой выбор в пользу католицизма и полонизации, не заставившей себя долго ждать. И эта потеря естественной элиты имела эпохальное значение для всей последующей истории Украины»⁸⁰.

По поводу Переяславского соглашения: автор не высказывается категорично в пользу какой-либо версии о юридическом статусе Украины в составе России. Но он явно против термина «воссоединение» или «объединение». По косвенным признакам можно предположить, что О. Субтельному ближе трактовка этого договора В. Липинского, который считал его временным военным союзом между Россией и Украиной, а Б. Хмельницкого – основоположником национальной украинской государственности.

Итак, О. Субтельный указывает на следующие важные аспекты:

1. Он считает, что у украинского народа в целом в начале XVII в. была высокая правовая культура, близкая западноевропейской, что, однако, не мешало восточноукраинским земледельцам игнорировать польские законы.

2. Совершенно справедливо указывает на отсутствие у малороссийского народа в XVII в. дееспособной национальной элиты (в то время этой элитой могло быть только дворянство).

3. Причины восстания, охватившего Украину в 1648 г., он видит в экономическом и религиозном гнете со стороны польского дворянства (или полонизованного) и государственной католической церкви.

4. Категорически возражает против трактовки Переяславского договора как добровольного воссоединения украинского народа с русским.

Сделаем теперь общий вывод. Для украинской националистической историографии в целом характерны следующие взгляды: 1) украинский народ гораздо более «европейский», чем русский; 2) причины восстания 1648 г. лежат, в основном, в экономической и религиозной областях; 3) Переяславский договор категорически не может трактоваться как «добровольное воссоединение» Украины с Россией, как воссоединение

⁸⁰ Там же. – С. 134.

двух братских народов, только об этом и мечтавших; 4) польско-украинский конфликт – трагедия двух народов, вероятно, наиболее близких друг другу в общекультурном плане, несмотря даже на различие в вероисповедании.

Вообще, для любой эмигрантской литературы (русской, украинской) характерен некий уклон в публицистику. Видимо, сказывается отрыв от национальной почвы и явно выраженная попытка возможно популярнее донести до читателя собственные политические взгляды и идеи.

Современная российская историография «Украинского вопроса». Постсоветский период в историографии Украины начала – середины XVII в. в РФ в значительной степени связан с деятельностью Института славяноведения РАН, который, начиная с 2003 г., приступил к выпуску ежегодника «Белоруссия и Украина: история и культура», а также с работой Центра украинистики и белорусистики МГУ, который стал проводить colloquia по украинско-белорусской тематике, отчеты о которых и публикует вышеупомянутый сборник. Отличительной особенностью нынешнего периода развития отечественной украинистики является практическое отсутствие идеологического давления на деятелей науки со стороны государства, что благотворно сказалось на открытости дискуссий и широте охвата проблем истории Украины как в период ее нахождения в составе Речи Посполитой, так и в составе России.

Вопросам Брестской Унии и конфессиональных отношений на Украине XVI – XVII вв. посвящены статьи М. В. Дмитриева, например, статья «Православная культура Московской и Литовской Руси в XVI веке: степень общности и различий», помещенная в упомянутом выше сборнике за 2003 г.

В том же томе сборника помещена статья Б. Н. Флори «Спорные проблемы русско-украинских отношений в первой половине и середине XVII века», в которой автор обращает внимание на такой аспект самосознания великорусского народа, как необходимость восстановления древнерусского государства в его древних границах: «И это воспринималось как важнейшая национальная задача, а не имперская, – как освобождение других древнерусских земель от иноверной и инородной власти»⁸¹. «...Эти политические действия московских

⁸¹ Флоря Б. Н. Спорные проблемы русско-украинских отношений в первой половине и середине XVII века // Белоруссия и Украина: история и культура. – М., 2003. – С. 30.

правителей шли под лозунгом не объединения близких между собой в этническом отношении земель, а возвращения московским правителям, как потомкам Рюрика, их наследственного права на земли, которые не находятся под их властью»⁸².

Далее автор останавливается на существовании «Проекта большой русской нации», объединившем все группы восточнославянского населения, входившие когда-либо в состав Древнерусского государства, и проводит аналогию с проектом создания «большой французской нации», осуществлявшийся французскими королями на протяжении XII–XIII вв. (объединение существенно различных в культурном и экономическом планах регионов Севера и Юга Франции). Переходя в этом контексте к вопросу присоединения Украины к России, автор отмечает, что в части историографии политика Москвы по отношению к Украине «определяется как имперская, а политика Капетингов как таковая не определяется. Это, в сущности, происходит потому, что конечный результат оказался в обоих случаях разным. В результате объединения Севера и Юга Франции сложилась (пользуясь аналогичным термином) “большая французская нация”, а на территории Восточной Европы “большая русская нация” не сложилась»⁸³.

Далее автор касается темы историографии русско-украинских отношений и в этой связи отмечает, что «в историографии наблюдаются две крайности в освящении этой темы. С одной стороны, в традиционной русской дореволюционной, а потом советской историографии период первой половины XVII века — это время, когда русско-украинские связи развиваются, укрепляются, одновременно обостряются отношения с Речью Посполитой, и в это время подготавливаются предпосылки для Переяславской рады и т. д. Другое направление — это скорее отрицание какого-либо серьезного значения этих связей, что находит свое выражение в утверждении, что, вообще, Хмельницкий стал думать о каких-то соглашениях с Россией, только когда разочаровался в союзе с Крымом»⁸⁴. Далее следует утверждение, что, действительно, на рубеже XVI–XVII вв. эти отношения стали существенно углубляться по двум направлениям:

1. После Брестской Унии «произошли перемены в отношениях между верхушкой украинского православного духовен-

⁸² Там же. — С. 31.

⁸³ Там же. — С. 32.

⁸⁴ Там же. — С. 32.

ства и Россией», но объясняется это только тем, что украинское православное духовенство в результате этой унии оказалось в крайне затруднительном положении.

2. Усиление ориентации на Россию в среде казачества (хотя там присутствовали сторонники поиска разных союзников). Происходило это в связи с тем, что казачество, а особенно его верхушка, постепенно утрачивали иллюзии, что они смогут добиться более почетного для себя положения в составе Речи Посполитой.

Как мы видим, автор не придает большого значения развитию торгово-экономических отношений между Россией и украинскими землями Речи Посполитой в первой половине XVII в., как это делали представители советской историографии, к примеру А. И. Баранович.

Завершает свою статью Б. Н. Флоря рассуждением о том, почему верхушка украинского общества тех лет остановила свой выбор именно на вхождении в состав Московского государства, хотя условия этого вхождения давали ей довольно куцые автономные права, но ввиду отсутствия на территории Украины владений русских помещиков казачество на этой территории «могло оставаться господствующей социальной группой в течение достаточно длительного периода»⁸⁵.

В сборнике «Белоруссия и Украина: история и культура» за 2004 г. помещена большая статья Б. Н. Флоря «Переяславская рада 1654 года и ее место в истории Украины». В ней автор указывает, что в историографии сложились «...две полярные оценки характера связей между Россией и Гетманством после Переяславской рады. Согласно одной, произошла инкорпорация Гетманства в состав Русского государства, согласно другой – был заключен обычный военно-политический союз»⁸⁶. Б. Н. Флоря ставит под сомнение вторую точку зрения, справедливо замечая, что «заключение союза предполагает оформление союзных связей в виде двухстороннего договора с определением общих целей сторон и взаимных обязательств. Никакой подобный документ после рады в Переяславле в ходе русско-украинских контактов не был составлен»⁸⁷. Далее автор пишет, что «тезис об инкорпорации является правиль-

⁸⁵ Там же. – С. 40.

⁸⁶ Флоря Б. Н. Переяславская рада 1654 года и ее место в истории Украины // Белоруссия и Украина: история и культура 2004 г. – М., 2005. – С. 6.

⁸⁷ Там же. – С. 6.

ным с формальной точки зрения. <...> Однако не вызывает сомнений (и с этим согласна подавляющая часть исследователей), что Гетманство и после Переяславской рады продолжало существовать как особое политическое целое, и признание его формальной инкорпорации вовсе не дает решения вопроса о характере его отношений с Русским государством»⁸⁸. Затем автор задает вопрос: можно ли рассматривать отношения между Московским государством и Гетманщиной как форму вассалитета? И отмечает: «О том, что отношения России и Гетманства основывались на акте присяги Богдана Хмельницкого царю, оформлявшим связь между ними, как сюзереном и вассалом, и содержавшим его обязательства в адрес сюзерена, нет никаких оснований говорить. Вопрос о составлении такого документа даже не обсуждался, а контакты между Русским государством и гетманством регулировались документами совсем иного типа»⁸⁹. Рассматривая типы и формы документов, регулировавшие эти отношения, автор приходит к выводу: «Главный документ, определявший характер отношений между Россией и Гетманством – так называемые “Статьи Богдана Хмельницкого”, представлял собой запись украинских предложений с ответами царя на них (“которое его царского величества изволение”). Таким образом, документ носил характер не договора или соглашения, а акта пожалования царя своим новым подданным. Такой же вид имела и серия жалованных грамот царя, появление которых стало итогом русско-украинских переговоров»⁹⁰. Таким образом, по мнению Б. Н. Флори, прямым следствием событий 1653–1654 гг. явилось прямое вхождение Украины в состав Московского государства.

В. А. Артамонов в статье «Очаги военной силы украинского народа в конце XVI – начале XVIII вв.» обращает внимание читателей на следующий аспект формирования политической организации казачества, основой которого послужили порядки, сложившиеся в Запорожской Сечи: «В экстремальных условиях трудно создать высокоорганизованную государственную структуру. <...> Гипертрофия казацкой воли граничила с “охлократией”, и “образцовой модели государственного организма” здесь сложиться не могло»⁹¹.

⁸⁸ Там же. – С. 7.

⁸⁹ Там же. – С. 9.

⁹⁰ Там же. – С. 10.

⁹¹ Артамонов В. А. Очаги военной силы украинского народа в конце XVI – начале XVIII веков // Белоруссия и Украина: история и культура 2003 г. – М., 2003. – С. 60.

Автор ставит под сомнение известное мнение в историографии о том, что казацкая старшина вплоть до начала Освободительной войны пыталась добиться шляхетских привилегий в рамках государственности Речи Посполитой, порядки в которой в целом ее устраивали, не устраивало только собственное приниженное положение, и приводит следующую, на мой взгляд, однобокую и совершенно недостаточную аргументацию: «Тезис о том, что украинская верхушка считала Речь Посполитую меньшим злом, чем Россию, слабо обоснован. Военные действия Запорожского войска чаще всего развертывались на коронных украинских землях, в южной Белоруссии в Молдавии и Причерноморье, то есть на землях Речи Посполитой и Османской империи. Набеги на русскую Слобожанщину и область Войска Донского следует зачислить в разряд исключений»⁹². Во-первых, казаки исправно участвовали во всех походах войск Речи Посполитой в пределы Русского государства вплоть до 1619 г. и при этом вели себя на оккупированной территории подчас хуже татар. Отсутствие казацких набегов из Запорожья на территорию российского государства можно объяснить наличием достаточного количества военных сил, которое это государство имело на своих южных и юго-западных рубежах (наличие «Засечной черты» и т. д.). Во-вторых, после восстаний 1620–1630-х гг. казаки были настолько «умиротворены» польскими властями, что вообще крупных набегов совершать не могли.

Статья А. И. Папкова «Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России», опубликованная в сборнике «Белоруссия и Украина: история и культура» за 2004 г., дает подробное описание деятельности этого представителя казачества и предводителя одного из казацких восстаний (1638 г.). В статье затронута тема отношения запорожских казаков к российскому государству в 20–40-е гг. XVII в., их участия в боевых действиях войск Речи Посполитой против России, самостоятельно ими организованных набегов на российские владения. Материал дается через призму личности Якова Острянина. Особенно интересным представляется тот момент, что автор попытался показать разницу в социальной психологии населения русских порубежных с Речью Посполитой городов и запорожских черкас, являющихся, так сказать, продуктом политической и социальной культу-

⁹² Там же. – С. 61.

ры Польско-Литовского государства. Именно этим различием автор объясняет тот факт, что уже в 1641 г. казаки, перешедшие в Московию из Речи Посполитой с Яковом Острянином, после разгрома их наступления 1638 г. взбунтовались против российских властей и ушли обратно на территорию польского государства. «По представлениям русских властей, они хорошо устроили переселенцев, но те были недовольны своим положением. Правда, они были наделены землей и жалованьем, но за это добивались постоянного несения службы»⁹³. Запорожцам в реалиях централизованного русского государства не хватало той самой пресловутой польской «вольности», или, если угодно, анархии, к которой они так привыкли, что и вызвало их бунт и бегство «на историческую родину», тем более, что польские власти объявили им амнистию.

В брошюре А. А. Булычева «История одной политической кампании XVII века» подробно рассматриваются причины специфического факта отечественной истории, а именно — кампании по изъятию и даже уничтожению сначала только некоторых из книг, отпечатанных в братских типографиях на территории Малороссии, входившей тогда в состав Речи Посполитой (сочинений Кирилла Ставровецкого), а затем и всех вообще книг, отпечатанных в типографиях на территории этого государства на церковнославянском языке. Причем кампания эта коснулась только западных регионов Московского государства и происходила на протяжении 1626–1630 гг. Причем закончилась она так же неожиданно, как и началась.

А. А. Булычев, будучи ведущим специалистом Российского государственного архива древних актов, проводит расследование этой странной истории на основании изучения весьма большого количества источников: актового материала, воеводских отписок и пр. Исследование это интересно для нас в том отношении, что показывает всю сложность отношений между двумя государствами: Речью Посполитой и Россией, выявляет, что в это противостояние были втянуты, помимо собственных политических структур этих государств, еще и церковные иерархи различных христианских конфессий, даже книгоиздатели и книготорговцы. В результате своего исследования автор приходит к следующим выводам: «Думается, непосред-

⁹³ Палков А. И. Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России // Белоруссия и Украина: история и культура 2004 г. — М., 2005. — С 116.

ственной причиной такой агрессивной “антилитовской” кампании, изначальной целью которой было энергичное воздействие на духовную жизнь русского общества, явились неоднократные попытки учредить на землях Украины и Белоруссии, автономный униатско-православный патриархат, по образцу государственного устройства Речи Посполитой. <...> Формально инициатива создания в Литве особого, совместного, патриаршества для униатов и православных принадлежала сенаторам Речи Посполитой»⁹⁴.

Реакция московских властей была чрезвычайно резкой. «Естественно, что их не могла не раздражать перспектива превращения одной из периферийных епархий Константинопольского патриархата в самостоятельную Церковь с кафедрой почти равночестной по статусу московской. <...> Помимо неизбежного умаления достоинства патриаршей кафедры «царствующего града» Москвы, изменение статуса Киевской митрополии привело бы к полному провалу планов русского правительства присоединить в будущем к своей обширной державе территории левобережной Украины и Белоруссии (за исключением западных областей последней). Между тем уже в начале 1630 годов фактический руководитель отечественной дипломатии, патриарх Филарет, рассматривал аннексию этих регионов Речи Посполитой в качестве едва ли не основной геополитической сверхзадачи подготавливаемой военной компании против Польско-Литовского государства»⁹⁵.

Еще одним существенным раздражителем для Москвы была персона патриарха Игнатия Грека. «С осторожностью можно предположить, что более всего Филарет Никитич опасался возведения на этот престол (патриарха Речи Посполитой – *Б. Д.*) его недавнего предшественника на московской кафедре – патриарха Игнатия Грека, бежавшего в Смуту в Литву. В Речи Посполитой Игнатий, как ныне хорошо известно, жил на покое в униатском Троицком монастыре в Вильно»⁹⁶. Таким образом, бывший патриарх в глазах московских властей был грозным политическим призраком, которого польские Вазы, когда отправлялись восстанавливать права на русский трон королевича Владислава, всегда везли в своем обозе.

⁹⁴ Булычев А. А. История одной политической компании XVII века. – М., 2004. – С. 56.

⁹⁵ Там же. – С. 63–64.

⁹⁶ Там же. – С. 70.

Читая эту брошюру, лишний раз убеждаешься, в какие сложные международные и межконфессиональные отношения было втянуто население Малороссии в первой половине XVII в.

Несомненный интерес для историков представляет книга «Украинцы», выпущенная в серии «Народы и культуры» издательством «Наука» в 2000 г. Книга эта составлена в «Институте этнологии и антропологии РАН» и является фундаментальным трудом не только по украинской этнографии, но содержит и обширные исторические очерки. Особый интерес для историков представляют следующие главы: «Историко-этнографическое районирование», «Украинский язык и говоры», «Обычное право и правовые предания», «Общественный быт» (разделы «Крестьянская община», «Традиции коллективной трудовой взаимопомощи»), «Цехи на Украине».

Таким образом, современная российская историография пытается в новых ракурсах рассматривать проблемы становления и развития зачатков национальной государственности на Украине, систему взаимоотношений верхушки украинского общества с государственной властью Речи Посполитой и Московским государством, систему представлений Московского правительства и общества на то, каким должно быть вновь собранное Русское государство, вопросы церковной политики России в отношении Украины и другие вопросы.

Польская историография «Украинского вопроса». Польская историография по теме Украины XVI–XVII вв. мной может быть рассмотрена крайне скупо ввиду почти полного отсутствия переводов работ польских историков. Остановимся на статье В. Серчика «Речь Посполитая и казачество в первой четверти XVII века» из сборника «Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII веках».

Особое внимание автор уделяет генезису казачества как самостоятельной сословной группе феодального общества, отмечая пестроту того контингента (особенно по национальному признаку), из которого она формировалась, останавливаясь на двух аспектах, проявившихся в самом начале при формировании казачества: 1) создание политической структуры общества; 2) очень быстрое имущественное расслоение этого общества. В развитие этих тезисов В. Серчик пишет: «Так сложилась своеобразная форма военной организации, постепенно превращавшейся в обычный феодальный организм, в

котором отдельные ступени политической иерархии, отдельные институты власти оказывались в руках лиц, отличавшихся не столько своими способностями, сколько имущественным положением. И если в процессе развития наметившихся тенденций какая-то часть казацкой старшины все чаще предьявляла готовность сотрудничать с феодальной Польшей, то «низы» казачества обычно оказывались в оппозиции к Речи Посполитой»⁹⁷. Далее автор замечает, что «процесс формирования Запорожского казачества оказался тесно связанным как с обострением внутривнутриполитической борьбы в Речи Посполитой (часто на национальной, а потом все больше на религиозной почве), так и с усилением активности феодальной Польши на международной арене»⁹⁸.

В. Серчик постулирует две теоретические возможности установления взаимоотношений между казачеством и властями Речи Посполитой: 1) соглашение на союзнических принципах между обоими равнозначными партнерами; 2) подавление всяческих попыток казачества освободиться, установление польской администрации на землях, населенных казаками, принятие их под юрисдикцию феодальной Польши. Власти Речи Посполитой в реальности пытались реализовать лишь вторую возможность, в первую очередь, из-за позиции шляхты.

Три польских автора – М. Тымовский, Я. Кеневич и Е. Хольцер – в своей работе «История Польши» описывают XVII в. для Речи Посполитой так: «XVII столетие, несомненно, стало эпохой наиболее полного воплощения жизненного идеала шляхты. <...> Именно тогда были заложены основы национального самосознания, сформировались принципиальные особенности польской идентичности, впервые нашло свое выражение польское своеобразие. Польша этой эпохи рождалась из оригинальной формы республиканского правления, при котором возобладаало чувство превосходства народа-шляхты над государством, ее сарматский характер не позволял Польше подчиниться ни Востоку, ни Западу. <...> Только одно постоянно тревожило граждан – страх перед absolutum dominium – абсолютной властью короля»⁹⁹.

⁹⁷ Серчик В. Речь Посполитая и казачество в первой четверти XVII века // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII веках. – М., 1979. – С. 175.

⁹⁸ Там же. – С. 176.

⁹⁹ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. – М., 2004. – С. 119–120.

По поводу внутренней политики правящих кругов Речи Посполитой по отношению к Украине авторы замечают: «На территории Украины продолжалась экспансия, в результате которой на этих землях возникали обширные магнатские латифундии. Одновременно все более притеснялось проживающее там православное население. К тому же программа Брестской церковной унии (отчасти в результате ее непосредственной реализации) спровоцировала мощное противодействие со стороны православного духовенства. К конфликтам на религиозной почве добавились и проблемы с казаками. <...> Магнаты упорно противились включению казаков в шляхетское сословие. К концу XVI века дело дошло до открытых выступлений. Сложно определить, в какой степени уже тогда эти выступления были мотивированы национальными устремлениями казачества; но совершенно очевидно, что их целью была защита православия»¹⁰⁰.

По поводу положения крестьянства на Украине авторы пишут, что их положение там было хуже, нежели в любом другом регионе Речи Посполитой, так как эти плодородные земли давали больший урожай, а, следовательно, крепостных эксплуатировали интенсивнее, чем в коронных землях. Кроме того, крестьяне отличались от господ еще этнической и религиозной принадлежностью, что создавало принципиально иную ситуацию на Украине по сравнению с собственно польскими землями.

То, что в результате войны Левобережная часть Украины с Киевом перешла к России, авторы считают закономерным результатом. Так как этот результат устранял, по мнению авторов, «социальные и религиозные основания для конфликта» на Украине.

На последней цитате необходимо остановиться особо. Во-первых, социальные основания для конфликтов между различными группами населения на Украине как были, так и остались. Более того, избавившись от магнатов, различные социальные группы начали бескомпромиссную борьбу за их земли и имущество. Социальный мир на Украине отнюдь не наступил. Во-вторых, Высшая иерархия православной церкви была не в восторге от Переяславских соглашений, хотя для простого населения религиозный гнет и прекратился.

¹⁰⁰ Там же. – С. 223.

Подводя итог рассмотрению историографии украинского вопроса, предпосылок возникновения Освободительной войны украинского народа против властей Речи Посполитой и, наконец, причин, не позволивших украинскому народу создать свое суверенное государство в середине XVII в. и толкнувших Богдана Хмельницкого на заключение договора на вхождение Гетманщины в состав русского государства, стараемся сделать некоторые выводы.

Дореволюционная русская историография считает причинами возникновения Освободительной войны украинского народа следующие факторы: угнетенное положение православного населения Украины, его сильнейшую экономическую эксплуатацию; невописанность казачества в структуру феодального общества Речи Посполитой, недовольство его своим положением, при этом отмечает наличие внутри самого казачества различных социальных групп со своими собственными специфическими интересами. Также отмечается крайняя запутанность взаимоотношений различных социальных и религиозных групп населения на Украине в середине XVII в. Богдан Хмельницкий представляется предводителем казаков, ставшим в силу обстоятельств национальным лидером. Причину добровольного присоединения Гетманщины к Московскому государству видит в том, что далее Гетманщина не могла бороться с Речью Посполитой самостоятельно и вынуждена была присоединиться к этому относительно мощному и организованному единоверному государству; отмечает при этом различное видение положения Украины в составе этого государства у Московских властей и верхушки казачества во главе с Богданом Хмельницким. Вхождение Украины в состав Московского государства – закономерный итог развития последнего как централизованного, устойчивого государства с правильной системой государственного управления – сословно-представительной монархией. Для официальной российской имперской историографии, вообще, свойственно непризнание малороссов-украинцев отдельным народом, даже отдельной ветвью единого восточнославянского народа. Отрицается существование литературного украинского языка, а его развитие считается результатом злокозненных действий группки интеллигентов-малороссов, льющих воду на мельницу австро-венгерской политики. Отношение к казачеству как

к сословной группе варьируется от резко негативного (у представителей «Государственной школы»: беглецы-отщепенцы, не желающие служить государству) до сугубо положительного (у радикальных либералов: казаки – наследники исконной воевой традиции, борцы с деспотизмом и т. д.).

Историография, именуемая «украинской националистической», также отмечает наличие сильного религиозного и экономического гнета для подавляющего большинства населения Украины. При этом особо подчеркивается отличие культуры украинского народа от польской национальной культуры, подчеркивается, что украинский народ к данному времени уже давно сложился и осознал свою «таковосамость» (то есть то, что самоидентификация его вполне сформировалась). И это чувство национальной самоидентификации требовало реализации в виде собственной государственности, как у других европейских народов. Основными причинами, не позволившими этой самоидентификации реализоваться в виде собственного государства, несмотря на огромные жертвы, принесенные народом на алтарь борьбы за независимость от Речи Посполитой, называются: неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства и экспансионистская политика Московского государства, быстро ликвидировавшего автономию Гетманщины. Богдан Хмельницкий представляется изворотливым политиком, выразителем интересов казацкой старшины, вынужденным под давлением обстоятельств пойти на заключение договора с Москвой.

Советская историография также отмечает все три вышеописанные формы гнета, которым подвергалось большинство населения Украины в составе Речи Посполитой. При этом утверждается, что воссоединение с Россией было вековым желанием подавляющего большинства украинского народа, за исключением, разве что, магнатов и ополчившейся шляхты. Отмечается, что украинский народ хотел войти в сильное централизованное русское государство, которое гарантирует ему прогрессивное экономическое развитие и культурную автономию. Богдан Хмельницкий представляется как великий сын украинского народа, в юности осознавший его чаяние о воссоединении с Россией, и через горнило войны приведший свой народ к реализации этого чаяния. Это согласуется с марксистско-ленинской теорией, которая утверждает, что законо-

мерности развития исторического процесса выдвигают и личность, эти потребности осознающую и реализующую в своей деятельности. Также в советской историографии подчеркивается наличие определенных экономических связей между Малороссией (особенно ее левобережной части) и Великороссией (в значительной степени имевших вид контрабанды). Особое значение в историографии этого периода придается и военной и экономической помощи, оказываемой Российским государством режиму Богдана Хмельницкого во время Освободительной войны середины XVII в. Вообще же, советская историография проделала существенную эволюцию в вопросе оценки присоединения новых территорий, с народами их населяющими, к Российской империи. Если первая советская историческая «школа Покровского» отрицала положительные моменты в этих процессах, даже в присоединении Украины к России, то с 1937 г. это присоединение считается «наименьшим злом» для украинского народа, а ко времени 300-летия этого события уже сугубо положительным фактом – «Воссоединением двух братских народов». Но при этом русский народ – старший брат. Особо отметим тот момент, что само существование отдельного украинского народа в советский период под сомнение никогда не ставилось, ведь СССР не только существовала в составе СССР, но и была представлена в ООН.

Историография украинской эмиграции повторяет постулат о тройном гнете украинского народа в Речи Посполитой. Эмигрантские авторы категорически выступают против официальной российской имперской идеи об идентичности малороссов великороссам, и того утверждения, что малороссийский язык – просто обезображенный русский (что закономерно). Считают именно украинцев наследниками политических, юридических и духовных традиций Киевской Руси. Переяславский договор 1654 г. считают либо актом о временном военном союзе против Речи Посполитой, либо соглашением о вассалитете, либо актом о личной унии Украины с московским царем. Некоторые из этих авторов отмечают большое культурное сходство между украинским и польским народами, по крайней мере, гораздо большее, чем между украинским и русским.

Мы не будем подробно останавливаться на современной украинской историографии. Заметим только, что идеи, высказываемые современными украинскими авторами, созвучны

идеям украинских националистов-классиков (М. С. Грушевского и других), а также авторам украинского зарубежья. В целом, перед современной украинской историографией стоят следующие задачи: исторически обосновать древность корней украинской государственности; найти национальных героев и описать их деяния; показать значимость истории украинского народа для истории Европы в целом, показать вписанность его в контекст общеевропейской цивилизации. Например, современный украинский автор так характеризует гетмана П. Конашевича-Сагайдачного: «Гетман Сагайдачный со своим казачьим войском стал подлинным защитником Европы...»¹⁰¹ (пер. Б. Д.) — имеется в виду битва под Хотиным 1621 г. События, начавшиеся в 1648 г., зачастую трактуются как Национальная революция, подобная нидерландской. «До начала Национальной революции 1648–1676 гг. у части старшины и рядового казачества начала выкристаллизовываться идея политической самобытности созданного государственно-го организма. <...> С началом Национальной революции ясно обозначился новый этап в развитии государственной идеи»¹⁰² (пер. Б. Д.). В целом характерной чертой современной украинской историографии является ее большая публицистичность, что не удивительно, учитывая стоящие перед ней задачи.

В польской историографии, по крайней мере в той ее малой части, что была мне доступна, отмечается факт отсутствия полноценной вписанности казачества в сословную структуру феодального общества Речи Посполитой и невозможности удовлетворения казацких претензий в рамках польского государства по внутривнутриполитическим причинам (невозможностью для шляхетского сословия поступиться своими интересами ради инкорпорирования казачества или, хотя бы, его верхушки в привилегированное сословие Речи Посполитой). Безусловно, признается факт религиозного гнета населения Украины, усиленную, даже по сравнению с собственно польским крестьянством, его эксплуатацию. Отмечается наличие некой культурной отчужденности между собственно малороссийским и польским, в основном шляхетским, населением Украины.

¹⁰¹ Чухліб Т. Оборонець Європи, або Доля золотого меча Сагайдачного // Війни і мир, або «Українці – поляки: брати / вороги, сусіди...». – Київ, 2004. – С. 50.

¹⁰² Степанков В. Уроки державотворення. Актуальні проблеми Української національної революції 1648–1676 років // Війни і мир, або «Українці – поляки: брати / вороги, сусіди...». – Київ, 2004. – С. 85–86.

Современная отечественная историография рассматривает широкий круг проблем, связанных с украинским вопросом середины XVII в. Это и вопрос о попытке сформировать «большую единую русскую нацию» из народонаселения Великой, Малой, Белой Руси; вопрос о формировании военной силы Украинского народа и ее постепенном ослаблении после раздела Малороссии между Московским государством и Речью Посполитой; вопрос о политических условиях вхождения Левобережья в состав России и борьбы гетманов за автономию, то есть были ли гетманы вассалами царя Московского или нет; вопрос о характере взаимоотношений Гетманщины и Московского государя как суверена. Большое значение придается вопросу о приведении Малороссийской православной церкви в подчинение Московскому патриархату и т. д. Делаются первые подходы к проблеме различия социальной психологии россиян и украинцев в XVII в.

Характеристика источников. Прежде чем приступить к описанию исторических источников по теме настоящей работы, стоит сначала определить, что мы понимаем под этим термином, дать его дефиницию. Итак, *исторический источник* — факт объективного отражения, означает запечатленность одного объективного факта в содержании и структуре другого объективного факта.

В отечественном источниковедении, как правило, пользуются двумя системами классификации источников: по способу передачи информации (метод Ковальченко) или по методу обнаружения.

По способу передачи информации источники делятся на: письменные, фольклорные, лингвистические, изобразительные, вещественные, источники новых форм (кино, аудио, фото), цифровые источники, этнографические и антропологические. Этой системой мы и воспользуемся.

Подавляющее число источников по заявленной теме являются источниками письменными, которые, в свою очередь, делятся на летописные (поздние украинские летописи), юридические, актовые, литературные. Кроме того, мы имеем источники фольклорные — украинские народные Думы. Также мы имеем источники этнографические, характеризующие различия в укладе жизни и культуре жителей различных частей большой территории, именуемой Украина. Есть и лингвисти-

ческие источники, к которым мы практически не обращаемся в настоящей работе, но которые, тем не менее, дают некоторую возможность проследить, как происходило складывание украинского языка, какие внешние факторы влияли на его образование. Наконец, есть и вещественные источники, которые мы тоже практически не будем использовать в данной работе.

Поздних украинских летописей существует всего три: летопись Самовидца середины XVII в.; летопись Григория Грабянки; летопись Самуила Величко (последние две относятся уже к XVIII в.). Эти летописи в советской историографии принято называть «казацкими старшинскими», так как лица, их писавшие, принадлежали к представителям казацкой старшины. Наиболее ценной из них для нас является летопись Самовидца. Так как ее писал современник Освободительной войны украинского народа или, как ее сейчас иногда называют в современной украинской литературе, Национальной революции. В данном произведении называются причины начала войны: «Початок и причина Хмельницкого есть едино от ляхов на православие гонение и козаком отягощение»¹⁰³; описывается ее ход; перипетии переговоров Богдана Хмельницкого с властями Речи Посполитой и России. При этом автор, являясь представителем умеренных кругов в среде старшины, уделяет внимание таким негативным, с его точки зрения, явлениям, как погромы шляхетских имений и выход из-под контроля феодалов и администрации украинского крестьянства. В настоящей работе нет обращения к поздним украинским летописям, так как источники эти надлежащим образом изучены предшествующими поколениями исследователей и соответствующим образом отражены в многочисленных монографиях и статьях.

К юридическим источникам относятся договоры между Речью Посполитой и Россией (например, текст Деулинского перемирия), договоры о мире, заключенные Богданом Хмельницким и правительством Речи Посполитой (например, Зборовский договор). Данный тип источников предоставляет нам сведения о дипломатии этого исторического периода.

Большая часть письменных источников по теме данной работы относится к актовому материалу. Для большей ясности введем дефиницию понятия «актовые материалы». «В отли-

¹⁰³ Летопись Самовидца. Киев, 1878. Цит. По: Голобуцкий В. А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. – Киев, 1962. – С. 3.

чие от законов, которые устанавливают, формулируют правовые нормы, акты лишь используют их; отношения, которые закрепляются актами, не должны нарушать принятые законодательные нормы (в том числе, кстати, и нормы обычного права, в законах обычно не фиксируемые). При узком определении актов в их число попадают три группы документов: 1) публично- и частноправовые договоры; 2) постановления и распоряжения различных органов власти, имеющие индивидуальный или коллективный адрес либо адресованные всем, но касающиеся конкретного юридического или физического контрагента автора; 3) распоряжения владельцев собственности, адресованные агентам, состоящим у них на службе. <...>

При расширительном понимании актовых источников к этим группам добавляются также делопроизводственные, частно-публичные документы и частная переписка¹⁰⁴. Именно в такой расширенной трактовке мы и принимаем определение актов.

Большее количество актового материала (деловой переписки, судебных документов и так далее) было издано к 300-летию юбилею объединения Украины с Россией: «Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах», а также «Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией. Сборник документов для учителей средней школы», представляющий собой краткую версию упомянутого выше фундаментального трехтомника. До Октябрьской революции материалы по истории Малороссии неоднократно публиковала Археографическая комиссия, издавались сборники документов и другими организациями и лицами. Например, такой сборник документов был издан О. Бодянским в 1858 г. В нем есть как юридические документы, так и актовый материал. Например, представлен «Список с договоров, учиненных под Зборовым между поляками и Хмельницким»¹⁰⁵. К актам относится опубликованное здесь же официальное сообщение: «1651 июня 30. Об одержанной Польским Королем, Яном Казимиром, над Крымским ханом и Запорожскими козаками под городом Берестечком, победе. Перевод с тетради латинского письма: “Объявление при одолении Польского короля против Хмельницкого и Крымского хана с товарищи”»¹⁰⁶.

¹⁰⁴ Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцев М. Ф. Источниковедение. – М., 2004. – С. 249–250.

¹⁰⁵ Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантышем-Каменским, и изданные О. Бодянским. Часть 1. 1649–1687. – М., 1858. – С. 19.

¹⁰⁶ Там же. – С. 21.

Из опубликованных в 1953–1954 гг. в вышеупомянутых сборниках документов наиболее интересной для нас является деловая переписка воевод русских порубежных городов с Посольским и Разрядным приказами. Она дает представление о степени осведомленности московского правительства по поводу дел на Украине, организации разведки на территории Речи Посполитой (например, так называемые «расспросные речи»), об экономических связях между сопредельными территориями двух государств. Особенно много подобрано документов по вопросу об обустройстве казаков-перебежчиков, заселению ими так называемой Слободской Украины. Также в этих сборниках представлено большое количество документов судов Речи Посполитой (исков, судебных решений). Эти документы характеризуют внутреннее положение в Речи Посполитой первой половины XVII в. (злоупотребления местной администрации и арендаторов имений, ущерб от частных войн феодалов и т. д.). Существенное место в этих сборниках занимает и дипломатическая переписка между Б. Хмельницким и московским правительством. Из нее мы можем извлечь данные о позициях сторон в деле установления более тесных связей между режимом Б. Хмельницкого и Россией. Процесс этот, как известно, закончился подписанием Переяславского договора.

Особым источником по проблемам взаимоотношений России и Речи Посполитой в первой половине XVII в. являются Посольские книги, хранящиеся в РГАДА (Москва. Фонд № 79, опись № 1). Здесь особый интерес для нас представляют «наказы» послам и их отчеты. По этим книгам возможно проследить перипетии сложных отношений между этими двумя государствами в первой половине XVII в., определить изменение тенденций в этих отношениях, прояснить вопрос о целях московской политики в отношении Речи Посполитой, выделить те аспекты взаимоотношений, которые считались российским правительством особенно важными или опасными. Из содержания этих книг видна и степень осведомленности московских властей о положении дел в Речи Посполитой и в Европе в целом. Особенно интересные наблюдения можно сделать по поводу того, как представляли в Москве систему функционирования государственной власти в Польско-Литовском государстве, систему разделения функций между ее институтами.

Личная переписка польских должностных лиц проливает свет на некоторые аспекты исторических событий: иногда по ней можно проследить разницу между тем, как события происходили по официальным реляциям, и что наблюдали участники событий на самом деле. Например, выдержки из такого рода источников приводятся в данной работе по труду Б. Н. Флори «Польско-Литовская интервенция в России и русское общество».

Литературные источники по теме данной работы представлены в виде всевозможных трактатов (политических, экономических, исторических и так далее), мемуарной литературой, и художественной литературой той эпохи. Необходимо отметить, что все эти приводимые здесь источники имеют польское происхождение. Политические трактаты дают нам представление о тех проблемах внутренней и внешней политики, которые волновали наиболее образованную часть польской шляхты. Это, например, проблема инкорпорации Украины и казачества в лоно Речи Посполитой и многие другие. Краткие выдержки из произведений такого рода даются, в основном, по диссертационной работе М. В. Лескинен, посвященной идеологии «сарматизма». Художественная литература Польши XVI – первой половины XVII вв. дает нам представление о политических, идеологических, социальных, эстетических взглядах польской шляхты этого времени, ее менталитете. Мемуары проливают свет на подробности событий, в которых принимал участие их автор, показывают его отношение к ним, к окружавшей его обстановке (например, к обычаям, образу жизни и нравам жителей другой страны). В данной работе использованы, на мой взгляд, интереснейшие воспоминания С. Немоевского.

Фольклорные источники представлены, как уже отмечалось, украинскими народными думами, посвященными, в частности, событиям войны 1648–1654 гг. Данной теме посвящены, например, думы: «Хмельницкий и Барабаш», «Корсунская победа», «Хмельницкий и Василий Молдавский». В данных источниках отразилось то, как события той эпохи преломились в народном представлении, народной памяти. Они не могут рассматриваться как полностью достоверные описания событий той далекой эпохи.

“Эй, пан кум, пан Барабаш, пан гетман молодой!
Не прочесть ли нам королевские письма вдвоем с тобой
Казакам казацкие порядки дать,
За веру христианскую дружно встать?”
Тогда Барабаш, гетман молодой,
Отвечает ему тихим голосом:
“Эй, пан кум, пан Хмельницкий, пан писарь войсковой!
К чему нам письма королевские вдвоем читать,
К чему нам казакам казацкие порядки давать?
Не лучше ли нам с польскими панами,
Милостивыми господами,
Покойно хлеб-соль по скончанье века разделять?”¹⁰⁷

А Хмельницкий как сказал ему,
Так и поступил по сему:
Куму своему, Барабашу, гетману молодому,
С плеч головку, как галку, снял,
Жену его и детей живьем забрал,
Турецкому султану в подарок отослал;
С той поры Хмельницкий и гетманом стал¹⁰⁸

Вообще, думы являются весьма ценным источником по вопросу о ментальности украинцев XVI–XVII вв. Данные источники практически не использованы в данной работе по той причине, что они основательно изучены еще историками XIX в. (особенно Н. И. Костомаровым), да и за достоверность сведений, в них содержащихся, поручиться не всегда возможно.

Этнографические источники также не используются в данной работе. Использованы лишь статьи по этнографии украинского народа XVII – XVIII вв., где такие источники уже переработаны.

То же самое можно сказать и о лингвистических источниках.

Что касается вещественных источников, то стоит упомянуть лишь об их существовании. Это, например, старинные польские доспехи, находящиеся в оружейной палате Вавельского замка в Кракове. На их наплечниках изображены лица воинов-сарматов¹⁰⁹. Это, так сказать, материальное воплощение идеологии «сарматизма».

¹⁰⁷ Хмельницкий и Барабаш // Героический эпос народов СССР. БВЛ. Т. 2. – М., 1975. – С. 35.

¹⁰⁸ Там же. – С. 39.

¹⁰⁹ Фролова Н. Г. Старый Краков. – М., 2007. – Цветная вклейка № 2.

По тому же «сарматизму» может дать определенный материал и такая вспомогательная историческая дисциплина, как геральдика. Например, некоторые исследователи находят следы сарматских тамг в польских геральдических эмблемах XI – XVIII вв.¹¹⁰

Таким образом, мы очень кратко ознакомились со всем многообразием исторических источников по теме «Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в.»

Для прояснения ситуации, сложившейся в Речи Посполитой и, в особенности, на ее восточной и юго-восточной окраинах в первой половине XVII в., и приведшей к выступлению казачества во главе с Богданом Хмельницким против властей (правлящего класса) Речи Посполитой, которое развернулось в подлинную народную войну украинского народа против Речи Посполитой, надо поставить перед собой следующие вопросы и задачи:

- Выяснить, каковым было внутривосполитическое устройство Речи Посполитой, как оно сложилось в первой половине XVII в.
- Выяснить, какова была внутривосполитическая ситуация в этом государстве в указанный период времени.
- Попытаться выяснить, что представляло собой население Украины, и дать краткое определение понятия «украинский народ», применительно к первой половине XVII в. Описать его социальную структуру.
- Описать идеологию политического класса (шляхетства) Речи Посполитой и, в частности, Украины. Описать различные политические течения в его среде. При этом мы упомянем и казачью старшину, которая заняла позиции шляхты в ходе войны 1648–1654 гг.
- И, наконец, рассмотреть, как реагировало правительство России на события, происходившие на Украине и в Речи Посполитой в целом на протяжении первой половины XVII в.

После рассмотрения этих вопросов мы сможем сделать вывод, как формировалась украинская политическая элита, на каких традициях формировалось ее мировоззрение, понимание собственной роли в деле управления территорией и населением. Таким образом, главная проблема, решению которой посвящена данная работа – процесс и факторы формирования мировоззрения и самосознания собственно украинского наро-

¹¹⁰ Сулимирский Т. Сарматы. – М., 2008. – С. 138–139.

да и, особенно, его политической элиты на протяжении указанного в названии работы периода времени; отличие этого менталитета от Великодержавского.

Только разрешив эту проблему, мы сможем понять, откуда происходят корни некоторых особенностей менталитета современного украинского народа и, особенно, его политической элиты.

Только представляя генезис этничности, государственности, ход национального развития Украины, учитывая особенности выработанного в процессе этого развития национального менталитета и политики, можно строить межгосударственные отношения с этой страной не «на песке» и не с чистого листа, а на твердом основании научного исторического знания.

Кроме того, коль скоро перед историками новых независимых государств (в том числе и Украины) в настоящее время стоят задачи написания их историй, в которых необходимо указать древность корней происхождения государственности этих народов, определить круг национальных героев и описать их деяния, а также показать значимость истории этих народов для судеб мира во все времена, показать их вписанность в контекст всемирной истории и т. д., то перед отечественными историками, соответственно, стоит задача написания неких «параллельных» историй этих государств и народов.

Причинами, описанными в двух предыдущих абзацах, определяется актуальность данного исследования.

Объектом данного исследования являются Речь Посполитая и Украина как социальные и политические системы, в том состоянии, каковыми они сложились в первой половине XVII в., а также изменения, происходившие в них в указанный период времени.

Предметом данного исследования являются закономерности развития социумов Речи Посполитой и Украины как особой части этого государства, а также формируемые этими социумами аппарат государственного управления, системы политических взглядов и представлений населения и, особенно, казачества Украины, как они сложились в период первой половины XVII в.

Показав актуальность данной темы, определив предмет и объект исследования, поставив цели и определив задачи, перейдем теперь к основным главам данной работы.

ГЛАВА 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЕЕ И УКРАИНЫ В ЧАСТНОСТИ

§1. Политическое устройство и внутривполитическое положение Речи Посполитой в первой половине XVII в.

С тех пор, как в 1572 г. со смертью Сигизмунда Второго Августа прервалась династия Ягеллонов, польские короли стали избираться (с 1573 г.). Первый избранный король – герцог Анжуйский Генрих (Валуа) подписал «Articuli Henriciani», которые закрепили принцип выборности короля, минимизировали его права и передали власть в руки дворянства, а фактически – в руки его верхушки (магнатов). Таким образом, права шляхты были надлежащим образом гарантированы и с тех пор могли только еще больше расширяться, в то время как права монарха должны были только все более и более сокращаться. Этот процесс приведет в дальнейшем к появлению института сенаторов-резидентов, надзирающих за действиями короля, и к торжеству принципа «liberum veto» (в середине XVII в.).

Органом политического господства шляхты был вальный сейм Речи Посполитой. На этом сейме решались все важные вопросы государственной жизни. «Обычно вальный сейм состоял из трех “станов”, или чинов Речи Посполитой: короля, сената и земских послов. Впрочем, присутствие короля не было обязательным. Король мог и издали сноситься с сеймом, делать ему различные предложения и утверждать состоявшиеся на нем постановления. Для состава сейма необходимо было присутствие сената и земских послов»¹.

Сенат представлял собой совет при короле. Первое место в нем занимал архиепископ гнезненский (Гнезно – первая столица древнего польского государства). Он же являлся прима-сом (главой) католической церкви Речи Посполитой, легатом Папы Римского, а с 1573 г. имел титул «Interrex», то есть исполнял обязанности короля во время «бескоролья». «Сенат был королевским советом на сейме и вне его. В экстренных случаях король созывал на совещание всех сенаторов, но обыкновенно он имел при себе так называемых резидентов, без

¹ Любавский М. К. История Западных славян. – М., 2004. – С. 387.

совета с которыми не мог ничего предпринимать. Сейм на каждые два года назначал 16 резидентов, которые по полго-да в числе четырех человек находились при особе короля; с 1641 года стало назначаться уже 28 сенаторов»². Члены сената рекрутировались из числа высшего римско-католического и греко-католического духовенства, а также высших чинов государства: каштелянов (комендантов), воевод и министров.

Главная роль на сеймах принадлежала посольской избе, состоявшей из послов-депутатов от шляхетского сословия. Именно в посольской избе происходили наиболее оживленные (если не сказать больше) дебаты, здесь обычно принимались решения, которым, как правило, подчинялся сенат и которые утверждал (или, часто, вынужден был утвердить) король.

Посольская изба формировалась следующим образом: «Земские послы выбирались шляхтой на местных поветовых сеймиках, называвшихся предсеймовыми или посольскими. <...> Шляхта выбирала послов в числе, установленным законом для каждого воеводства, земли или повета, начиная от 1 и до 8»³. Послы получали от избравшей их шляхты инструкцию, в которой выражались ее желания относительно предметов, подлежащих обсуждению на сейме. Со своей стороны они обещали неукоснительно следовать полученной инструкции. После посольских сеймиков собирались генеральные сеймики по отдельным провинциям. В этих сеймиках принимали участие уже и сенаторы. На них принимались решения о совместных действиях на уровне провинции (Великопольши, Мало-польши, Мазовии, Литвы).

Законодательство 1573 г. предписывало собирать сеймы через каждые два года. Такие сеймы назывались *ординарными* или *шестинедельными* по их продолжительности. В случае необходимости могли созываться чрезвычайные сеймы, именуемые экстраординарными, или, в соответствии с их продолжительностью, двухнедельными. Два раза подряд сеймы должны были собираться в Варшаве, а в третий раз – в Гродно.

В XVII в. решение сейма могло быть сорвано всего одним голосом «против», так называемый принцип «*liberum veto*». Это считалось возможным, так как сеймовый посол представлял не самого себя, а всю избравшую его поветовую шляхту.

² Там же. – С. 388.

³ Там же. – С. 388–389.

Сеймовые совещания были открыты для публики. По окончании работы сейма по воеводствам, землям и поветам собирались реляционные сеймики, на которых послы отчитывались об исполнении ими миссии и зачитывали сеймовые конституции (принятые сеймом постановления). Эти конституции имели силу общегосударственных законов.

Король избирался на элекционном сейме, согласно обычаю, специального закона на сей счет не существовало. «Время собрания этого сейма определялось на первом сейме, созывавшемся в безкоролевье примасом-архиепископом и называвшемся конвокационным. Для избрания короля съезжались не только обычные члены сейма, то есть сенаторы, шляхетские послы, но и вся масса шляхты <...> и представители наиболее значительных мест – Гданьска, Торуня, Эльблонга, Познани, Варшавы, Кракова, Люблина, Каменца-Подольского и Вильны»⁴. Во время этого сейма действовал специальный каптуровый суд из трех сенаторов и двенадцати шляхетских послов. Король должен был избираться единогласно, то есть из всей массы присутствующих ни один не должен быть «против» данной кандидатуры. Король вступал в права только после коронации в Кракове, при этом он должен был подтвердить права Речи Посполитой (шляхетской республики). После чего происходил коронационный сейм, на котором особым актом король еще раз подтверждал права и вольности шляхты.

Король был главой центрального правительства Речи Посполитой (магистратуры). В состав его правительства входили министры. Полномочия этого правительства были не слишком велики. Первым министром был маршалок великий (министр двора), исполнявший полицейские и судебные функции в местопребывании короля в данный момент и на милую в окружности. В сенаторской избе он следил за порядком, соблюдением почтительности к особе короля и отвечал за безопасность. Он также исполнял обязанности придворного кавалера. В этой многотрудной деятельности ему помогал маршалок дворный, принимавший частные прошения на имя монарха. По обеспечению порядка и безопасности в покоях короля обоим маршалам помогал подкоморий великий (обер-камергер). Важным лицом администрации был канцлер, хранитель большой государственной печати, начальник государственной канцелярии.

⁴ Там же. – С. 392–393.

«Канцлер на сеймах составлял и читал тронную речь от имени короля, программу сеймовых совещаний, давал от имени короля ответы на аудиенциях, вел переговоры с иностранными послами, прикладывал большую государственную печать к грамотам до иностранных правительств, к универсалам, к судебным «позвам» и «вырокам», к привелеям на уряды и имения. При этом канцлер следил, чтобы в документах, исходящих из государственной канцелярии, не было ничего противного королевскому достоинству и народным (шляхетским – *Б. Д.*) правам и обязан был делать королю представления, если король издавал какие-либо письменные распоряжения, противные законам Речи Посполитой. Под начальством канцлера находился и государственный архив, или так называемая коронная метрика, находившаяся в заведовании метриканта. Канцлер был также и председателем надворного, или ассессорского, суда, в том случае, если на нем не было короля»⁵. Канцлеру помогал подканцлер, хранитель малой государственной печати и начальник меньшей государственной канцелярии. Существовала еще и должность секретаря великого, который ведал тайной государственной перепиской. На нее назначалось духовное лицо. Заведующие большой и меньшей государственных канцеляриями – регенты, как уже ясно из вышеизложенного, подчинялись непосредственно канцлеру и подканцлеру, соответственно. Они тоже считались министрами. Министрами были гетман великий (главнокомандующий войсками) и его заместитель гетман польный. У них в подчинении находились военные чины: польный писарь, генерал артиллерии, стражник, обозный и др. «Наконец, к министрам же принадлежал и подскарбий земский. Он собирал в скарб земский все государственные доходы и вел им учет, выдавал деньги на государственные потребности по распоряжению сената или сейма и давал во всем отчет на каждом сейме. Кроме того, он управлял монетным двором, вакантными, не розданными староствами, а в безкоролевье и столовыми имениями короля. Его заменял в случае надобности его товарищ – подскарбий дворный...»⁶. Великое княжество Литовское имело тот же комплект министров.

Таким образом, органы центрального управления Речи Посполитой отличались, с одной стороны, крайней громозко-

⁵ Там же. – С. 396–397.

⁶ Там же. – С. 397.

стью и неповоротливостью законодательно-контрольной власти (сейма), а с другой – крайней слабостью королевской власти и правительства, подотчетного, фактически, одному сейму. «В деле управления Речь Посполитая отличалась самой широкой децентрализацией. Большая часть дел вершилась не в центре государства, не королем и его министрами, а в областях – местными правителями и урядниками»⁷.

Рассмотрим теперь областное управление Польско-Литовского государства. Со времен Люблинской Унии 1569 г. Речь Посполитая делилась на три провинции: Великопольшу, Малопольшу и Литву. Коронные провинции (великопольские и малопольские) делились на воеводства и земли, которые, в свою очередь, делились на поветы. Лифляндское воеводство считалось достоянием и Короны, и Литвы. Кроме того, государство имело вассальные владения: герцогство Курляндское, герцогство Прусское и два поморских повета (Бытовский и Лауэнбургский), которыми владели сначала поморские князья, а затем курфюрсты Бранденбургские. Вассальные территории управлялись их владельцами. Гражданская и военная власть в воеводствах принадлежала воеводам. Воевода был урядником короля, главой всей шляхты воеводства, интересы которой он представлял в сенате, которой руководил на войне и на местных сеймиках. Воеводы назначались из местных крупных землевладельцев (магнатов), а в землях Полоцкой, Витебской и Жмудской даже с согласия местной шляхты. Под началом воевод состояли каштеляны – предводители шляхетских военных ополчений поветов. Они тоже назначались из числа местных землевладельцев и заседали в сенате. Судебные функции (и исполнение приговоров высших судебных инстанций) в округах и поветах исполняли старосты городовые. Им помогали подстароста, судья гродский, писарь и регент (нотариус). Гражданские же дела между шляхтой разбирали суды земские и подкоморские. Подкоморские суды разбирали исключительно дела о межевании земель. Староста, имевший власть сразу над несколькими поветами, назывался генералом. Шляхтичи могли апеллировать на приговоры всех трех шляхетских судов (гродского, земского и подкоморского) в трибуналы (Коронный или Литовский – по принадлежности). Члены трибуналов избирались из сенаторского и рыцарского

⁷ Там же. – С. 397–398.

класса на ежегодных депутатских сеймиках. Эти же сеймики избирали каноников для разбора дел между представителями духовенства. Приговоры этих трибуналов были окончательными, в ряде случаев дело могло быть передано далее в сеймовый суд. В делах не имущественного, но личного характера дела духовенства разбирали (в порядке роста инстанции) епископский, примасовский суды и, наконец, нунциатура. Мещане судились в местной раде (бурмистрами и радцами) по гражданским делам, а по уголовным – в местной лаве (войтом и лавниками). В случае тяжбы между евреем и христианином суд производил сам воевода. Апелляция от местных мещанских судов шла в надворный ассессорский суд (канцлер и чины, ему подчиненные), далее в надворный реляционный суд (король, сенаторы и министры). Последняя из перечисленных инстанций рассматривала и другие важные дела, например, об ущемлении религиозной свободы.

Из описанного выше видно, что и судебная система Речи Посполитой была весьма многоступенчатой и запутанной. Кроме того, она, как и положено в феодальном государстве, носила ярко выраженный сословный характер.

Еще одной особенностью Речи Посполитой как государства были так называемые конфедерации, которые являлись своеобразным оружием защиты государства от последствий практики применения «*liberum veto*». «Поляки, когда государственные интересы требовали принятия во что бы то ни стало известных решений, не обращали внимания на несогласие меньшинства. В таких случаях Речь Посполитая как бы распадалась и формировалась заново из согласных элементов, которые и составляли конфедерацию. Конфедерация составлялась обыкновенно в безкоролевье на конвокационном сейме. Для принятия мер по безопасности государства сейм объявлял себя генеральной или каптуровой конфедерацией и ставил свои определения уже не единогласно, а по большинству голосов. Конфедерации формировались иногда и при королях для достижения известной цели. <...> Если ко времени конфедерации происходил очередной или экстренный сейм <...>, такой сейм, называвшейся конфедерацким, ставил решения по большинству голосов. Конфедерации существовали до тех пор, пока не достигали своей цели, после чего расходились»⁸.

⁸ Там же. – С. 391–392.

Следует заметить, что порядок представительства на конфедерационных сеймах был иным, чем на сеймах вальных, то есть обычных. Особенно же опасными для государства были частные конфедерации, собиравшиеся против короля с целью привлечения его к ответственности (низложения) за покушение на права и вольности шляхты или отдельных ее представителей. Такие конфедерации назывались *рокошами* и имели характер мятежа против короля.

Теперь посмотрим, как этот вышеописанный государственный аппарат, сложившийся исторически и не претерпевавший существенных изменений на протяжении существенного периода времени, работал на практике, а заодно выясним некоторые подробности законодательства Речи Посполитой. Главное — узнаем, какова была внутривалитическая ситуация в этом государстве, каково было положение различных сословий в первой половине XVII в.

«Общество в Речи Посполитой строилось по сословному принципу, шляхта и духовенство находились в привилегированном положении. Большая часть населения (мещане и крестьяне) имела ограниченные личные свободы и совершенно не обладала гражданскими правами. Имущественное неравенство существовало и внутри привилегированного сословия, но формально все его представители были равны. Отождествление шляхетского сословия с Речью Посполитой привело к тому, что государство гарантировало как собственность на землю, так и способ распоряжения землей. Шляхтич был наследным владельцем своих имений и господином живущих там крестьян. Эта двоякая роль получила наиболее полное выражение в распространении фольварка — формы хозяйства, которое создавалось и велось на средства землевладельца в рамках его имения. Земельные владения были разными. Огромные вотчины магнатов (это касалось также церковных и королевских владений) могли состоять из сотен деревень, но не в каждой из них существовал фольварк. В богатой и густонаселенной Великой Польше вотчина состояла из десятка или более деревень, в то время как на Украине такое имение считалось довольно скромным»⁹. Фольварк был, главным образом, шляхетским хозяйством. Во владениях

⁹ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. — М., 2004. — С. 185.

магнатов и епископов, а также в королевских землях фольварками управляли арендаторы из числа заслуживающих доверия людей, а иногда — наемные администраторы. Они были преимущественно шляхтичами, а с землевладельцем их связывала «служба». Магнаты создавали себе клиентуру, в числе которой с середины XVII в. все больше было представителей обедневшей шляхты. Практика установления личных связей с магнатами встречала всеобщее одобрение и даже приветствовалась в дворянском обществе, в то время как шляхтич, который получал в держание королевские имущества, не ощущал личной связи с монархом. Шляхте удалось монополизировать права на земельную собственность: мещанам в Короне запрещалось приобретать земельные владения (1496, 1538, 1611 гг.), иногда шляхта даже настаивала на их принудительной продаже. Основой фольварочного хозяйства, как и положено при феодализме, был принудительный труд: земля обрабатывалась крестьянами данной деревни. На смену, казалась бы, более прогрессивной натуральной и денежной ренте, в XVI в. пришли отработки. Новая форма ведения хозяйства, эффективно увеличивая доходы феодалов, повлекла за собой со временем увеличение налагавшихся на подданных повинностей. Доходы владельцев фольварков росли, главным образом, за счет расширения площади обрабатываемой земли, что опять-таки способствовало увеличению барщинной отработки. В XVII в. для польского крестьянина (кмета), хозяйство которого зачастую было уже меньше лана, барщина составляла четыре-пять дней в неделю. Столь существенный рост податей был невозможен без существенного ограничения личной свободы крестьян. Со временем сложилось убеждение, что барщина есть результат личной зависимости. «Шляхта предпринимала шаги, чтобы укрепить свои экономические позиции по отношению к другим сословиям. Экономически привилегированное положение шляхты, фактически монополизировавшей наиболее прибыльные сферы торговли, не облегчало жизни городов. Шляхта, заботясь о собственных интересах, запретила торговцам выезжать за границу с товаром (1565 г.)»¹⁰. Причина возврата к барщинному хозяйству в XVI в. в Речи Посполитой кроется в том же, в чем и в Германии за 100–150 лет до того — это конъюнктура зернового рынка в Европе. Помещики сами стали

¹⁰ Там же. — С. 194.

производить зерно при помощи труда крепостных, со временем вообще создали в имениях самодостаточное хозяйство (второе пришествие классического феодализма). Таким образом, у них в руках оставалась вся прибыль при минимальных издержках. А, оттерев местное купечество от торговых операций с зерном, шляхетство стало единственным доминирующим сословием в стране. «Что происходило с деньгами, которые стекались в Речь Посполитую в обмен на польское зерно? Значительная их часть шла на избыточное потребление»¹¹.

Еще по поводу экономического могущества шляхты и, соответственно, магнатов в конце XVI – начале XVII вв. читаем: «Основной единицей барщинного хозяйства был фольварк. В нем производились сельскохозяйственные продукты. Ведущей отраслью в фольварке было земледелие – прежде всего полеводство, затем огородничество и садоводство»¹². И далее: «Мы не располагаем фактами о значительной и систематической продаже фольварками сельскохозяйственных продуктов горожанам. Продукты земледелия феодальных имений сбывались на внешнем рынке. При вывозе товаров за рубеж феодалы имели несколько преимуществ перед сельскими хозяевами – горожанами и крестьянами. Во-первых, на территории Речи Посполитой товары феодалов не облагались налогами. Во-вторых, феодалы, пользуясь барщинной подводной повинностью своих крепостных, могли перевезти эти продукты бесплатно к речным пристаням, а оттуда отправить их к морским портам. Скупщики же нешляхетского зерна должны были давать взятки, чтобы не платить пошлины за провоз товаров в пределах Речи Посполитой, либо оплачивать эти сборы, а главное – платить за доставку зерна к пристаням»¹³. А. И. Баранович отмечает еще одну особенность в ведении хозяйства крупными феодалами: «Феодалы стремились использовать развитие товарно-денежных отношений в собственных интересах и были заинтересованы в “основании” городов в своих владениях, поскольку города значительно увеличивали доходы, поступающие от обложения торговцев и ремесленников. Город давал больше дохода, чем несколько деревень вместе взятых. Но это не все. Существование значительных городов

¹¹ Там же. – С. 195.

¹² Баранович А. И. Украина накануне освободительной войны середины XVII века. – М., 1959. – С. 76.

¹³ Там же. – С. 84–85.

в округе создавало благоприятные условия для сбыта сельскохозяйственных продуктов близлежащими деревнями, а значит, и для развития товарно-денежных отношений в них. Если имение не всегда сбывало продукты в города, то отдельные крестьяне делали это в значительных размерах и всегда. Доходы от сел, расположенных вблизи городов, всегда были больше, чем от сел, расположенных вдали от них. Главное в основании городов заключалось в том, что стало возможным получать значительную часть доходов от имений столь дорогами в XVI веке деньгами»¹⁴. О том, куда уходили деньги, полученные от имений шляхты, советский автор сообщает: «Погоня за роскошью поглощала все доходы феодалов от их имений. Многие имения были заложены; актовые книги XVI века переполнены залоговыми записями феодалов. Немало феодалов разорилось, имения их перешли к ростовщикам; очень многие находились на грани разорения»¹⁵. Отметим про себя, что, видимо, из-за переходов шляхетских имений к ростовщикам дворянство и продавливало через сейм постановления о том, что только шляхта имеет право частной собственности на землю. Об этих постановлениях упоминали цитируемые выше современные польские историки.

О побудительных причинах ведения именно фольварочно-го хозяйства польскими феодалами А. И. Баранович пишет: «Где и как добыть денег? Феодалы Германии нашли выход в новом усилении отработочной ренты. Никакой оброк не давал феодалу таких широких возможностей, как отработочная рента. В этом же направлении ищут выхода из затруднительного положения и феодалы Польско-Литовского государства, в том числе его украинских земель. При этом не следует забывать, что Германия и Польша соседи, способы хозяйничания немецких землевладельцев были известны польским феодалам, опыт их мог быть последними использован. Не случайно, что в шляхетских кругах с большим интересом встретили книгу А. Гостомского “Хозяйство”, автор которой приобрел известность очень практичного хозяина, ведущего свои дела с большим успехом. Гостомский считал, что главное внимание нужно обратить на отработочную ренту. Он писал, что “работа хлопков — это доход, либо чистая прибыль, наибольшая в Поль-

¹⁴ Там же. — С. 25.

¹⁵ Там же. — С. 28.

ше”. В своих имениях он требовал от каждого крестьянского хозяйства в год 208 дней барщины»¹⁶.

Таким образом, мы ясно видим, что в описании экономического положения шляхты, способа ведения ею хозяйства у современных польских авторов, писавших свою работу в условиях существования независимой Польши, и советского автора середины XX в., нет сколь-нибудь существенных расхождений. Сходятся они и во мнениях относительно причин такого положения вещей.

А каковы были доходы короля? Из чего они формировались? Доходы монарха были весьма незначительны по сравнению с доходами иных магнатов. Они формировались из доходов со «столовых имений» (мы уже встречали ранее этот термин). Кроме того, королю шли доходы от взимания таможенных пошлин, соляных копей, с рудников, монетного двора и некоторых других регалий короны. Как уже упоминалось выше, государственные земли Короны были поделены на старостства, с которых король получал только один налог – «квартиру».

В книге Э. Тарвела, первая глава которой посвящена, в частности, вопросу государственного землевладения Речи Посполитой на территории южной Эстонии, читаем о том, что и с государственных имений старосты, а они назначались, как правило, из числа наиболее видных представителей шляхты, тех же магнатов, имели значительные доходы.

«Государственные земельные владения делились на две категории: старостства и экономии. Старостства, как правило, жаловались старостам пожизненно в качестве вознаграждения за службу – как лен по должности. Другая часть староств отдавалась феодалам без пожалования должности старосты. Такие лены назывались “*panis bene merentium*” (хлеб заслуженных). Старосты, наделенные служебной властью, назывались “гродовыми старостами” (*starosta grodowy*), а другие владельцы государственных имений, не несущие этих функций, “негородовыми старостами” (*starosta niegrodowy*). Доходы староств делились на три части: одна шла на жалованье старосте, другая – в государственную казну, в основном на покрытие военных расходов, третья – в королевский скарб. Эти части не были равными. <...> На средства королевской казны содержалась королевская семья и двор, покрывались

¹⁶ Там же. – С. 29.

дипломатические расходы, строились королевские резиденции и т. д. Королевские столовые имения, или экономии (*bona mensae regiae* или *economie*), предназначались для содержания королевского двора, и доходы от них шли непосредственно в королевский скарб. <...> Староства, так же как и должно-сти в Польском государстве, жаловались пожизненно и лишь в очень редких случаях с правом наследования. <...> Лишь в тех случаях, когда король был должен старосте известную сумму денег, в ленной грамоте оговаривалось, что староство нельзя отбирать у наследников умершего старосты до тех пор, пока долг не будет погашен доходами староства»¹⁷.

«Старосты имели право сдавать староства в аренду. Это было естественно, так как их пребывание в старостве не было обязательным, старосту заменял на месте подстароста. Поскольку в Польше практиковалась кумуляция должностей и одному лицу нередко принадлежало несколько староств и, помимо того, он мог занимать еще и другие должности, то староста и не мог иметь резиденцию во всех подвластных ему староствах. <...> Сдача в аренду была очень распространенным способом хозяйствования как в мелких, так и в крупных владениях. Система аренды была выгодной для землевладельца, так как часто приносила ему большие доходы, чем при самостоятельном хозяйствовании с помощью экономов»¹⁸.

«Расточительность магнатов, любовь шляхты к роскоши сочеталась с убеждением в справедливости ограничения государственных расходов. Королевский стол был скромным, а на содержание двора, армии и администрации всегда не хватало средств. Шляхта соглашалась с тем, что необходимо содержать армию, а может быть, и платить государственным должностным лицам; но это не должно было происходить за счет увеличения налогов. Исполнение государственных должностей было делом престижа, зачастую весьма дорогостоящего, когда необходимо было оплачивать содержание армии из собственных средств. Однако служение Речи Посполитой приносило очевидные выгоды, открывая доступ к аренде королевских владений. Государство, по мнению шляхты, существовало для того, чтобы она могла пользоваться своим привилегированным положением и поддерживать соответствующий для нее уровень жизни»¹⁹.

¹⁷ Тарвел Э. Фольварк, пан и подданный. – Таллин, 1964. – С. 52–53.

¹⁸ Там же. – С. 53–54.

¹⁹ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. Указ. соч. – С. 196.

Коснемся теперь второй составляющей могущества магнатов в Речи Посполитой – военной силы. А. И. Баранович приводит множество примеров численности, системы комплектования, организации частных армий на Украине конца XVI – начала XVII вв. (именно на Украине располагались самые крупные имения магнатов, а сама Украина входила в состав Малопольши). «Для осуществления своего господства на Украине феодалы Речи Посполитой прежде всего располагали значительными военными силами. Вооружены были сами феодалы, а так же их слуги, находившиеся при феодальных дворах и в аппарате управления имениями. Большие вооруженные отряды, преимущественно всадников, феодалы держали, используя свое право владения землей и живущими на ней крестьянами. Речь идет прежде всего об отрядах бояр, земян, шляхты. Одним, главным образом, причисленным к дворянскому сословию, шляхетным, с условием несения военной службы, феодалы предоставляли большие участки земли, часто целые села с жившими в них крестьянами; другим, обычно не попавшим в шляхетное сословие боярам, – волокы земли (волока земли – 21 га) с правом держать на них и эксплуатировать подсоседков»²⁰. «Много вассалов было у крупных феодалов – магнатов. Князь Януш Острожский в 1603 г. пожаловал своему слуге, шляхетному Каспру Бжозовскому, “до своей воли и милости” село Ордынцы, которое ранее “держали” Ординецкие, и село Ледуховку, которое ранее “держал” Крупа, с условием “ставить с них” в войска князя Острожского пять всадников на боевых конях и двух гайдуков»²¹. «Подобных вассалов-шляхтичей у князей встречаем в документах 1571, 1604, 1620 годов. У наследника князя Острожского, князя Доминика Заславского, в Степанской волости Луцкого повета Волынского воеводства в 1629 году было 15 шляхтичей-вассалов; они были обязаны по требованию своего сюзерена “ставить” в его войска 23 вооруженных всадника.

В 1597, 1598, 1646 годах в Шаргородской волости Подольского воеводства, принадлежащей Замойскому, упоминаются шляхтичи, держащие села на условиях военной службы своему сюзерену, владельцу этой волости»²².

«В 1582 году князь Михаил Чарторыйский в своих владениях имел земян, державших имения “то него самого и его пред-

²⁰ Баранович А. И. Указ. соч. – С. 51.

²¹ Там же. – С. 51.

²² Там же. – С. 53.

ков”. Под 1590 годом известны земляне, владевшие церковной землей киевского митрополита Михаила Рогозы по его грамоте с условием выполнения с них “боярской конной службы”²³.

«Еще больше было бояр; многие из них не являлись шляхтичами. В 1572 году холмский каштелян Николай Лысаковский пожаловал своему слуге, по-видимому, нешляхетному, Карпу Вакуличу дворище в с. Вербе Владимирского повета Волынского воеводства с условием выполнения боярской службы»²⁴.

«Бояре были у владельцев больших и малых. У князя Януша Острожского в 300 селах — 526 бояр, которые на войну ездят либо “делают услуги”, и 180 бояр путных.

У Чаплича Шпановского в его селах, расположенных возле г. Ровного, было в 1582–1583 годах в Шпанове — 15, Шуповке — 5 бояр»²⁵.

«Кроме этих вооруженных сил, разбросанных по отдельным имениям, крупные феодалы располагали отрядами иноземцев, главным образом из татар. <...> Князь Константин Острожский имел отряды татар в Остроге и Староконстантинове. В Староконстантинове татары жили в предместье города отдельной улицей, никаких повинностей, кроме военной, не несли и составляли отдельную хоругвь. <...> Использовал их в своей “домашней войне” как “рыцарских людей” даже мелкий феодал»²⁶.

«В 1620 году князь Януш Острожский располагал отрядом в 992 человека, набранным из бояр: 216 стрелков, 156 лесных стрелков, 400 гайдуков, 40 гусар, 180 “пятигорцев”»²⁷.

Магнаты в качестве своих резиденций и опорных пунктов использовали многочисленные замки, укрепления принадлежащих им городов, а также и королевские города, в которых они занимали административные должности старост. Например, у А. И. Барановича читаем: «Опорными пунктами для вооруженных сил феодалов служили замки со складами боеприпасов и артиллерией. В цейхгаузе Староконстантиновского замка, например, в 1603 году находилось: 5 орудий (два медных и три железных), 17 пищалей, неисправная кулеврина, две бочки пороха, ружейные заряды, “огненные пули” (приправленные смолой), кожаные ведра для пороха и др.

²³ Там же. — С. 53.

²⁴ Там же. — С. 53.

²⁵ Там же. — С. 53.

²⁶ Там же. — С. 54.

²⁷ Там же. — С. 53.

В 1621 году в этом замке было семь орудий, две кулеврины, 24 пищали, 320 ружей, 6 бочонков пуль к пищалям, 53 бочонка пороха. В 1636 году, кроме орудий, в цейхгаузе имелись: две длинные кулеврины, 24 пищали, 306 ружей. В цейхгаузе был каменный бастион для пороха, в нем 31 бочонок пороха, один бочонок материала, необходимого для отливки пуль»²⁸.

Король Речи Посполитой в это же время располагал гвардией в 1 500 человек и командой жолнеров, именуемую «венграми», которая выполняла функцию полиции в радиусе одной мили от местопребывания священной персоны монарха. Королю подчинялась и армия, так называемое «Кварцянское» войско. Оно состояло из подразделений наемников (как правило, пехоты) из немцев и «посполитого рушения», то есть дворянского ополчения. Армия могла собираться только по решению сейма, который и ассигновывал на ее сбор и наем соответствующую сумму денег. Кроме того, подразделения посполитого рушения непосредственно собирались в воеводствах и подчинялись соответствующим воеводам и каштелянам, то есть представителям магнатории. Таким образом, в мирное время король вооруженными силами практически не располагал.

Располагая такими значительными военными силами, феодалы Речи Посполитой производили периодически «наезды» на имения соседей. А магнаты вообще вели «приватные войны». Примеры таких наездов даны, например, у А. И. Барановича, книгу которого я уже неоднократно цитировал выше.

«В 1605 г. Филон, сын Александра Воронича, со своими трояновскими и шумскими подданными “наехал” на расположенные возле г. Житомира села Михалкову Поляну и Соколов; села эти он разрушил, крестьян разогнал и ограбил: забрал у них лошадей, волов, рогатый скот и пр. В 1609 г. шеститысячный отряд князей Ружинских напал на г. Черемошную: город и замок были сожжены, многие жители убиты, несколько человек уведены в плен. В 1614 г. возный встретил в селе Дзвинячей крестьянина села Гриневец Кременецкого повета и спросил его, почему село Гриневцы опустело. Тот ответил, что наехали на село бояре, стрельцы и подданные из села Залисец (отряд князя Михаила Вишневецкого), “нас самих и жен наших избивали, убивали, имущество наше побрали, а нас выгнали прочь”. В 1622 г. Ян Пац “наехал” на село Окно

²⁸ Там же. – С. 55.

Луцкого повета со шляхтой Черторыйского и Владимирецкого Ключей, с боярами и стрельцами. Слуги владельца с. Окно пытались преградить им дорогу, но были разбиты. Отряд сжег село, ограбил крестьян и четырех из них повесил. Крестьяне разбежались, долго прятались в лесу. Летом 1643 г. владелец Коростышева и Студеной воды, Людвиг Олизар Волчкевич, напал на соседнее село Минийки с четырехтысячным вооруженным отрядом. В то время как часть этого отряда топтала хлеба, другая – стреляя, с криком ворвалась в село. Крестьяне бежали. Всадники догоняли убежавших, били, срывали с них одежду, а затем ринулись в крестьянские дворы грабить имущество, увели несколько человек с собой. Во время набега они растоптали лошадьми крестьянского ребенка и сожгли крестьянский двор. Население городов и сел не выдерживало этих “домашних войн” и разбегалось. В 1588 г. опустевшим стоял г. Свинохи Владимирского повета Волынского воеводства: население города – “христиане и евреи” разбежались из-за частых “наездов” феодала Яна Жоравницкого. В 1620 г. феодалы Владимирского повета Юрий и Василий Мелешки Микulinские с отрядом в 200 человек “наехали” на Торчинскую и Садовую волости Луцкого католического епископа; в течение четырех дней они грабили, избивали и мучили крестьян этих волостей. От грабежей из Торчинской и Садовой волостей ушло 69 крестьян. <...> Всего после “наезда” упомянутых феодалов из этих сел ушло около 4% крестьян. На Украине на протяжении второй половины XVI и первой половины XVII века такие наезды совершались тысячи раз²⁹.

Надо заметить, что феодалы (про магнатов и говорить нечего) чувствовали себя на Украине в первой половине XVII века столь уверенно, что не боялись посягать и на королевские имения. Так, например, существует следующее свидетельство этого (одно из многих): «1640 г. апреля 8 (нов., ст. 18). – Жалоба крестьян королевской деревни Перегинск на трембовольского старосту Г. Балабана, захватившего крестьянский скот, хлеб, деньги и другое имущество, с приложением реестра убытков»³⁰.

Документ этот с перечнем убытков занимает 2,5 страницы текста. Приведем только начало и конец его:

²⁹ Там же. – С. 122–123.

³⁰ Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах. – М., 1953. – Т. 1. – Док. № 185. – С. 305.

«Перед урядом и актами нынешними галичскими городскими старостинскими лично предстал шляхетный Матьяш Щепковский, администратор королевского имения деревни Перегинск, в настоящее время находящегося в аренде шляхетного Станислава Иоанна Яблоновского, королевского подчашего, а также предстали подданные из этой деревни работные – атаман Андрус Соломович, <...> которые жаловались на трембовельского старосту Георгия Балабана за то, что он осмелился в упомянутом имении Перегинск захватить десятки волов и другой скот, а также захватил и отобрал у упомянутых подданных хлеб и наличные деньги и причинил им многочисленные обиды и насилия, чем привел их к большой нищете, как это излагают в специальном реестре убытков упомянутые жалующиеся подданные настоящему уряду. <...> Со всей общины взято и в Стрятин угнано 170 яловиц. <...> У всей общины взято наличных денег 2000 злотых. О каковых обидах и всяких несправедливостях и насилиях, им причиненных, против вельможного упомянутого трембовельского старосты снова и снова жалуются и обязуются по этому делу добиваться законным путем своих прав»³¹.

Этот документ отражает и еще одну особенность положения дел в королевских имениях. А именно – то, что «шляхте удалось утвердить свою власть не только над собственными, но и над королевскими крестьянами. Последние жили в коронных имениях – крулевщизнах; но эти имения, как уже было сказано, в большинстве раздавались во временное владение заслуженным лицам, которые таким путем приобретали власть над крестьянами, судили их, собирали с них подати. Шляхта приобретала власть над королевскими крестьянами также посредством покупки солтыств в селах, состоящих на немецком праве. С 1607 года все солтыства, остававшиеся еще в руках крестьян, стали раздаваться только шляхте»³². Солтыство – наследственное крестьянское держание, образованное на неиспользуемой земле феодала, юридически основанное на немецком поземельном праве. Любой крестьянин мог занять неиспользуемую господскую землю и вести на ней хозяйство. Он обязан был уведомить об этом феодала, как о свершившемся факте, и договориться с ним только о размере выплачиваемой

³¹ Там же. – С. 307–309.

³² Любавский М. К. Указ. соч. – С. 385–386.

натуральной ренты (как правило, скотом). Других повинностей такой крестьянин не нес. Такого рода хозяйства были характерны для Прикарпатья.

Опираясь на источник, выясним, кто мог претендовать на столь завидное место, как трон Речи Посполитой, а заодно прочитаем замечательное описание элекции короля Владислава Четвертого, данное современником и участником события.

В книге Гийома Левассера де Боплана «Описание Украины», в главе «Как избирают короля» читаем:

«Когда умер король Сигизмунд Третий, архиепископ гненский занял его место, чтобы возглавить и руководить конвокацией, созванной им в Варшаве спустя две-три недели после смерти короля. Все сенаторы не преминули явиться сюда для обсуждения и определения времени и места выборов нового короля. Договорившись между собой и решив это, каждый сенатор возвратился в свое воеводство, чтобы созвать здесь находящийся в его ведении сеймик, то есть собрать знать (подлежащую его управлению) в определенное время и в известном месте, куда не упустила (возможности) съехаться вся знать. Собравшись, они сообща рассуждают об избрании нового короля. Причем каждый старается высказать собственные доводы сообразно своим симпатиям. Затем, после всех дебатов и споров, они приходят к согласию относительно нескольких князей. Назначенные на элекцию депутаты должны поддержать одного из них, а не кого-то другого, после того как каждый заявит полномочия, полученные от выбравших его на право участвовать в выборах и подавать голос в пользу одного из пяти-шести предложенных (кандидатов). Таким образом, в одно и то же время каждый сенатор делает в своем воеводстве то, что сказано выше. Итак, все послы воеводств (или провинций) являются первыми, имеющими наибольшее влияние и значение при голосовании на сеймах. Как и воеводы, они говорят от имени всей округи, ибо, прежде чем явиться на заседание (сейма), они совещаются и приходят к соглашению относительно всего того, что назначено к обсуждению, и не делают после этого никаких уступок. Таким образом, вся сила находится в их руках, если так можно сказать, так как там нельзя ни принять, ни утвердить ни одного пункта, если на это не будет согласия всех послов. И если найдется хотя бы один, кто запротестовал бы и крикнул бы громко: „Nie wolno“

(Nievolena) (что в переводе на наш язык обозначает “Вы не имеете права”), все сорвется. Они (послы) пользуются этим правом не только при избрании короля, но также на любом другом сейме могут отменить и перечеркнуть все, что решено сенаторами. Основополагающими в своем государстве они считают такие положения:

1. Ни один благородный не может претендовать на корону, а также не может предлагать себя или голосовать за себя, чтобы избираться королем.

2. Тот, кто избирается королем, должен принадлежать к римско-католической апостольской вере.

3. Тот, кого избирают королем, должен быть иностранным подданным, не имеющим никаких земельных владений в их государстве. Хотя сыновья польского короля являются княжичами, рожденными в этой стране, они все же считаются среди них (поляков) чужестранцами и не могут приобретать наследственных имений и (получать) наследство, как прирожденная знать. Вот поэтому они и могут быть избранными в короли, как и произошло с королем Владиславом Четвертым, который после смерти своего отца короля Сигизмунда Третьего был старшим княжичем. Ему наследовал его брат Иоанн Казимир, ныне царствующий.

Вот порядок, которого они придерживаются при элекции короля, происходящей обычно в открытом поле на расстоянии полулье от Варшавы, столицы Мазовии, где обычно находится резиденция короля. В (варшавском) замке всегда собираются сеймы, поскольку этот город является как бы центром всех объединяющихся под польской короной провинций. Место элекции находится в полулье от упомянутого города по направлению к Гданьску (Danzitk). Здесь устроена небольшая площадка в 1 000–1 200 шагов в окружности, обнесенная неглубоким ровом шириной в 5–6 футов, дабы воспрепятствовать доступу лошадей на эту площадку. Здесь есть два больших шатра: один для элекции, где заседают все сенаторы, другой – для собрания всех послов от провинции, которые совещаются между собой; прежде чем явиться на большое заседание сената, каждый предъявляет свои полномочия и (излагает) то, на что он может согласиться. На совещаниях они согласовывают все, что должны принять или оспорить. Ежедневно они таким вот образом собираются на заседания, которые каждый раз длятся 6–7 ча-

сов; в течение этого времени они высказывают всевозможные доводы, направленные на сохранение своих вольностей.

Упомянутая элекция покойного короля Владислава длилась добрых две недели, в течение которых вокруг этого маленького парка находились более 80 тысяч всадников. Все это были конники (всадники), сопровождавшие сенаторов, так как каждый сенатор имеет небольшую армию: у одних — она меньше, у других — больше. Так, краковский воевода имел тогда до 7 тысяч человек, другие — в соответствии со своими возможностями.

Каждый прибывает (туда) в сопровождении друзей и слуг, в возможно лучшем вооружении и полном порядке, с решимостью храбро сражаться в случае распрей. Заметьте, что во время элекции вся знать страны находится в состоянии ожидания, держа ноги в стременах, готовая вскочить на лошадей при малейшем слухе о раздоре или недовольстве своих послов и броситься на тех, кто захотел бы посягнуть на их вольности или нарушить их.

Наконец, после многих заседаний и совещаний они приходят к соглашению относительно (кандидатуры) князя (на место их) короля. Каждый, или по крайней мере главнейшие, из сенаторов или депутатов подписывают (акт избрания); об этом сообщается не в тот же, а только на следующий день. Потом каждый, возвратившись на свои квартиры, отдает приказ своему отряду выстроиться в боевом порядке согласно распоряжению, данному по этому поводу главнокомандующим (так как все становятся тогда под большой штандарт короны), и держаться наготове, чтобы кричать: “Да здравствует король!”, называя его по имени, и салютовать. После трехкратной здравицы звучат залпы из пушек и мушкетов, сопровождаемые выражениями большой радости и удовольствия всех присутствующих, что также повторяется трижды. Вслед за этим поднимается весь сенат и самые уважаемые сенаторы отправляются к старшему князю, который был избран в короли. В то время вновь избранный король находился в соседней деревне в половине лье от них. Поприветствовав его от имени государства, прибывшие произносят перед ним торжественную речь, в которой объявляют, что сейм избрал его королем, и умоляют соизволить благосклонно принять их и руководить ими с благоразумной предусмотрительностью, уверяя, что он будет иметь очень верных и покорных подданных. Когда король соглашается, сенаторы

показывают ему свои статуты и законы (хотя (он) и так их знает), которые он обещает соблюдать, не нарушая.

На следующий день его ведут в костел св. Иоанна в Варшаве, где король перед алтарем приносит им присягу. Вот условия, которые ему зачитываются в присутствии всего собрания:

1. Он никогда не будет пользоваться (другими землями) Королевского Домена (Couronne) (так называют они свои государства), за исключением тех, что назначены ему на (содержание).

2. Он не должен ни покупать, ни владеть даже пядью земли на всем протяжении государства.

3. Он не будет выдавать патентов или полномочий (поручений) на право набирать воинов, если не будет на то постановления сейма.

4. Он не может взять под стражу польского шляхтича ни за какие прегрешения по прошествии 24 часов (с момента совершения проступка), кроме оскорбления Его Величества или государственной измены.

5. Он не может ни объявлять войну другому государству, ни посылать послов по государственным делам без согласия упомянутой республики.

6. Он соглашается на постоянное присутствие при его особе трех сенаторов, которые будут составлять его совет, а также следить за его действиями, опасаясь, чтобы он не задумал или не учинил какого-либо действия им в ущерб; каждый квартал служащие при нем сенаторы меняются, следовательно, король ничего не может осуществить без незамедлительного согласования с ними.

7. Упомянутый король имеет право вступать в брак и заключать союзы, а также выезжать из королевства только с согласия сената.

8. Он также не может предоставлять жалованные грамоты на шляхетство простолюдину за какие бы то ни было заслуги, кроме государственной службы, и притом лишь с согласия сената.

Поставленный в такие условия, он, тем не менее, имеет право и суверенную власть раздавать по желанию не только церковные бенефиции, но и бенефиции из королевского домена, если они вакантны, но они должны раздаваться только коронной шляхте, особенно тем, кто удостоился их своей службой как на войне, так и в посольствах и других общественных делах, чтобы это стало для них наградой, способствующей

стремлению всех остальных к хорошим поступкам и побуждением быть полезными и добродетельными.

Он также имеет суверенную власть разрешать на предоставленных им землях и урехах использование леса на (выварку и) перекалку поташа и других видов золы, дающих очень большой доход, несмотря на то, что от этого сильно истребляются леса.

Он даже имеет верховное право раздавать, хотя только пожизненно, разные должности, начиная от самых низших до самых высших, с которых нельзя сместить никого иначе, как с его согласия или же по суду.

Он разрешает и назначает время созыва сеймов, которые собираются через каждые два года. Он может также, отправляясь лично на войну, обязать всю знать любой провинции сопровождать его как ополчение. Тот, кто уклоняется от похода, лишается головы, род его лишается шляхетской чести, его имущество конфискуется в пользу Короны. Вот как далеко простирается его власть. И хотя он король, но руки его во многом связаны, (он вынужден) делать не то, что ему хотелось бы, а то, что требуется. И все же, король является главой государства, все делается от его имени, хотя он не может ничего решить или предпринять единолично, о чем мы и говорили»³³.

Из пунктов 6 и 7, ограничивающих властные полномочия монарха, можно сделать вывод, что положение короля в Речи Посполитой скорее походило не на положение монарха, а на положение лица, находящегося «под подпиской о невыезде» и гласным надзором полиции (современным языком выражаясь). Мало того, ограничительные пункты 1 и 2 фактически лишают короля возможности вести самостоятельную хозяйственную деятельность, особенно учитывая то, что с государственных имений основной доход имели старосты, то есть, опять же, верхушка аристократии. Пункт 3 делал короля беззащитным перед лицом магнатов с их приватными армиями, а пункт 5 лишал напрочь возможности вести самостоятельную внешнюю политику и опираться в борьбе с магнатами на внешнюю силу. Пункт 4 закреплял беспомощное положение монарха по отношению к шляхте вообще (даже мелкой) и ставил его дополнительно в самое жалкое положение (насколько же счастливее было положение отечественных монархов!). Что же касается

³³ Де Боплан Г. Л. Описание Украины. – М., 2004. – С. 325–337.

прав короля казнить не явившихся на военные сборы, то это обычное право командующих армиями во время войны казнить дезертиров, ничего другого и быть не может. Относительно «суверенного права» короля разрешать частным лицам на выделенных им казенных землях выварку и перекалку поташа и «других видов золь», то это слабое утешение для Помазанника Божия, так как основной доход останется опять-таки у вышеозначенных частных лиц. Почтенный шевалье де Боплан, очевидно, упомянул об этом праве только потому, что больше упоминать не о чем, ну и, вероятно, из любви к точности и подробностям, как и подобает добросовестному автору.

Подводя, наконец, итог, делаем вывод, что Речь Посполитая в первой половине XVII в. была еще типично феодальным государством с жестким сословным делением общества, крайне разобщенная территориально. Она, в указанный период времени, даже близко не подошла к развитию капиталистических отношений. Единый рынок в ней так и не сложился, чему препятствовало исключительное доминирование шляхты в политической и экономической жизни страны в ущерб всем другим сословиям. Центральная власть в этом государстве была крайне слаба, правительства как такового не было, так как его полномочия были крайне невелики. Сейм, ввиду существовавшей тогда его организации, был практически мало работоспособен. Страну раздирали постоянные внутренние конфликты (приватные войны между магнатами, шляхетские наезды, казацкие восстания на Украине, рейды разбойников и т. д.). Лучшее всех обстановку в стране описал основоположник польской поэзии М. Рей:

Речь Посполита, голой девой в колеснице
Всеми изображенна, разнo все же чтится.
Те вправо ее тянут, эти тащат влево —
Несогласную челядь держит в доме дева.
А ежли ты не веришь, можешь убедиться,
Поглядевши, что в сейме хваленое творится;
Узришь, сколь беспощадно бедную пытаются,
Чуть ли кожа не лопнет, так ее растягают³⁴.

³⁴ Европейские поэты Возрождения. БВЛ. — М., 1974. — С. 387.

§2. Малороссийский народ: попытка определения понятия; его социальная структура в первой половине XVII в.

Тема, надо сказать, в политическом смысле животрепещущая, хотя разговор пойдет о XVII в. Дело в том, что до известных событий 1917 г. речь о малороссийском народе или, тем более, об украинском народе как о самостоятельной этнической единице в Российской империи идти не могла. Официально такого народа не существовало. Существовала только ветвь единого русского народа, населяющая Юго-Западную часть единого Древнерусского государства — Малороссию. Связано это с политической доктриной Московского государства (позже Российской империи), которая гласила, что Московское православное царство должно объединять все земли и все население, входившие некогда в Древнерусское государство, в котором был единый славяно-русский народ. Государственная доктрина эта довлела и над отечественной исторической и этнографической науками. Выражаясь словами П. Н. Милюкова, «политика в данном случае победила научные стремления». Хотя дискуссия по малороссийскому вопросу периодически возникала в научном сообществе во второй половине XIX — начале XX вв., происходило это тогда, когда власти начинали в очередной раз «либеральничать».

Примером идеологически выверенного научного трактата, в котором общность Восточно-славянских народов описывается «как надо», является «Киевский Синописис» Иннокентия Гизеля 1674 г., прослуживший учебником Отечественной истории почти 100 лет, до учебника Ломоносова. В пятой главе под названием «О народе русском, или свойственное российском, и о наречии, или названии его» читаем: «Русские или паче Российские народы тыижде суть Славяне. Единаго бо естества, отца сваего Афета, и тогожде языка. Ибо яко Славяне от славных делес своих искони Славенское имя себе приобретоша, тако по времени от россеяния по многим странам племени своего, РОССЕЯНЫ, а потом РОССЫ прозвашася. Неции близ мимошеших времен складаху Россов от городка Русы, недалече Великаго Новгорода лежаща; иные от реки Роси; друзии от русских волосов, с яковыми и ныне везде много суть Руси. Но паче всех тех подобий достовернее и приличнее от розсеяния своего Россы имя то от древних времен себе стяжа-

ша. <...> Тако все древнии Летописцы Греческие, Российский, Римский Польский свидетельствуют; наипаче и Божественное Писание от пророчества Иезекиилева в главе 39. Имя тое приличнее изъясляет, нарицающе Князя Рос, Мосох и прочая. И тако Россы от россеяния своего прозвашася, а от Славянов именем точию разнствуют; по роду же своему едино суть, и яко един и тойжде народ Славенский, нарицается Славеноросский или Славноросский»³⁵. Далее, в восьмой главе, читаем: «Мосох, шестой сын Афетов, внук Ноев, <...> той бо Мосох по потопе лета 131. Шедши от Вавилона с племенем своим, абие в Азии и Европе над берегами Понтскаго или Чернаго моря народы Мосховитов от своего имени осади, и оттуду умножшуся народу, поступая день от дне в полунощныя страны за Черное море, над Доном и Волгою реками, и над озером или отногою морскою Меотис, идеже Дон впадает, в полях широко селеньми своими распросранишася, по свойству истолкованию имени отца своего Мосоха. <...> И тако от Мосоха, праотца Славеноросского, по наследию его, не токмо Москва народ великий, но и вся Русь или Россия вышереченная произыде, аще в неких странах мало что в словесах и применися, обаче единым Славенским языком глаголют»³⁶. И далее, в пятидесяти восьмой главе, читаем: «И тако от тых посланников венчан бысть Владимир Мономах венцем Царским; с Иоанном же Царем Греческим мир и любовь в вечные роды им. И отселе Великий Князь Владимир Мономах Царь Российский нарицашеся, и по нем наследники его, от них же все то достояние Царское, милостию Божиею, и донныне при великих Государех Царех и Великих Князех Московских и всея России Самодержцах достойно и праведно содержится»³⁷. Таким образом, из приведенных выше цитат следует, что «Мосховиты» происходящие от Мосоха имеют приоритет перед всеми остальными славянами, живущими в рассеянии, именно московские государи являются приемниками князей Киевских, а через них и самого Мосоха. Следовательно, именно вокруг них должны объединиться все говорящие на славянских языках.

«Именно “Синописис” лежит у истоков Русского Исторического нарратива. В. Н. Татищев прямо указывал на “Синописис” как на один из источников своих взглядов. “Дух ‘Синописиса’

³⁵ Мечта о русском единстве. Киевский Синописис. 1674. – М., 2006. – С. 55.

³⁶ Там же. – С. 59.

³⁷ Там же. – С. 129.

царит и в нашей историографии XVIII века, определяет вкусы читателей, служит исходною точкой для большинства исследователей, вызывает протесты со стороны наиболее серьезных из них – одним словом, служит как бы основным фоном, на котором совершается развитие исторической науки прошлого столетия, – писал П. Н. Миллюков. – Хотя отношение к ‘Синопису’ как историческому сочинению со временем становилось все более критическим, те элементы его схемы, которые относятся к единству Великой и Малой Руси, можно найти у всех авторов ‘Историй России’ – от Н. М. Карамзина до С. М. Соловьева и В. О. Ключевского»³⁸. «Вообще культура, известная нам сегодня под названием русской, была в XVIII и первой половине XIX века плодом совместного творчества элит русской и украинской, если позволительно воспользоваться понятиями более позднего времени применительно к той эпохе, а вернее все же будет сказать великорусской и малорусской. Именно с этим совместным наследием пришлось потом бороться украинским националистам. В том числе М. Грушевскому, много сил отдавшему критике традиционной схемы русской истории, для популяризации которой так много сделал “Синопис”»³⁹.

«Националистические мотивы в русском общественном мнении постепенно становились все более актуальными во второй половине века, чему способствовали господство национализма в Западной Европе того времени и конфликты сперва с польским, а затем и с другими национальными движениями в самой Российской империи»⁴⁰. Связано это с развитием капиталистических отношений в стране, с появлением новых социальных групп в обществе, имеющих высокий уровень образования и кругозора, а также более или менее четко осознающих свои специфические интересы. Я имею в виду национальную буржуазию и национальную интеллигенцию – генератор националистических идей, имеющих то или иное экономическое, культурное и политическое обоснование.

Следует отметить и расплывчатость самого российского казенного проекта «большой русской нации». «В нее могли включаться: 1) все подданные Империи; 2) члены привилегированных сословий (в соответствии с предмодерной концеп-

³⁸ Миллер А. И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). – СПб., 2000. – С. 32.

³⁹ Там же. – С. 32–33.

⁴⁰ Там же. – С. 33.

цией natio); 3) русские-православные (имеются в виду великороссы) или 4) все восточные славяне, в духе традиционного значения понятия Русь»⁴¹.

В советский период развития отечественной науки наличие отдельного Украинского народа безусловно признается. Создается Украинская ССР со своими атрибутами государственности, включая Академию Наук. Официальная политическая доктрина СССР объявляла о полном и окончательном разрешении национального вопроса, о создании всех условий для наиболее полного и гармонического развития всех народов страны. При этом утверждалось, что по мере построения коммунистического общества национальные различия будут все более стираться. Ведь «согласно марксизму, развивающийся капитализм обнаруживает новую тенденцию – к исчезновению национальной обособленности, к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к созданию “интернационального единства капитала”»⁴². Переход общества к социализму связывался с окончательным преодолением национальных различий. «Ф. Энгельс в “Проекте Коммунистического символа веры” писал: “Национальные черты народов, объединяющихся на основе принципа общности, именно в результате этого объединения неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут <...> вследствие уничтожения их основы – частной собственности”. Более того, учителя марксизма были убеждены, что “даже естественно возникшие родовые различия, как, например, расовые <...> могут и должны быть устранены историческим развитием”»⁴³. А пока эти различия не устранились, применительно к интересующему нас украинскому народу отмечалось, что «только Советская революция в России открыла путь к возрождению украинского народа, создавшего собственное Советское государство и занявшего свое выдающееся место в Союзе Советских Социалистических Республик. С этого момента начинаются годы и первые десятилетия национального возрождения украинского народа»⁴⁴. «Но при этом нельзя забывать, что Украина вошла в состав русско-

⁴¹ Там же. – С. 34.

⁴² Вдовин А. И. О нашей Родине [Электронный ресурс] / Православное информационное агентство «Русская линия». – 1998–2010 гг. – URL: www.rusk.ru/st.php?idar=16025 (дата обращения: 29.01.2012).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Молотов В. М. Цит. по: Голобуцкий В. А. Богдан Хмельницкий – великий сын украинского народа. – М., 1954. – С. 49.

го феодального государства, угнетавшего все подвластные ему народы, в том числе и великий русский народ»⁴⁵.

Определение терминологии. Для того, чтобы подступиться к заявленной теме, нам необходимо дать дефиниции понятиям «народность», «народ» и «нация». Философский словарь 1991 года издания трактует понятие «народность» следующим образом – это «одна из форм общности людей, которая исторически следует за родоплеменной общностью и формируется в процессе слияния, консолидации различных племен в условиях смены первобытнообщинного строя частнособственническими отношениями, появления и развития классов. Для народности характерны: замена прежних кровнородственных связей территориальной общностью, племенных языков – единым языком, наряду с существованием ряда диалектов. Каждая народность имеет свое собирательное название, внутри нее возникают элементы общей культуры. Народность типична как для рабовладельческого, так и для феодального строя. С развитием капиталистических отношений возникает новая историческая форма общности людей – нация. Процесс этот сложный и осуществляется в различных формах и разными темпами. К тому же он охватывает не все народности; некоторые из них, преимущественно из-за малочисленности, недостаточной развитости, не смогли завершить процесс консолидации в нации»⁴⁶. Как мы видим, данный «Философский словарь» дает определение «народности», исходя из представлений формационного подхода, единственно законного в то время. Мы, в целом, можем принять это определение, за исключением того положения, что классы образуются сразу при переходе от первобытного общества к обществу рабовладельческому. Ибо, даже применительно к феодальному строю, корректнее говорить о сословном делении общества, а не классовом, характерном для общества с уже более-менее развитыми капиталистическими отношениями.

Перейдем теперь к определению понятия «народ». Тот же словарь дает нам следующее определение: «“народ” – это, в обычном смысле – население государства, страны; в строго научном смысле это исторически изменяющаяся общность людей, включающая в себя те части, те слои, те классы населения,

⁴⁵ Там же. – С. 48.

⁴⁶ Философский словарь. – М., 1991. – С. 278–279.

которые по своему объективному положению способны сообща участвовать в решении задач прогрессивного развития данной страны в данный период»⁴⁷.

И, наконец, «нация» — это исторически сложившаяся форма общности людей, которая приходит на смену народности. Нации свойственна прежде всего общность материальных условий жизни: территории и экономической жизни; общность языка, известных черт национального характера, проявляющихся в национальном своеобразии ее культуры. Нация — более широкая, чем народность, форма общности, складывающаяся с возникновением и формированием капиталистической формации. Экономической основой возникновения наций послужили ликвидация феодальной раздробленности, упрочение экономических связей между отдельными областями внутри страны, объединение местных рынков в общенациональный. Руководящей силой возникавших в этот период наций была буржуазия, что наложило определенный отпечаток на их социально-политический и духовный облик...»⁴⁸. От себя заметим, что данное определение нации полностью соответствует определению нации, данному И. В. Сталиным в его работе «Марксизм и национальный вопрос» (глава 1. «Нация»). Мы примем это определение, ни в коей мере не ставя под сомнение авторитет наркома по делам национальностей. Заметим лишь от себя, что вопрос об «известных чертах национального характера» является в настоящее время совершенно научно не разработанным. «Национальный характер» — это нечто настолько эфемерное, что даже нет серьезных попыток сформулировать те критерии, по которым мы смогли бы отличить один национальный характер от другого. «Само понятие “национальный характер”, попытки описать которое заняли у антропологов несколько десятилетий, и по сей день порой кажутся мифологемой. Действительно, широко распространенное убеждение, что “члены различных наций имеют в целом некоторые общие психологические характеристики”, могло быть неоспоримым, если бы между учеными существовало хоть мало-мальское согласие в том, о каких собственно “некоторых психологических характеристиках” здесь идет речь. Наблюдение, что народы различны, — общее место. Но

⁴⁷ Там же. — С. 277–278.

⁴⁸ Там же. — С. 287–288.

без ответа остается вопрос: действительно ли эти различия являются национальными различиями, то есть характеристиками национальной популяции как целого? “Являются ли эти характеристики специфическими для нации, то есть разнятся ли они от одной нации к другой?” – задавали вопрос в 1960 г. антропологи Х. Дайкер и Н. Фрейда. В конце же 1960-х гг. А. Инкельс и Д. Левенсон делали уже вполне пессимистический вывод: “При нашем нынешнем ограниченном состоянии познания и исследовательской технологии нельзя утверждать, что какая-либо нация имеет национальный характер”. И сегодня состояние научных поисков в этой области большинство ученых характеризует как кризисное⁴⁹.

Таким образом, мы уяснили для себя, что, пытаясь дать определение понятию «Малороссийский народ» применительно к первой половине XVII в., мы должны осознать, что здесь уместно оперировать следующими терминами:

1. «Народность» – общность людей, проживающих на определенной территории, имеющих общий язык (с наличием диалектов), имеющих явно выраженные общие элементы культуры, и, возможно, до определенной степени развитые внутри-региональные хозяйственные связи.

2. «Народ» – способность этой общности, состоящей из различных социальных групп (сословий), решать задачи прогрессивного развития в социальной, экономической, общественно-политической и культурной сферах.

Термин же «нация» в нашем случае не применим, так как он подразумевает наличие у народа собственной государственности и относится к более позднему этапу социально-экономического развития. Этот термин применим к украинскому народу только после 1991 г., когда ему удалось, вследствие развала СССР, обрести полную государственную самостоятельность. Краткий период существования независимой Украины в 1918–1919 гг. мы учитывать не беремся, так как полный суверенитет Украиной был очень быстро утрачен; кроме того, насколько полным суверенитетом она обладала в то время – вопрос, мягко сказать, дискуссионный (наличие германской оккупации и прочее).

Ввиду отсутствия общепринятых критериев для выявления специфических черт национального характера, мы будем

⁴⁹ Лурье С. В. Историческая этнология. – М., 1997. – С. 48.

сравнивать некоторые особенности ментальности и поведения малороссов и великороссов, проживающих в сопредельных с Малороссией регионах Московского государства, так как природные условия в этих регионах одинаковы, как и такой важный фактор, как уровень опасности, грозящей от крымских татар. Следовательно, различия в ментальности этих групп Восточных славян (если они будут выявлены) будут определяться в основном различными условиями их социально-экономического и политического развития в двух государствах: Речи Посполитой и Московском царстве.

Язык. Решение вопроса о времени возникновения, характере структуры и функций украинского языка в различные периоды его существования также наталкивается на ряд существенных препятствий, усложняющих его всестороннее изучение.

«Во-первых, сдерживающим фактором является недостаточное количество письменных памятников старшего периода (X–XI века), известных не по поздним копиям, а по оригиналам, к тому же точно локализованных и соотнесенных с границами бытования современного украинского языка, то есть памятников, которые могли бы дать надежную информацию о времени и ареале возникновения важнейших черт украинского языка.

Во-вторых, до сего времени отсутствует надежная база данных по современным восточнославянским диалектам, которая позволила бы на сопоставимой основе определить общее и специфическое в структуре современных украинского, русского и белорусского диалектных языков.

В-третьих, на осмыслении вопросов генезиса украинского, как и других восточнославянских языков, сказалось разное понимание сущности древнерусского языка. Последний многими исследователями оценивался как единый язык всех восточных славян вне зависимости от форм бытования – письменно-литературной или устной. Диалектная дифференцированность восточнославянского языка древнейшего периода безоговорочно оценивается как несущественная или менее существенная по сравнению с единством древнерусского языка в его письменной форме. Однако древнейшие восточнославянские памятники письменности свидетельствуют о наличии черт, которые в дальнейшем в значительной степени определили специфику структуры каждого из восточнославянских языков – украинского, русского и белорусского. Наличие таких локальных черт

в памятниках письменности и в современных диалектах позволяет для многих из них определить время возникновения, их изначальность в структуре украинского языка. Н. Трубецкой <...> отмечал: “То, что составляет звуковое своеобразие украинского (языка), возникло в первую половину “периода 1164–1282”, то есть перед распадом общерусского языкового единства: “праукраинский” существовал, таким образом, не после, но до распада общерусского языкового единства”⁵⁰.

«Этот процесс хронологически соотносим с XII веком. К концу XIII века глубокие фонетические изменения имеют уже не общевосточнославянский характер, а “ограниченную сферу распространения”, что является показателем существования отдельного украинского языка наряду с другими восточнославянскими, хотя общие черты этих новых языков охраняются еще длительное время»⁵¹.

Важнейшим фактором динамики развития украинского языка было монголо-татарское нашествие 1240 г., результатом которого стало резкое изменение этноязыковой и демографической карты Киевской Руси. Последовавшее затем возвышение Галича как главного центра юго-западнорусской книжности, оставившего также заметный след в истории языка и летописания, было сравнительно кратковременным. Далее наступил длительный и сложный период административной и социально-политической неустойчивости украинских земель, неоднократно делившихся между различными государствами. «Разрезая украинскую этноязыковую территорию в различных направлениях и на разное время, новые административные границы нередко сдерживали продвижение языковых инноваций, возникавших как в результате спонтанного развития диалектных систем, так и вследствие иноязычных влияний»⁵².

Изменение административно-политического подчинения часто происходило со сменой церковного подчинения. Борьба между православием и католицизмом, характеризовавшие жизнь и культуру украинского народа на протяжении нескольких веков, сказывались и на ценностных ориентирах в области языка, влияя на расширение или сужение функций украинского языка в жизни общества. «Сосуществование на различных территориях и в различные периоды украинского

⁵⁰ Украинцы. – М., 2000. – С. 63–64.

⁵¹ Там же. – С. 64–65.

⁵² Там же. – С. 66.

языка и польского, русского, румынского, немецкого, венгерского, чешского, крымско-татарского языков, а также языков книжности – церковнославянского, латинского, греческого – не могло не отразиться на структуре и функциях украинского языка, создавало различные условия для развития книжно-письменной традиции и становления украинского литературного языка. Амплитуда колебаний этих условий была очень широкой: от функционирования украинского (украинско-белорусского) книжно-письменного языка в качестве делового, официального в Литовском княжестве до использования его только в сфере обиходного общения низшего сословия»⁵³.

Результатом исторического развития украинского языка является его разделение на три диалекта: северный (полесский), юго-западный и юго-восточный. Заметим, что современный украинский литературный язык сформировался на базе юго-восточного диалекта, с определенными заимствованиями из северного и юго-западного.

Территория расселения. «Первые русские летописи выделяют из общей древнерусской территории несколько этно-территориальных образований – Рустию, Галичскую землю, Холмщину, более поздние – Червонную Русь, Покуть, Подол, Северу, Волинь, Черниговщину, Переяславщину, а самые поздние – Украину, Запорожье, Малую Русь. Весь процесс регионального членения современной территории Украины подразделяется на несколько этапов. В основе первого этапа, охватывающего VI–X века, лежали межплеменные различия, отчетливо проявляющиеся в самоназваниях племен (союзов племен): поляне, северяне, древляне, белые хорваты, дулебы, уличи, тиверцы и др.

Второй этап, XI–XIV века, связан с начавшимся дроблением Древнерусского государства на ряд земель. Каждая из них представляла собой территориально-политическое образование, на первых порах зависимое от центральной (киевской) власти, а в дальнейшем, с приобретением такого атрибута, как “княжеский стол”, получавшее все большую независимость. Основными из таких вполне самостоятельных земель были Киевщина, а позже Переяславщина, Черниговщина, Северщина, Галицкая земля (Галиция), Холмщина, Подолье, Волинь, Карпатская Украина, Брацлавщина.

⁵³ Там же. – С. 66–67.

Ввиду относительной изолированности земель складывание регионального своеобразия культуры проживавшего в них населения было недостаточно выраженным. Хотя такой процесс и начался. Он резко усилился на третьем этапе, в XV—XX веках, в связи с колонизацией отдельных частей Украины соседними государствами: Великим княжеством литовским, Речью Посполитой, Венгрией...»⁵⁴.

«Территориальное разобщение украинских земель сдерживало процесс этнокультурной консолидации украинского народа, одновременно формируя региональные черты его культуры. Ведь каждое государство, завладевшее частью Украины, отличалось своеобразием политического устройства, социально-экономического развития, национального состава, религии. Это сказывалось на локализации этнотерриториальных общностей, закономерность формирования которых такова, что, чем больше этноизолирующих барьеров и чем дольше они сохраняются, тем отчетливее проявляются этнокультурные ареалы и тем значительнее оказываются различия в традиционно-бытовой культуре населения, проживающих в границах этих ареалов»⁵⁵.

«Разделение украинских земель между сопредельными государствами, как правило, не совпадало с некогда сформировавшимися “землями” или княжествами. В связи с этим прежние региональные образования изменяли границы: чаще всего они расширялись, включая несколько земель. Лишь в отдельных случаях сформировавшиеся некогда земли, на протяжении длительного времени находясь в составе одного государства, по сути, не меняли своих прежних границ. Так произошло, например, с Закарпатской Русью, получившей после ее колонизацией Венгрией название Венгерской Украины»⁵⁶.

«Одним из первых, кто попытался понять региональное своеобразие Украины, а значит, и региональную специфику украинской культуры, был служивший в польской армии французский топограф Гийом Левассер де Боплан. Он выделял на Украине восемь регионов: Волынь, Подолье, Покутье, Брацлавщину, Киевщину, Северщину, Черниговщину и Венгерскую Русь»⁵⁷. Что и отображено на карте Украины, им составленной.

⁵⁴ Там же. — С. 27–28.

⁵⁵ Там же. — С. 28.

⁵⁶ Там же. — С. 28.

⁵⁷ Там же. — С. 28–29.

Какими же особыми, национальными чертами характера к середине XVII в. обладали малороссы? Что их отличало от большинства великороссов? В нашем случае можно провести сравнение по следующему критерию — отношению к государству. Конечно, это будет очень несовершенное, скорее субъективное сравнение, но я считаю, что хотя бы попытку такого сравнения нужно попытаться провести.

Для великоросса Московское государство — это его «родное» государство, которое обеспечило избавление от татаро-монгольского ига и является безусловной ценностью. Это его национальное государство, во главе которого стоит русский единоверный, православный, царь. Хотя норма эксплуатации подданных в этом государстве весьма высока, государственный аппарат далек от совершенства. Недаром XVII век в России часто именуют «бунташным». Немало народа сбегает от крепостной зависимости и становится казаками, либо идет в Сибирь, где нет помещиков и государственный аппарат слабее. Но, тем не менее, когда подаются челобитные от посадских людей, то в них содержится требование ликвидации «Белых слобод», чтобы все жители посадов были поверстаны в тягло, а не требование уменьшить тягло на обычный посад, то есть содержится требование, чтобы все служили государству одинаково, никто не отлынивал. Доброе российское государство вняло просьбам своих подданных и, наконец, в 1649 г. по «Соборному уложению» ликвидировало «Белые слободы» и всех посадских окончательно прикрепило к их посадам и промыслам, в соответствии с нижайшими просьбами их собратьев.

Для малоросса же Речь Посполитая — это не его национальное государство, это польское государство, во главе которого стоит иноконфессиональный король-католик римского обряда, не малоросс. Зачастую господин у крестьянина — тоже представитель другой национальности, исповедующий христианство в греко-католической, либо в римско-католической форме. Норма эксплуатации в этом государстве также очень велика, но еще присутствуют религиозный и национальный гнет в различных формах. Все это выработало у малороссов, мягко говоря, скептическое отношение к государственной власти и весьма сильное желание отлынивать от любых государственных повинностей.

Подытоживая все ранее сказанное о языковой и территориальной общности малороссов применительно к первой половине XVII в., мы можем теперь попытаться дать, наконец, определение, что же такое малороссийский народ. Малороссийский народ — это народ, говорящий на малороссийском наречии, состоящем из трех диалектов (северного, юго-западного и юго-восточного) и проживающий на территории шести исторически сложившихся областей в границах Речи Посполитой и Венгрии: Волыни, Подолье, Покутье, Брацлавщине, Киевщине, Северщине, Черниговщине, Венгерской Руси, как они обозначены на карте де Боплана, а также на территории будущей Слободской Украины в пределах Московского государства, куда перебирались малороссы из пределов Речи Посполитой с начала XVII в., уходя от репрессий польских властей, следовавших за каждым очередным бунтом Запорожских казаков.

Отличительной национальной чертой малороссов, или, как их официально именовали в России, «черкас» по отношению к великороссам было большее свободолюбие и отсутствие почтительности к понятию «государство», нежелание подчиняться требованиям «государственных чинов». Государство для них — скорее враждебный, чуждый элемент, не имеющий оттенка сакральности. Помимо этого, в XVII в. в Малороссии большое влияние имело Запорожское казачество с его традициями выборности органов управления и институтом рад. Кроме того, большой простор для отлынивания от государственных повинностей и повинностей в пользу помещика на территории Киевщины и Брацлавщины давала слабость польского государства. Многие объявляли себя казаками и не платили никаких налогов и не отбывали повинностей. В книге А. И. Барановича «Украина накануне освободительной войны середины XVII века» встречаем конкретный пример:

«В 1616 году большинство жителей Белой Церкви, Черкас вышли из “послушания” владельцам, стали казаками. В Каневе насчитывалось домов городских послушных 16, а “казацких, которые не желают быть под послушеством” — 1 346. “Никаких сел, кроме хуторов”, у этого староства нет. Более чем семью хуторами овладели казаки, “ибо их больше, чем послушных подданных; но в них (хуторах) имеют свои части и мещане, да с них ничего не обязаны, кроме военной службы”. В Переяславльском старостве в 1622 году было 25 хуторов и

сел. В упомянутых селах послушных подданных – 280, “которые не несут никаких повинностей, только дают старосте на пропитание; между этими подданными в селах живут казаки, пользующиеся землями и всякими доходными статьями, но от них никакого дохода и послушания нет, а их – более тысячи”. Бросается в глаза, что борьба здесь происходит “за послушание”. Казаки – это непослушные. Повинности послушных крайне невелики. Каневские послушные мещане только дают ежегодно по 15 грошей от дома и отбывают при старосте военную службу; послушные крестьяне Переяславского староства никаких “повинностей и чиншей не дают”, только делают небольшие взносы “на пропитание подстаросты”⁵⁸.

Иллюстрацией различия отношения к государственной дисциплине служит эпопея казаков – участников восстания под предводительством Я. Острянина против властей Речи Посполитой в 1637 г., вынужденных, выражаясь современным языком, просить политического убежища у Московского государства. «12 июня 1639 года под его стенами (Белгорода) вновь появился отряд Якова Острянина. Только теперь черкасы пришли как мирные переселенцы, покинувшие Речь Посполитую, чтобы искать лучшей жизни на русской территории. По словам гетмана, вместе с женами и детьми их было более трех тысяч человек. По списку, составленному 19 октября, числилось 672 человека»⁵⁹. Из предоставленных на выбор двух мест для проживания и несения службы черкасы выбрали самое удаленное, и, следовательно, слабее контролируемое воеводой – Чугуев. Но «уже в следующем после поселения в России 1639 году отмечены случаи бегства черкас из Чугуева за рубеж»⁶⁰. «В росписи Чугуева, составленной в ноябре 1640 года при приеме города воеводой Григорием Ивановичем Кокоревым, перечисленно имущество, брошенное черкасами при побеге “в Литву”. От 11 семей изменников осталось: 11 дворов со строениями, 20 коров (большинство из них с телятами), 12 взрослых телят, 11 волов, 16 свиней и 38 ульев. Приведенные сведения говорят о хорошем материальном положении беглецов. Видимо, у них должны были быть достаточно веские при-

⁵⁸ Баранович А. И. Указ. соч. – С. 110.

⁵⁹ Панков А. И. Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России // Белоруссия и Украина: история и культура. 2004. – М., 2005. – С. 100.

⁶⁰ Там же. – С. 107.

чины для ухода с обжитого места. <...> 22 сентября 1640 года убежал сотник Гаврила Розсоха, оставив в Чегуеве 56 голов крупного рогатого скота и 16 свиней»⁶¹. Случилось это, правда, после того, как в Речи Посполитой приняли амнистию всем тем казакам, участникам восстания, кто вернется обратно в пределы польского государства. «Дело закончилось тем, что 26 апреля 1641 года черкасы захватили башни и ворота Чугуевской крепости, убили Якова Острянина, ограбили денежную казну и освободили заключенных из тюрьмы. <...> В результате боя было убито 119 русских служилых людей и 56 ранено, оставшие потеряли 272 человека. <...> По словам лазутчиков в разные города Польши, черкас пришло около 700 человек. Урядник Гульчевский, расселив чугуевских черкас в Полтаве, Миргороде, Гадяче, Зенкове, Ромнах и Сорочине, установил им льготы на 20 лет и запретил называть их изменниками»⁶².

Российские власти считали, что они отлично обеспечили черкас-переселенцев, по своему обыкновению предоставив им значительные земельные наделы, да еще более-менее исправно платили жалованье. Тем не менее, казаки-малороссы были настолько недовольны своим положением, что восстали и сбежали обратно к своим прежним угнетателям, так как «от них добивались постоянного несения службы. На новом месте они не имели возможности свободно ходить на промыслы, предпринимать набеги и захватывать добычу... Отсюда их постоянное недовольство»⁶³.

Приведенный пример показывает, с какими трудностями психологического порядка сталкивались жители польской Малороссии, сформировавшиеся совсем в другой общественно-политической культуре, в Московском государстве с его более жесткими государственными порядками и дисциплиной. Приходится согласиться с Костомаровым в том, что малороссийский народ гораздо более анархичен и независим от власти, чем великоросский, по крайней мере, в XVII в. Да и теперь, на фоне всемерного укрепления президентской властной вертикали в РФ, вопиющая слабость президента в современной Украинской республике, ставшей, практически, парламентской, служит наглядной иллюстрацией различия представлений об идеале государственной власти у двух род-

⁶¹ Там же. – С. 108.

⁶² Там же. – С. 115.

⁶³ Там же. – С. 116.

ственных восточнославянских народов: русского (великорусского) и украинского (малороссийского).

Социальная структура. Социальная структура малороссийского народа в указанный период времени соответствует традиционной структуре позднефеодального общества. Начнем краткое описание ее с высшего сословия, и будем опускаться вниз по социальной лестнице.

Шляхта. Малороссийская шляхта в начале XVII в. была полиэтнической, многоконфессиональной. Это обусловлено историей формирования ее в рамках Великого княжества Литовского, а позднее, с 1569 г. – Речи Посполитой. Еще с последней четверти XIII в. часть земель Юго-Западной Руси отходит к Литве. Литовские князья начинают занимать столы в этих землях. После Кревской Унии 1385 г. «Витофт с Ягайлом свергают наиболее крупных князей с их столов, переводят на меньшие княжества, где они не могли уже иметь значения, а их прежние волости или сразу обращают под свою непосредственную власть и управление, или передают через несколько рук, не давая новым князьям укорениться, а в конце обращают эти большие княжества в обыкновенные провинции, раздавая их в управление своим наместникам и агентам. <...> В начале XV в. на Украине остались только менее значительные княжества, как Ратенское, Пинское, Черторыйское, Стародубкое, Острожское. Это были уже не те почти независимые княжества-государства, а только большие поместья. Для поместий они были даже очень велики, простираясь на многие десятки верст, но политического значения не имели»⁶⁴. Таким образом, Малороссийский народ почти лишился собственной национальной аристократии. Хотя вышепоименованные княжества и дадут малороссийской шляхте самые могущественные в будущем магнатские фамилии. Во время процесса колонизации юго-восточных земель Малороссии в XVI в. магнаты захватывают огромные территории и еще более укрепляют свои экономические и политические позиции.

После Люблинской унии 1569 г. вся малороссийская шляхта (от магнатов до мелких шляхтичей) приобрела права польской шляхты, а именно:

1. «Исключительное право владеть земскими имениями, с которых шла военная служба, и право приобретать дома и

⁶⁴ Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. – М., 2001. – С. 142–143.

платы в местах. Владение имениями обставлено было гарантией неприкосновенности: конфискация могла пасть на них не иначе, как по суду.

2. Право получения высших духовных санов и всех светских урядов. Только шляхта имела право получать во временное пользование королевские имения, так называемые *panis bene morentium*, быть старостами и державцами этих имений.

3. Шляхта освобождена была от всяких государственных повинностей со своих имений, кроме военной службы в посполитом или поветовом рушенье, платила только те подати, которыми временно облагала сама себя в виде субсидий королевскому скарбу.

4. Шляхта пользовалась правом личной неприкосновенности и свободы слова.

5. Наконец, шляхте принадлежало право участия в избрании короля и решении всех важнейших вопросов государственной жизни на своих сеймиках и сеймах»⁶⁵.

Кроме большой экономической мощи и больших политических прав, магнаты располагали значительными военными силами, имели приватные армии. Часто совершали набеги на соседние владения, разоряя их. Особенно от этих частых приватных войн страдали крестьяне, которых нещадно грабили, уводили в плен, даже убивали. В религиозном отношении после принятия Брестской Унии в 1596 г. происходил быстрый процесс перехода шляхты в лоно официальной Греко-католической церкви и далее — в Римско-католическую. Православие сохраняла в основном мелкая шляхта. Также в шляхетской среде интенсивно происходил процесс интеграции в польскую культурную среду (обычаи, нормы поведения, одежда, язык и так далее).

Духовенство. После введения Унии 1596 г. Реально на Украине существовало три различных типа духовенства: римско-католическое, униатское (греко-католическое), православное. Малороссы составляли духовенство двух последних конфессий. Оставив в стороне рассмотрение крайне сложной религиозной ситуации в Малороссии в данный период времени, отметим, что Высшее духовенство униатской церкви, а после восстановления православной иерархии в 1633 г. — и православной церковью, формировалось практически исключительно из представителей шляхетских родов. Простолюдины могли занимать

⁶⁵ Любавский М. К. Указ. соч. — С. 384.

лишь должности до епископской. В Униатской церкви, а до Унии – в единой малороссийской православной церкви занятие епископских кафедр – привилегия знатных шляхетских родов.

Казачество. Казачество – специфическая социальная группа феодального общества. Формировалась из беглых крестьян при наличии свободных земель на окраинах государства, куда не распространялась административная власть центрального правительства. Жило за счет промыслов и разбоя. По соглашению с государством осуществляло пограничную охрану. Казачество формируется в трех странах: Речи Посполитой, России, Австрийской империи.

Эти большие массы беглых, очень непоседливых людей постепенно начинают образовывать свою организационную структуру, свои специфические органы власти, создают систему их формирования. Уже упоминаемый нами польский историк В. Серчик отмечает: «Разумеется, у беглых крестьян не было большого опыта по созданию прочной политической структуры, способной обеспечить международные и внутриполитические условия существования казачества. Тем не менее, оказавшись в особой политической обстановке на окраинных землях Речи Посполитой, переселенцы вынуждены были создавать такую структуру. И здесь заметную роль сыграли два обстоятельства. С одной стороны, постоянно возrastавший натиск извне, главным образом со стороны воинственного Крыма, содействовал становлению организации военного типа, которой и предстояло со временем превратиться в довольно устойчивую политическую структуру. С другой стороны, по мере увеличения численности населения на приднепровских землях, по мере разрастания запорожского войска и формирования политической элиты казачества стали проявляться имущественное расслоение, определенные признаки становления классовых отношений»⁶⁶.

Постепенно из наиболее зажиточных казаков, владевших значительными земельными угодьями, сформировалась казачья старшина, представители которой и формировали органы казачьего самоуправления. По своему имущественному положению этот высший слой казачества можно приравнять к украинской шляхте средней руки.

⁶⁶ Серчик В. Речь Посполитая и казачество в первой четверти XVII века // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII веках. – М., 1979. – С. 175.

Рассмотрим теперь систему органов казачьего самоуправления и административное деление войска Запорожского, как оно сложилась на начало XVII в.

По этому поводу у М. С. Грушевского читаем: «Войско делилось на полки. Официально считалось в начале XVII века четыре полка, и в каждом по 500 душ – столько считалось казаков на службе польского правительства. В действительности и полков этих было больше, и казаков в них было неодинаковое число, иногда по несколько тысяч (например, в Хотинской войне казачье войско имело 11 полков, и в некоторых полках число доходило до 4 тысяч казаков). Полком правил полковник. Каждый полк <...> делится на сотни, сотни на десятки или иначе, курени. Куренями правят атаманы, сотнями сотники. Разные поручения гетмана исполняют есаулы. Артиллерией заведует обозный, ее местопребыванием считается город Терехтемиров со своим старым монастырем, пожалованным казакам Баторием для приюта увечных и для военных надобностей; но так как он был слишком удален от Запорожья и слишком доступен для польских властей, то обыкновенно артиллерия стояла поближе к Низу, а не в этой официальной казачьей столице. Войсковой канцелярией заведовал писарь. Бумаги от имени войска скреплялись войсковой печатью. Во главе казачьего войска стоит выборный старшина, которого обыкновенно называют гетманом, часто и сами они именуют себя так в письмах, не только адресованных к своим, но и к самому правительству, и даже к королю. Правительство же обычно называет их “старшими”: “старший войска Запорожского” – таково, собственно, официальное название казачьего вождя. Хмельницкий первый получил официально титул гетмана, и до него титул официально принадлежал лишь главнокомандующим польскими и литовскими войсками»⁶⁷. Заметим, что с 1648 г. войсковое деление на полки и сотни перейдет на административно-территориальное деление части территории Украины, контролируемой силами Богдана Хмельницкого. Полковники и сотники станут в мирное время главами соответствующих территориальных образований. Как видим, в связи с особенностями зарождения зачатков украинской государственности, структура органов власти выстраивалась на военный манер.

⁶⁷ Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. – М., 2001. – С. 241.

Таким образом, к началу XVII в. казачество сумело создать более-менее стройную политическую и административную структуру, образовало специфический тип средневекового общества. Еще одной особенностью этого общества был его многонациональный состав. В. Серчик по поводу формирования казачества как особого сословия Речи Посполитой пишет: «Быстрое создание казаками элементов особой политической структуры, а затем их настойчивое стремление расширить и упрочить эту структуру, добиться ее автономии и даже независимости от Речи Посполитой (добавим, стремление, подкреплявшееся часто значительными успехами) было своего рода историческим феноменом. Это явление вызывает удивление уже потому, что казачье общество формировалось не только из представителей местного, восточнославянского населения (главным образом крестьянского), но также из пришельцев со стороны, отличавшихся от основной массы казачества своими обычаями, языком и вероисповеданием. На приднепровских территориях, словно в колдовском котле, перемешивались прибывавшие сюда многочисленные переселенцы самого разного происхождения, прежде всего выходцы из местного православного населения, кроме того, беглецы из Польши и Московской Руси, а также из Крыма и Балканского полуострова. Формирование казачества было, таким образом, превосходным примером объединения крестьянского населения из разных стран рассматриваемого региона, показателем того, как судьба большинства пришельцев определялась особыми социально-политическими условиями, сложившимися тогда на землях приднепровского пограничья, а не их социальным или этническим происхождением, не степенью их прежней зависимости...»⁶⁸.

Еще одной особенностью казачества была его приверженность православию и полное неприятие Унии, что легко объяснимо:

Во-первых, в основной массе казачество формировалось из беглых крестьян тех регионов Речи Посполитой, где наиболее распространенной формой христианства было православие. А, поскольку религиозность простонародья тогда (да и практически во все времена) заключалась в обрядоверии, а не в глубоком знании Священного писания, Канонического права, схоластики, истории Церкви, существа канонических

⁶⁸ Серчик В. Речь Посполитая и казачество в первой четверти XVII века // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII веках. – М., 1979. – С. 174.

расхождений между православием и католицизмом и т. д. и т. п., то и следование обряду «отцов наших и дедов», признание только издавна существующей церковной иерархии являлось важнейшей составляющей самоидентификации казачества как особой социальной общности.

Во-вторых, эта общественная группа четко противопоставляла себя польской и, отчасти, украинской шляхте (той ее части, которая усваивала себе элементы польской культуры, принимала Унию, а, зачастую, и переходила в католицизм). Казаки считали себя хранителями русской (именно так, с одной «с») культуры, а, следовательно, и отеческой православной веры. Сохранившаяся на востоке Украины православная иерархия фактически находилась под их защитой.

Итак, в начале – середине XVII в. Запорожское казачество представляло собой вполне сформировавшуюся, глубоко стратифицированную и специфически организованную общественную группу. Оно контролировало восточную часть Украины, численно постоянно росло, располагало значительной военной силой, исповедовало православие, выступая против Унии и униатов даже и с оружием, имело очень сложные отношения с местной шляхтой вообще и с магнатами в особенности. Но самое главное – оно осознавало себя особым сословием тогдашнего (феодального) общества. Хотя подавляющее большинство казаков и происходило из крепостных крестьян, но, осознавая свое положение свободных людей в феодальном обществе Речи Посполитой, свою независимость и от центральной королевской власти, и вообще от господствующего тогда класса в целом, свою значимость как военной силы (их периодические восстания государство подавляло с большим трудом, а с самовольными набегами на Крым и Турцию справиться не могло), они добивались официального признания их особого, привилегированного статуса в обществе. Именно поэтому они даже в официальной своей переписке с королевским правительством в Варшаве именovali себя «Рыцарством Запорожским», то есть настаивали на приравнивании их, ни много ни мало, к высшему сословию государства – шляхетству. Во всяком случае, казацкая старшина, учитывая ее материальное и социальное положение, претендовала на шляхетское звание вполне обоснованно.

Мещане. Города и местечки в Малороссии могли быть королевскими, частновладельческими, то есть принадле-

жать магнатам, либо принадлежать епископиям, но последних было мало.

Жители городов феодальной Украины создали особые формы материальной и духовной культуры, имевшие существенные отличия от традиционной культуры крестьян, с которой они были связаны генетически. Одна из главных черт украинского феодального города — его аграрный характер. В занятиях горожан той эпохи значительное место занимали различные формы земледелия, в меньшей мере — скотоводство. Но все же преобладающим занятием их, особенно в крупных и средних городах, были ремесла и торговля.

Образ жизни средневековых горожан, больше зависящий от порядка, созданного ими самими, чем от природного ритма, принципиально отличался от образа жизни сельских жителей, хотя последние постоянно пополняли население городов. Особенно характерно это было для Украины XV–XVII вв., когда города постоянно страдали от татарских набегов, а также и от разрушений в результате военных действий, связанных с освободительной борьбой против Польши.

Город имел и гораздо более сложный, чем в сельской местности, этнический состав населения. В городах Украины рассматриваемого периода, кроме украинцев, проживали поляки, немцы, армяне, евреи, русские, молдаване, греки, итальянцы, болгары и др. Особенно большие общины неукраинского населения (поляков, немцев, армян, евреев) имелись в западноукраинских городах — Львове, Перемышле, Новом Самборе, Каменец-Подольском и др. Города с преобладанием представителей иных национальностей, в частности — католических колонистов (немцев, поляков), как, например, Новый Самбор, были исключением. Большинство горожан составляли все же украинцы.

Для городов феодальной Украины было характерно наличие самоуправления в соответствии с так называемым Магдебургским правом. Распространение в XIV–XVII вв. на Украине Магдебургского права, несмотря на все его ограничения (особенно в частновладельческих городах), привело к тому, что характерной чертой городского населения стала его корпоративность снизу доверху, как это имело место быть в западно-центральноевропейском феодальном обществе.

Украинские горожане, подобно жителям европейских средневековых городов, в социальном отношении разделялись на

городскую аристократию – патрициат, бюргерство – зажиточное мещанство (ремесленники, средние и мелкие торговцы) и городские низы – плебс (беднота, нищие, деклассированные элементы, а также другие люди, не имевших прав городского гражданства). Жили в городах Украины также и казаки, духовенство, включая высшее, шляхта. Патрициат и бюргерство в виде обособленных групп существовали только в крупных городах (Львов, Каменец-Подольский, Перемышль, Кременец, Киев).

Представители всех социальных групп объединялись в различные корпорации. Собственно средневековый самоуправляющийся украинский город представлял собой как бы корпорацию, состоящую из корпораций более низкого уровня – отдельных кварталов, предместий. Каждое такое объединение в свою очередь включало несколько других корпораций, находящихся ступенькой ниже, – религиозных братств, церковных приходов. В самом низу городской социальной структуры находились первичные корпорации, как правило, объединявшие людей одной профессии, – ремесленные цехи, купеческие братства, объединения мелких торговцев, союзы нищих.

Отличительной особенностью средневековых корпораций было наличие горизонтальных связей между их членами, основывавшихся на принципе формального равенства всех ее членов. Этот принцип на практике постоянно нарушался под воздействием имущественной дифференциации, но до конца средневековья (а на Украине и дольше) он оставался основным признаком корпорации.

Корпорация также обычно обладала правами и привилегиями, закрепленными в соответствующих документах: пожалованиях сюзерена, постановлениях городских властей, уставах. Такой документ, который на Украине назывался «правом», давал членам корпорации гарантию свободы деятельности, закреплял права и преимущества, корпоративную обособленность. В обстановке политической нестабильности, феодальной анархии (особенно характерной для Украины XVI–XVII вв.), зависимости от сил природы, постоянной угрозы утраты имущества из-за татарских набегов, корпорации обеспечивали необходимые условия для профессиональной деятельности своих членов, а также их личную свободу, права и вольности, сохранность имущества, взаимопомощь и защиту в случае необходимости.

Производственной основой украинского феодального города было ремесло. Ремесленники (вместе с семьями, учениками и подмастерьями) составляли основную часть населения украинских городов – до 25-36% всех жителей. Большинство ремесленников объединялись в профессиональные союзы – цехи. Иногда в цехи объединялись и лица, занимавшиеся другими видами деятельности. «В Киеве, например, имелись цехи музыкантов, цирюльников, “мелочью торгующих”, рыболовов, в Каменец-Подольском существовал цех хирургов, во Львове – цирюльников, в Белой Церкви – рыболовов»⁶⁹.

Цехи ремесленников, а также представителей других, приравняемых к ремеслу занятий, можно считать наиболее типичными городскими корпорациями феодальной эпохи, имевшими относительно самостоятельный характер и влияние на все стороны жизни своих членов. Как и в странах Западной Европы, они регламентировали производство, следили за соблюдением ремесленниками правил поведения, организовывали взаимопомощь и общие праздники, являлись военными подразделениями в составе городского ополчения. Будучи и своеобразными религиозными организациями, цехи, как правило, имели свои церкви или часовни. У каждого ремесленного объединения была своя атрибутика и символика: геральдические эмблемы, знамена, печать, архив и касса.

Социальная структура ремесленного цеха, как и всего феодального общества, была иерархичной. Цех по вертикали подразделялся на три социальные группы (ученики – подмастерья – мастера). У каждой такой группы были свои четко установленные права и обязанности и юридический статус. Членами цехов считались только мастера, которые, в свою очередь, подразделявшиеся на две социальные группы – собственно мастера и старшие мастера. Мастеров обычно называли братьями, а старших мастеров – старшими братьями. Старшие мастера образовывали своего рода советы старейшин цехов, в крупных городах оформившиеся в коллегии столовых.

«Делами цехов руководили выборные должностные лица во главе с цехмейстером. В своей деятельности цехи и братства руководствовались уставами»⁷⁰.

⁶⁹ Украинцы. – М., 2000. – С. 369.

⁷⁰ Там же. – С. 369.

Юридический статус мещан в малороссийских городах был сложен и запутан: в одном городе одна часть мещан могла находиться в юрисдикции магистрата, другая часть – замкового присуда, третья – в юрисдикции разных феодалов.

Конфессиональная картина малороссийского мещанства была весьма пестрой: это и православные, и униаты, и католики римского обряда.

Главная отличительная черта статуса малороссийских мещан от великорусских – наличие в малороссийских городах Магдебургского права, хотя бы и в урезанном виде.

Крестьянство. «Основным социальным организмом, регулировавшим всю жизнедеятельность украинского крестьянина, на протяжении многих веков оставалась крестьянская община. <...> На Украине известна преимущественно крестьянская земледельческая община. Лишь в ряде районов Украинских Карпат (у гуцулов, бойков) существовали общины, в которых преобладающим занятием крестьян было пастушество. <...> Украинские источники XIV–XV веков, и особенно XVI – середины XVII веков упоминают крестьянскую общину уже под названием “громада”, реже – “копа”, иногда – “мир”, “село”. В отечественной историко-этнографической литературе она известна как “дворищная община”, поскольку состояла из нескольких дворищ. Понятие “дворище” было широко известно на Правобережной Украине (кроме Подолья), в Галицкой Руси и имело ряд значений. <...> Экономической основой дворища являлось общее (групповое) пользование землей и совместное ведение хозяйства. Дворищные союзы смотрели на себя как на собственников обрабатываемых ими земель. Вполне вероятно, что дворищное землевладение было промежуточной формой перехода от общинной коллективной собственности к подворной, личной. Разложение дворищного землевладения быстрее происходило там, где “Уставом на волоки” 1557 года была введена новая система феодального хозяйства – фольварки»⁷¹.

В XVII–XVIII вв. на большей части Правобережной и Западной Украины складывался такой тип общины, для которого было характерно личное (подворное) владение пахотными землями, а также значительной частью остальных угодий. В

⁷¹ Там же. – С. 341–342.

XVI–XVII вв. в ходе освоения южных районов Подолья, Киевщины, Черкасщины происходили заимка целинных и возрождение земель, запустевших на несколько веков из-за разрушительных набегов татарских орд. Займанщина была хорошо известна и правобережным крестьянам, издревле привыкшим «засиживать» земли на началах «русского права» («на сыром корню»). Займанщина способствовала не только увеличению площадей коллективного пользования, но также и сохранению традиционных общинных порядков.

Вообще же крестьянство Малороссии было прикреплено к земле, как и везде в Речи Посполитой. Крестьяне могли быть частновладельческими, церковными, либо государственными, то есть работающими в королевских фольварках. Королевские фольварки принадлежали государству, а не королю лично. Королем мог быть избран только принц, не имеющий личной собственности в Речи Посполитой. Помещик имел по отношению к крестьянину всю полноту власти, мог даже казнить своего крестьянина. Не мог продать его без земли и имущества или разлучить семью. Режим крепостного права был в Речи Посполитой самым жестким в Европе.

Подробнее об уже упоминаемой волочной реформе и об изменении положения крестьян по ее результатам можно прочитать в книге Барановича «Украина накануне Освободительной войны середины XVII века».

«Упрочение феодального строя на Украине началось с ликвидации старых дворищ, то есть проведения волочной померы земель. В северных областях Украины – воеводстве Волынском, северной части Киевского и Брацлавского – на протяжении второй половины XVI и первой половины XVII веков эту померу феодалам в большинстве сел удалось провести»⁷².

«Померу» производили так, что перемеряли не только барскую землю, но и ту, которой пользовались крестьяне, горожане. До реформы большинство земель было в ведении крестьянских дворищ разных размеров – от нескольких десятков до нескольких сотен гектаров. При проведении реформы землю перемеряли на волок, феодал забирал всю землю в свои руки, дворища разбивались, жившие в дворищах крестьяне получали от барина наделы разных размеров – волочные, полуволочные, четвертьволочные, огородничьи и др.

⁷² Баранович А. И. Указ. соч. – С. 67.

Когда земля была в руках дворищ, она фактически находилась в распоряжении крестьян; крестьянские дворища владели участками издавна, обрабатывали их на протяжении поколений, от “деда, прадеда”. При проведении реформы феодал забирал эту землю себе; крестьянин получал надел, но обычно не тот, которым он владел раньше. Благодаря этому перемещению крестьянин сильнее чувствовал, что обрабатываемая им земля — не его, а барская, что она предоставлена ему феодалом с условием несения феодальных повинностей в пользу ее собственника. Дворищные участки обрабатывала не одна, а несколько крестьянских семей. Число крестьянских семейств в дворищах было не одинаковым, оно зависело, прежде всего, от размеров земельных угодий данного дворища. В дворищах жили семьи глав дворищ, семьи крестьян, участников дворищ, подсосудки, даже коморники. Феодал получал взносы с дворища от его главы. Глава дворища распоряжался всеми живущими в нем. С проведением волочной померы земель, ликвидацией дворищ, все, жившие в дворищах, получали свои определенные наделы и становились подчиненными владельцу имения непосредственно⁷³.

Таким образом, крестьянство Малороссии в указанный период времени являлось наиболее бесправным сословием. Уровень его эксплуатации в частных фольварках был чрезвычайно высок, что вызывало массовое бегство крестьян в Запорожье. В религиозном отношении крестьянство было по преимуществу православным. Но иногда по распоряжению помещика, или подчиняясь авторитету местного священника, перешедшего в унию, принимало исповедание веры по греко-католическому образцу.

Таким образом, социальная структура малороссийского народа в первой половине XVII в. является типичной для феодального общества, существовавшего тогда в странах Восточной и Центральной Европы. Хотя можно выделить три особенности, для него характерных: наличие казачества как силы, претендующей на особый (шляхетский) статус в рамках сословного деления общества Речи Посполитой; слабость национального малороссийского дворянства — шляхты, преобладание в ней польского элемента, а также крайнюю слабость

⁷³ Там же. — С. 67.

малороссийского купечества, которое обычно даже не выделяют из сословия мещан. Связано это с тем, что шляхетство в Речи Посполитой имело привилегии в торговле. «С 1496 года шляхта была освобождена от таможенных пошлин»⁷⁴, а, кроме того, «шляхта, заботясь о собственных интересах, запретила торговцам выезжать за границу с товаром (1565 г.)»⁷⁵. В результате чего к началу XVII в. купечество оказалось практически вытеснено из крупной торговли, шляхта же монополизировала торговлю основным экспортным товаром – хлебом, дополнительно укрепив, таким образом, свое доминирующее положение в обществе.

⁷⁴ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. Указ. соч. – С. 195.

⁷⁵ Там же. – С. 194.

ГЛАВА 2

ШЛЯХЕТСТВО РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. ЕГО ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

*§1. Идеология народа-шляхты в ее общем виде.
Идеологические течения в польском «сарматизме»
и их влияние на политическую ориентацию шляхетства*

В предыдущей главе нашей работы было рассмотрено политическое устройство и социальный строй Речи Посполитой в первой половине XVII в., а также социально-политическое положение на Украине в указанный период. Мы выяснили, что социальная структура украинского общества в это время (да и в последующий период) отличалась крайней степенью раздробленности по сословным, культурным, экономическим, национальным, религиозным и другим признакам, среди которых я бы особо выделил региональные различия в хозяйственном укладе населения различных частей Украины.

Мы выяснили также и особое положение шляхты в Речи Посполитой как единственного политического сословия, то есть только шляхта обладала политическими и экономическими правами в государстве (в объемах, уникальных для европейского дворянства) и непосредственно формировала его внутреннюю и внешнюю политику. Теперь, на мой взгляд, настала очередь выяснить, что представляло из себя шляхетство Речи Посполитой и шляхетство Украины как особого региона этого государства. Мы уже выяснили, что в среде шляхетства имела место экономическая дифференциация, что крупные землевладельцы имели возможность даже вести приватные войны друг с другом и грабить более слабых соседей. И в данной главе нашего исследования мы подробнее остановимся на структуре политического класса Речи Посполитой в целом и Украины в частности; его идеологии; политической ориентации его во внутривосточных и внешнеполитических вопросах; политическом влиянии на него правительств иностранных держав и т. д. Мы попытаемся выяснить, насколько монолитным был этот привилегированный слой общества как в экономическом, так и в национальном и религиозном отно-

шениях; каковы были специфические интересы различных групп внутри этого сословия, если нам удастся такие группы выявить. Особенно нас будет интересовать отношение различных групп шляхты к украинскому вопросу, реакции их на выступление Богдана Хмельницкого, степень заинтересованности в удержании Украины в составе Польско-Литовского государства, а, соответственно, степень готовности к компромиссу с Запорожским казачеством, или, по крайней мере, с его верхушкой – старшиной.

Одним из главных идеологических течений единственного политического сословия Речи Посполитой являлся «сарматизм» – весьма причудливая (я бы даже сказал, весьма изысканная) мифологизированная теория о происхождении польского народа (шляхты) от древнего народа сарматов и унаследовании от этих свободных кочевников особых свойств души, отличавших польскую шляхту от первых сословий других стран. Мы подробно остановимся на этом идеологическом течении, так как, на наш взгляд, оно наименее известно отечественному читателю. Тем не менее, оно сыграло весьма значительную роль в развитии Речи Посполитой как государственной системы и во многом предопределило ее упадок в XVII в. Наиболее подробный анализ этой идеологии провела Мирая Войтговна Лескинен в своей диссертационной работе на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Образ сармата в истории: На пути формирования национального самосознания народов Речи Посполитой во второй половине XVI – первой половине XVII веков».

«В основе национальной идеологии любого народа лежит этиологический миф. Для составления биографии своего народа авторы хроник обращались к существующим традициям описания истории. В летописании XV–XVI веков ими были библейская история и сведения античных авторов. Для определения природы явления, в том числе явления исторического, эпоха обращалась к мифу о происхождении, полагая, что определить генезис – значит объяснить. Библейская версия происхождения народов возводила происхождение поляков вместе с другими славянскими племенами к Иафету. Существовала и иная трактовка, опиравшаяся на античные источники, которая доказывала происхождение польского народа

(как и других славян) от завоевавших местное население племен сарматов. Необходимость разрешения противоречий между ними привела к объединению двух теорий, что и было осуществлено путем возведения генеалогии легендарного предводителя сарматов Асармота к библейским пращурам. Древность славян и в их числе поляков подтверждалась также мифологическим этимологизированием.

Однако на протяжении XVI века идея о сарматских корнях польского народа трансформируется в представление о том, что сарматы являются предками только одного сословия польского общества – шляхты, отождествляемой с польским народом»¹.

Какие же выводы делались на основании мифа о происхождении польского землевладельческого сословия?

«Таким образом, еще на начальном этапе формирования шляхетской идеологии преобладает мотив не общности, а этнической и сословной исключительности. Поскольку власть в польской республике – Речи Посполитой принадлежала шляхте, ограничившей в правах короля и другие сословия, это получало выражение в представлении о дворянстве как о политическом народе – демосе. Ключевым фактором перехода от представлений о народе-этносе к народу-шляхте было изменение социально-политического статуса дворянского сословия в польском государстве в процессе обретения им политической власти. С первыми выборами короля (1573 г.) только шляхтичи могут считаться полноценными “civis” – гражданами Речи Посполитой.

Иными словами, в период генезиса сарматской идеологии, еще сильно мифологизированной, доминирует мотив противопоставления. Поэтому идея об особом происхождении шляхетского польского народа стала аргументом в пользу социальной и политической исключительности дворянства. Сарматский генеалогический миф акцентировал различия, потому оппозиционность к “другому” гармонично сочеталась с консерватизмом, когда речь шла о “своем”.

Особая функция “сарматского народа” в управлении государством обуславливалась его республиканским устройством, идеалом которого выступала Римская Республика. Польская шляхта провозглашалась наследницей традиций античного

¹ Лескинен М. В. Образ сармата в истории: (На пути формирования национального самосознания народов Речи Посполитой во второй половине XVI – первой половине XVII веков).: Дис. ... канд. ист. наук. – С. 138.

демократизма, что, впрочем, не вступало в противоречие с обязательством сохранения христианского наследия»².

Надо сказать, что протестантские учения различного толка в XVI в. распространились и в Речи Посполитой, особенно среди шляхты и горожан. Но именно в этом государстве контрреформация прошла наиболее успешно и мирно. Причин тому несколько: во-первых, сама католическая церковь в Польше быстро и удачно перестроила формы своей проповеди, стала «ближе простому народу», заговорила на понятном для него языке, используя понятные для него примеры; во-вторых, «материальная поддержка костелов и монастырей также обеспечивала шляхте выгодные условия для карьерного роста их сыновей и дочерей. Есть некая логика в том, что, несмотря на антиклерикальные настроения и интерес к религиозным новшествам, шляхта быстро и легко вернулась в лоно католицизма. Судя по всему, для нее выгоднее было сохранить доступ к духовным должностям и приносимым ими доходам, чем захватывать церковные владения»³; в-третьих, активная образовательная деятельность отцов-иезуитов также принесла свои плоды, притянув к католицизму дворянскую молодежь.

У современных польских авторов читаем: «На протяжении первой половины XVI в. шляхта сумела “переделать” государство таким образом, что оно гарантировало ей свободное использование своих привилегированных позиций. Программа экзекуционистов (то есть сторонников ограничения власти монарха. — *Б. Д.*), правда, не была реализована полностью, но заложила основы для исключительных шляхетских привилегий, получивших название “золотых вольностей”, ибо эти свободы были для шляхты величайшей ценностью. Свобода включала в равной мере гарантии как материальной, так и личной безопасности (свобода вероисповедания, власть над крепостными, политические права); ее нельзя считать анархией, так как Речь Посполитая держалась не на безвластии, а на праве. На самом деле функционирование государства было возможным благодаря скорее присущему шляхте чувству ответственности за судьбы Речи Посполитой, чем упорядоченной правовой системе. Речь Посполитая сформировалась на протяжении XVI в. как государство свободных людей. По мере

² Там же. — С.139.

³ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. — М., 2004. — С. 197.

того, как расширялась ее территория, шляхетское достоинство получали и многие свободные землевладельцы. Это означало, с другой стороны, также расширение отношений зависимости и на другие слои населения. В XVI столетии общество формально состояло из нескольких сословий: шляхты, духовенства, мещанства и крестьянства. Внутренне они были очень разнородны, но границы между сословиями достаточно легко преодолевались. Вместе с тем, однако, существовало деление на господ и подданных, на людей свободных и имевших ограниченную свободу. Шляхта при этом считала себя чем-то большим, чем просто сословием. Она была шляхетским народом. А это означало низведение всех других слоев населения до статуса плебеев, то есть ставило их вне “народа”⁴.

Особенно презрительно относились представители шляхетства к крестьянству. Иллюстрацией этого отношения служат, например, стихи, пожалуй, первого классика польской шляхетской литературы Миколая Рея (1505–1569 гг.). Кстати, сам он был ярким кальвинистом, что тоже нашло свое яркое отражение в его поэзии. Но сейчас нам интересна его интерпретация образа крестьянина. Приведем пару стихотворений на эту тему.

Мужики в городе Страсти Христовы покупали

Холопы двух придурков в город снарядили,
Чтобы Страсти Христовы к празднику купили,
Мастер видит – болваны, и пытается: «Смерды,
Вам как изобразить-то – живого иль по смерти?»
Мужики обсудили: «Лучше-де живого,
Всяко нам удобнее приобрести такого;
Сельчанам не потрафим – можно и убить,
А излишек случится – можно и пропитить»⁵.

Мужик, который под дубом срал

Ехал пан по дороге и маленько вбок взял,
Там дуб стоял тенистый, а под ним холоп срал,
Смешался тот, а барин рек: «Не суетися!

⁴ *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* Указ. соч. – С. 197–198.

⁵ Европейские поэты эпохи Возрождения. серия Библиотека Всемирной литературы. – М., 1974. – С. 388.

Без этого ж никто не может обойтись!»
Мужик и отвечает: «Я, чай, обойдуся,
Все, пане, тут оставлю и прочь повлекуся.
Надо вам – так берите, мне оно не треба.
Взамен же соглашуся на ковригу хлеба»⁶.

Помимо «сарматизма» в идеологическом отношении для шляхты польских земель огромную роль играла принадлежность ее к католической церкви. «Мир в сознании польской шляхты XVI–XVII вв. отождествлялся с Европой. Критерием “европейскости” того или иного народа или государства было не географическое положение, а конфессиональная принадлежность. Европа делилась на две части: христианскую (европейские католические страны) и нехристианскую (мусульманский регион и православные государства); в религиозно-политическом аспекте отношение к ним определялось не внешнеполитическими обстоятельствами, но внутриконфессиональной солидарностью. Этот же критерий определял степень враждебности и дружественности соседних народов»⁷.

«Однако и среди христианских государств и народов Польша, по мнению польской знати, занимает исключительное, ни с чем не сравнимое высокое положение, так как обладает отличным от всех политическим устройством – республиканским»⁸.

Речь Посполитая, согласно шляхетским («сарматским») представлениям, не просто отличается типом общественного устройства, но обладает лучшим и справедливейшим из возможных, обеспечивая истинную свободу своим гражданам посредством гарантии реализации их прав и привилегий. Под свободой понимается независимость от власти одного человека (короля), внутрисословное равенство.

«Родина сармата – прежде всего государство, осознание шляхетской общности в масштабах государства превалирует над местным, в том числе и этническим патриотизмом. Он не нивелировал, однако, естественного чувства принадлежности к определенной земле, чувства Отчизны.

Из такого восприятия Родины логически следует отождествление идеального поляка с истинным гражданином, который описывается в этических категориях. Моральные

⁶ Там же. – С. 388.

⁷ Лескинен М. В. Указ. соч. – С. 142.

⁸ Там же. – С. 142.

качества были главным критерием оценки человека и общества – в этом польские мыслители следовали Платону и Аристотелю. Поэтому “правильное” существование государства ставится в зависимость от добродетелей каждого гражданина. Шляхтич, в отличие от других, достоин обладания ими, так как его моральные качества обусловлены фактом рождения в шляхетстве, то есть генетически.

Сарматское понимание Отечества выражается, таким образом, в категориях справедливого государства-республики и добродетелях шляхтичей-сарматов»⁹.

«Важным элементом государственного устройства представлялось, наряду со шляхетской демократией, сохранение традиции католического вероисповедания. Польскому католицизму приписывались особые черты: чистота, нерушимость наследия, неиспорченность ересями, которые объединялись идеей избранности католического польского народа. Этому способствовал и особый, “сарматский” дух посттридентской религиозной жизни, упрощавшего, “адаптировавшего” для широких слоев католической обрядности и проповеди. Католическая религиозность эпохи барокко, уподобляя реальную жизнь небесной, сочетаемая с уверенностью в особом отношении Бога к Польше и в небесном покровительстве сарматскому государству, укрепляет особую, исключительную связь польского неба и польской земли. Не стоит, однако, переоценивать религиозный элемент сарматской идеологии. Точнее было бы сказать, что польская католическая церковь наряду с Отечеством была важнейшим консолидирующим элементом сарматской идеологии»¹⁰.

Очень интересным источником, отражающим взгляды европейски образованного шляхтича (он учился в Италии, предположительно, в г. Падуе), являются «Записки Немоевского». Судьба забросила его в Россию, ко двору Лжедмитрия I, после убийства которого он довольно долго находился в ссылке-заключении в различных русских северных городах. В это время (1606–1608 гг.) он ведет записи, которые были впервые опубликованы на русском языке в 1907 г. Документ этот чрезвычайно интересный, содержащий в себе множество сведений о России того времени, быте народа и аристократии,

⁹ Там же. – С. 142–143.

¹⁰ Там же. – С. 143.

этикету двора Великого князя Московского, описание городов, описание системы делопроизводства и управления государством, армии, и т. д. По этому источнику, методом от обратного, можно судить о мировоззрении польского образованного шляхтича того времени, ведь он описывает и те стороны и нормы жизни российского общества, которые вызывают у него крайнее неприятие, шокируют его, или вызывают презрительное к ним отношение. Конечно, Немоевский весьма критично относится к религиозным нормам москвитян, сравнивая их с нормами католической церкви и находя последние на много выше. «Блудодение нимало не почитают они за грех, как и бросить жену и взять другую, не знать молитвы Господней, редко-редко кто ее знает, а женщина дай Бог, чтобы какая <...>. Зато велик грех: спать без пояса, бороду брить, <...>, будучи с женою в бане, обоим разом не мыться, по крайнй мере, водою не обливать; крестика не иметь на шее, телятину есть, — после всего этого следует вечная погибель души. И очень много у них еще других подобных же пустяков и суеверий»¹¹. Русская знать редко носит с собой оружие, с точки зрения шляхтича-поляка: «...нам, людям-рыцарям, неприлично отдавать оружие; с ним мы готовы скорей умереть, потому что у нас нет большого срама, как отдалить от себя оружие, — у нас, у людей-рыцарей»¹². Приемы ведения войны у москвитян не рыцарские — низменные: «До этого времени прием на войне у этого народа был один — все на конях, по обычаю татар; одни с луками, другие с рогатинами, а третьи — привязавши к нагайке кусок железа или кости. Люди без оружия, редко у кого сабля. <...> Сраженье идет татарским приемом: или гонятся, если кто перед ними уходит, или уходят, стреляя из луков»¹³. Особенно же корбила просвещенного шляхтича система наказаний дворян Великим князем, ее крайняя унижительность для человеческого достоинства, (напоминая, что шляхтича в Речи Посполитой даже король не мог арестовать без решения сословного шляхетского суда, за исключением ареста в военное время по обвинению в измене), и описанию ее он уделяет много места: «...с ним отправляется дворецкий, по-нашему маршалок, в особую комнату, где судит он придворных людей,

¹¹ Записки Станислава Немоевского (1606–1608); Рукопись Жолковского. — Рязань., 2007. — С. 128–129.

¹² Там же. — С. 159.

¹³ Там же. — С. 184.

и сейчас же чинит экзекуцию: он приказывает другим дворянам его растянуть, а трое розгами его секут. Такое же наказание и за другие проступки, а за большие – в тюрьму. Когда же думный боярин учинит какое-либо преступление, <...> то великий князь, севши вместе с другими думными, приказывает ему встать пред себя. Тогда старший дьяк докладывает, что тот сделал, а затем препровождает его к великому князю, который бьет его в губу с обеих сторон. После этого тот же дьяк, поставивши его посередине комнаты, начинает выщипывать у него пальцами бороду, а засим все думные бранят его: “Што это ты, мерзавец, бездельник, сделал? Мать твою, как у тебя и сором пропал!”. Наконец дьяк объявляет, что великий князь всея Руси налагает на него опалу: он обязан каждый день бывать в Кремле и ездить по городу в черном кафтане, черной шапке и черных сапогах; он перед каждым, но перед ним никто, под угрозой кары, не снимает шапки. Это продолжается до возвращения милости великого князя, но редко долее двух месяцев. <...> Бьют их также и кнутом, но вместе с этим уже и из Думы выбрасывают. <...> Если, в свою очередь, великий князь оскорбится чем в речи думного, – на месте безотлагательное правосудие: он тут же бьет его палицей (с нею великий князь обязан теперь ходить – они называют ее посохом) по лбу, по спине; тот же повинен ни увертываясь, ни же молить, но говорить:

– Царь-государь, великий князь, пожалей своих ручек, которые ты утомишь, расправляясь со мной, холопом твоим, имей уважение к самому себе.

Но если посох выпал из рук раньше, чем натешился великий князь, то, взявши другой, больший, князь идет к нему в дом, в город, поправляется и тут уже потешается всласть. <...> Другим же, по изволению, рубят головы, топят, давят, причем поясняется, что “мы, монархи, божии ключники: что Господь Бог положит нам на сердце, то и должно быть, хотя бы кто и виновен не был”. Первый был Дмитрий, который желал было ласково обходиться с ними, за что и заплатил»¹⁴. По поводу прав и свобод служивого и землевладельческого сословия Немомоевский замечает: «Все – и туземцы, и пришлые – живут в величайшем рабстве у великого князя; никто ни в чем ему не противоречит. На каждое его приказание у них один и тот

¹⁴ Там же. – С. 189–190.

же ответ: “Волен Бог да государь царь, великий князь всея Руси”¹⁵. «Свобод никаких, да и не знают, что это такое. Когда мы им рассказывали о наших свободах, что у нас никто не может быть схвачен, пока не будет изобличен по суду, что король не может никакого налога установить, ни начать войну с кем-либо, пока мы не дозволим, они с удивлением отвечали нам: “Хорошо это так у вас; но мы покорностью нашей тем большую заслугу имеем на небе”. А к нему они рачительно стремятся частыми постами (половина года идет на них), поклонением образам (о которых говорят, что сам Бог, будучи на небе, на земле оставил им образа на свое место, чтобы и поклонялись им) и частым крестным знамением, с немалым истязанием из-за самообмана. Ибо никто не выйдет и не войдет в дом, не съест и не выпьет, не перекрестившись. Выйдя утром из дому, многие обращаются на все стороны, много раз крестятся и мавают головами; при грубой простоте, они в этом полагают тройную надежду искупления. И это не удивительно: помимо того, у них нет ни изучения, ни упражнения в законе Божиим, нет никакой проповеди, не объясняют им ни слова Божия, ни Божией воли. К тому же никому не дозволено читать книг и иметь их в дому, кроме псалтири и гомилий св. Иоанна Златоустого; иначе был бы в подозрении, что желает быть мудрее самого великого князя <...>. Одинаково не вольно никому разговаривать с иноземцем или спрашивать его о чем, даже просто говорить, если только не присутствует при этом представ от великого князя. Если кто из чужих спросит кого-либо о причине чего-либо, он получит ответ: “Не ведаю, не понимаю; но царь, великий князь всея Руси, — дай Господи, чтобы государь здоров был! — знает и понимает все”¹⁶. «Без такого молитвенного пожелания и перечета титулов даже простой человек никогда не вспомнит великого князя: иначе был бы в подозрении. Этот прием их речи так часто припоминался для понимания степени их грубости, так как и титулов не знают иногда, и не умеют употребить молитвенного пожелания к месту»¹⁷. Наблюдательный Немоевский верно подметил отсутствие собственных фортификационных сооружений у русских феодалов — холопов Великого князя: «Ни у кого какого-либо собственного небольшого замка; одни деревянные дворцы из

¹⁵ Там же. — С. 192.

¹⁶ Там же. — С. 193–194.

¹⁷ Там же. — С. 259.

круглого неотесанного дерева, но в которых редкость светлая горница; обыкновенно курные избы; об обоях не спрашивай. Никому не дозволено строить себе избы из тесанного дерева»¹⁸. Много невзгод пришлось пережить в России Немоевскому с его соотечественниками, далеко не все из них выдержали эти испытания, не замарав шляхетской чести. Автор записок, судя с позиции шляхтича Речи Посполитой (сам он происходил из Поморья), так описывает тех, от кого претерпел в заключении: «И от кого? От варваров, от народа, вероятно, самого низкого на свете, самого грубого и не способного к бою, лишенного всякого военного снаряжения – помимо малости пушек, – необученного в рыцарском деле, у которого ни замков, ни городов. Ибо их нет; ни доблести, ни храбрости, ибо это приобретается практикой; ни ума, ибо прирожденного природа не дала, а об упражненном он не слышал; ни богатства, ибо никакого нет, кроме малости пушного товара, который и спускается к нам, следовательно, он в нашей власти; ни помощи и подкреплений ни от какого народа в мире, ни солдата ниоткуда. Что же могло бы нас затруднить не только от отместки, от возвращения силой своего, что так долго удерживала, на наш великий срам, эта *faex gentium*, (осадок народов), но и от наложения ярма на это дикое животное (*bydlo*). Если кто на это скажет – болота, то разве те болота, что поросли деревом, будут затруднять? Одна только нищета, она одна, могла бы их защитить; но и она, при наших средствах, при нашей военной готовности, не могла бы быть для нас тяжелой, а затем, после кратковременного усилия и неверной победы, при великой славе и работе рабами, мощное государство и расширение границ; вследствие всего этого мы не только в Европе стали бы могущественнее других народов, но имя наше сделалось бы грозным для Азии и всего поганства, как некогда македонян. Воскресла бы по сю пору зарытая слава военного народа, доблестных богатырей сарматских. Уже ни Borysfhenes, ни Tanais не задержали бы нас, равно как ни Pontus Eufinus, ни Caspium, или Нурканум моря; и обители Черного моря должны бы были дрожать, а выше всего – расширение и соединение соборней католической церкви и приобретение такого количества душ для Господа Бога. О, дряблость и бесчувственность нашего народа, который столько времени терпел столь подлого и надменного

¹⁸ Там же. – С. 195–196.

неприятеля! По крайней мере теперь, за эту неправду к нам, поживится какой либо мститель из наших костей»¹⁹.

Таким образом, для Станислава Немоевского насущно необходимыми представляются: личная свобода (право ношения оружия для ее защиты); наличие правосудия (сословного); свобода иметь и высказывать свое мнение; образование, как религиозное, так и светское; свобода передвижения как внутри страны, так и за ее рубежами; безусловно, – участие в управлении государством.

Все вышеперечисленное относится к идеологии «сарматизма» вообще, но особенно характерно для идеологии шляхты собственно польских земель. Стоит отметить, что, несмотря на то, что полонизация украинской шляхты происходила в конце XVI – начале XVII вв. чрезвычайно интенсивно и успешно, часть мелкой и средней шляхты украинских воеводств сохранила православное вероисповедание, и ее воззрения в идеологическом отношении также имели свои особенности по отношению к воззрениям польской национальной шляхты. Вот как об этом пишет М. В. Лескинен: «Западнорусские книжники полностью разделяли “сарматскую” версию происхождения славян, но в ее раннем варианте, поскольку для них более важным представлялось обоснование общности славян, а не отличительных черт каждого народа. Это подтверждает и различная трактовка восточнославянскими и польскими хронистами легенды о трех братьях – еще одного генеалогического мифа о родоначальниках славянских народов – Лехе, Чехе и Русе. Если для первых ее упоминание и интерпретация были важны, так как подтверждали идеи общеславянского единства, то польские авторы не без трудностей пытаются сочетать ее с “миграционной” теорией путем перенесения акцента на описание братьев как воинов-завоевателей»²⁰.

«Иначе понимали свои корни представители украинской элиты. Опираясь на идею единства славянской общности, они подчеркивали христианскую принадлежность украинского народа. Его следование традиции православного вероучения. В центре осмысления ими своего исторического наследия находились события религиозной истории – как библейской, так и относящейся к недавнему прошлому. Важнейшим событием

¹⁹ Там же. – С. 239–240.

²⁰ Лескинен М. В. Указ. соч. – С. 138.

в этом ряду для них являлось крещение Руси Андреем Первозванным и правление первого христианского князя Владимира. Интерпретация этого события, как правило, осуществлялась на основе противопоставления католической и православной традиции и подкреплялась аргументами в пользу более древнего происхождения “истинной православной веры”. Одним из них становится доказательство происхождения католицизма от Петра из Рима, вторичное по отношению к Иерусалимским истокам “русского” православия. Начало истории народа связывается в сознании украинского сармата со временем прихода на берега Днепра апостола Андрея.

Для украинского общества главными элементами традиции являлись не политические, но этноконфессиональные факторы. Выдающимися историческими личностями считались в первую очередь киевские князья, ратовавшие за сохранение отцовской веры и ни при каких обстоятельствах не отступавшие от нее, а главными деяниями прошлого – сражения за веру и отчизну²¹.

У современного украинского автора по этому поводу читаем: «Представители патриотично настроенной шляхты, духовенства и интеллигенции развивают идею непрерывности бытия русского (понимаем – украинского) народа с княжеских времен. Так князей и казацких гетманов авторы представляли частицами одной и той же Руси. С 20-х годов XVII столетия понятие “русский народ” становится “терминологической конкретностью, означающей жителей территорий, исторически связанных с Киевским и Галицко-Волынским княжествами”, как считает Наталья Яковенко. Начинает выделяться такой особый признак украинского народа, как “преславная русская кровь”. <...> Часто перемена православного вероисповедания на католическое или униатское трактовалось как проявление национальной измены. У средней шляхты формируется взгляд на себя как на “русский народ политический”, равноправный с польским и литовским народами и который вместе с этими народами выступал как творец Речи Посполитой»²² (пер. мой. – Б. Д.).

В этой цитате на себя обращают следующие моменты: автор находит представителей интеллигенции в начале XVII в., да не где-нибудь, а на Украине; «русский народ политический» это

²¹ Там же. – С. 139.

²² Степанков В. Уроки державотворення. Актуальні проблеми Української національної революції 1648–1676 років // Війни і мир, або «Українці – поляки: брати / вороги, сусіди...». – Київ, 2004. – С. 85.

украинская шляхта, а равноправна она польскому и литовскому народам-шляхте. Обращает на себя внимание и то, что украинская шляхта считала представителей других сословий Украины-Руси тем же «народом руським», хотя и не «политическим», польские же шляхтичи смердов-поляков поляками не считали.

«Также как и для польского дворянства, критерием ее (украинской шляхты. — *Б. Д.*) социального положения было происхождение, род и генеалогические связи, но акцент ставился не на традиции республиканизма, а, прежде всего, на передачу религиозного наследия. Поэтому украинские дворяне возводили свои роды к киевским князьям и религиозным деятелям. Но сведения о них черпались не из записей хроник и генеалогиям, а из преданий, устной традиции, и таким образом передающиеся по наследству “доброего имени” в народной памяти»²³.

Так, например, брацлавский воевода А. Кисель в своем письме от 31 мая 1648 г. примасу католической церкви Речи Посполитой архиепископу Гнезненскому М. Лубенскому, одновременно, в связи с кончиной короля Владислава Четвертого, исполнявшего обязанности главы государства, писал: «Союз внутреннего врага с неверными так страшен, что едва ли сможет Речь Посполитая противостоять ему собственными силами. Другое и того гибельнее, но я должен сказать об этом по своей верности к любимой отчизне (ибо, хотя я происхожу от древнего русского рода, но от такого, в котором потомство Болеслава угасло лишь тогда, когда мой предок пал во вратах вверенного его защите Киева, и я обязан поступить так же, если судьба велит). <...> Позаботьтесь об отчизне, и притом поскорее, чтоб с ней не сбылось (от чего Боже упаси!) то же, что с римской империей. Я, сделавшись нищим, остаюсь здесь, в бедном своем замке, и, не привыкши доселе уходить с поля битвы, готов обогреть верность свою кровью и запечатлеть ее смертью, ибо лучше умереть смертью, по обычаю сарматов, и не видеть посрамления народа, нежели жить, предавшись позорному бегству»²⁴.

«Исследование основных элементов идеального образа православного шляхтича — верного королю рыцаря воина, защитника “старожитной” веры, хранителя доблестных традиций предков, борца с ересью — говорит не о простом заимствовании их из польской сарматской идеологии, но

²³ Лескинен М. В. Указ. соч. — С. 141.

²⁴ Воссоединение Украины с Россией; документы и материалы в трех томах. — М., 1954. — Т. 2. — Документ № 10. — С. 29–30.

об активном включении их в систему ценностей украинцев XVII–XVIII веков. <...>

Однако, несмотря на лояльность украинских «сарматов» по отношению к Речи Посполитой и королевской власти, можно утверждать, что в начале XVII века достаточно четко определяется (по литературным, в частности, источникам) самосознание своей общности как «русского народа», главными чертами которого являлась православная вера и исторические корни. Украинский сарматизм шел из Киева, крещение жителей которого произошло в правление Святого Владимира. Объединяющим элементом этой общности являлся и «русский» язык, однако этот признак не выделяется как доминирующий»²⁵.

Попробуем проанализировать приведенные выше большие по объему цитаты. Общей идеологией для землевладельческого сословия Речи Посполитой в XVI–XVII вв. являлся «сарматизм», понимание которого, однако, несколько различалось среди шляхты разных частей этого государства. Из всего вышеизложенного мы можем сделать следующий вывод: по крайней мере часть украинской шляхты, сохранившей православие, к началу XVII в. начинает осознавать себя специфически национальной «русской», она лояльна королевской власти (крайне слабой и ограниченной), но имеет гораздо меньший пиетет к республике и ее органам Сейму и Сенату, хотя она пользуется всеми политическими правами шляхты Речи Посполитой. «Полонизация почти всего крупного русского дворянства и значительной части шляхты была, следует это подчеркнуть, полностью добровольной. Представители польской шляхты и магнатов не должны были менять свою национальность или религию, чтобы пользоваться в Речи Посполитой правами своего сословия. Привилегия Сигизмунда-Августа о Киевском княжестве, <...> им это гарантировала»²⁶. Видимо, большую роль в таком имприи православной шляхтой политической системы сыграло ее вероисповедание, теория «православного государя и царства», идущая от Византии. Роднит же украинских и польских «сарматов» крайний консерватизм: «Сармат обращен в прошлое, и поэтому традиционность и консерватизм понимаются как освященные мо-

²⁵ Там же. – С. 131.

²⁶ Wojcik Z. Ukraina w ramach Rzeczypospolitej do polowy XVII w. // Studia z dziejow Rzeczypospolitej Szlacheckiej. – Wrocław, 1988. – S. 62.

рально и религией необходимые качества истинного сармата. Историческое время обращено вспять, цель настоящего – вернуть идеалы “золотого” прошлого, а при невозможности вернуться в него – повторить, воспроизвести то время»²⁷.

Что касается идеологии дворянства еще одного значительного региона Речи Посполитой – Литвы, то она остается за рамками нашего исследования. Но, в общем, вполне допустимо будет считать, что эта идеология будет близка идеологии дворянства собственно польских земель. Шляхта Литвы активно принимала участие в формировании республиканских порядков в государстве и его органов управления. Она была, как и польская шляхта сильно привязана к республиканизму, хотя, конечно, имела свои специфические интересы и взгляды.

Таким образом, даже на самом общем, так сказать, философско-идеологическом уровне, мы можем констатировать существование некоего отличия между системой политических ценностей польской и православно-украинской шляхты. Специфика польской «состоит в акцентировании в первую очередь политического наследия. Украинский сармат подчеркивает свою этническую самобытность, апеллируя к религиозной (конфессиональной) традиции и славянскому наследию»²⁸, при особом почтении к монархической власти.

«Трактовка Родины и народа в украинском сарматизме получает иное понимание. Украинский народ сарматский – это общность, объединенная прежде всего православной верой, историческими корнями, единством происхождения, языка, территории и исторической судьбы, но не имеющая своей государственности. Родина – это Русь, отчизна. Государство – речь Посполитая, отношения с которой должны строиться на принципе верной службы. Отечество украинского сармата не включает в себя политического, гражданского элемента, однако объединяет весь народ в зависимости от этноконфессиональной, а не сословной принадлежности»²⁹.

Обратимся теперь к различным вариантам идеологии собственно польского «сарматизма», как они сложились к началу XVII в.

«Представление об истинном поляке также сводится к образу шляхтича-сармата, существующего в двух ипостасях: вои-

²⁷ Лескинен М. В. Указ. соч. – С. 141.

²⁸ Там же. – С. 141.

²⁹ Там же. – С. 144.

на-рыцаря и земянина-помещика – в этом утверждении мы опираемся на существующие исследования польских авторов, которые выявили эту двойственность сарматского идеала. Собственно сармат вначале отождествлялся только с образом рыцаря, что было обусловлено исполнением дворянским сословием воинских обязанностей в государстве. Кроме того, древние сарматы ассоциировались с воинственными племенами завоевателей. Однако к концу XV – началу XVI вв. в положении польского рыцарства произошли существенные изменения, связанные с военной реформой и получением шляхтой особого правового статуса. Одним из них было наделение рыцаря земель на условии исполнения военной обязанности не пожизненно, как в Западной Европе, а по наследству. Это было началом процесса оседания шляхты на земле и переходом к новому периоду в истории польской шляхты – ее “золотому веку”»³⁰.

«Идеальный рыцарь обладает добродетелями воинскими и гражданскими, ему чужды утонченность и образованность непольского дворянства. Польский рыцарь видится защитником католицизма и гражданских свобод в европейском масштабе; его политическая и гражданская преданность идеалам Польского государства перевешивает значимость этноконфессиональной принадлежности.

Другая ипостась идеального сармата определялась образом жизни помещика (земянина) – пребыванием в деревне, вдали от королевского двора, тесной связью с природой. Его жизнь тяготела к кругу семьи, друзей, родни, соседей; основным занятием было ведение хозяйства. Большое значение приобретало выполнение гражданского долга. Основой сохранения отцовских обычаев для земянина являлось благочестие, умеренность. Поощрялось стремление к образованию, умение вести беседу, радушие и гостеприимство.

Мир помещика ограничивается его усадьбой, соседними поместьями. Он далек от страстей политической и общественной жизни, однако сознает себя представителем господствующего сословия посредством выполнения гражданского долга – общественных обязанностей. Однако его государство – это, прежде всего, его поместье, где он отвечает за жизнь, благополучие и моральный облик своих подданных. Земянину присущи черты патриархальности и он более традиционен по самому

³⁰ Там же. – С. 145.

образу жизни, нежели шляхтич-рыцарь. Однако самоуважение, осознание себя личностью, ценность “золотой вольности” высока и для воина, и для помещика в равной степени. Кроме того, в реальной действительности, по всей вероятности, эти два идеальных типа не противоречили друг другу, поскольку исполнение рыцарских обязанностей не снимается с землянина полностью, так как он, как римский Цинциннат, при первой же необходимости сменяет орало на меч»³¹.

Здесь уместно проиллюстрировать землянское отношение к суетности дворцовой и государственной службы четверостишием уже знакомого нам М. Рея.

Пусть иные дивятся стенам с намалевкой,
Пусть, кто хочет, топочет ботфортом с подковкой,
Мне же все надоело, ино дом лишь сладок,
Ты же при дворе вертись, если тчиться падох»³².

«Занятие фольварочным хозяйством считалось столь же достойным, как и военная служба; даже самостоятельная обработка земли (как в Кастилии) не противоречила представлениям о шляхетской чести. Шляхетства не порочила торговля зерном и волами, хотя какие-то другие торговые операции или занятия ремеслом считались недостойными. И, наконец, вполне подходящим (а со временем и прямо рекомендуемым) для шляхтича занятием стала служба при дворе магната»³³.

«Самой выгодной для шляхты формой инвестиций было приобретение званий и должностей, возможность продемонстрировать свои успехи другим и самому насладиться собственным блеском, потому что достойная шляхтича жизнь в любом своем проявлении была нацелена на внешнюю демонстрацию своей “шляхетности”. Следовательно, строительство резиденций и основание костелов, приобретение нарядов для себя и для значительной по численности челяди, хорошее приданое для дочерей и роскошные приемы – все это имело бесспорное значение»³⁴.

«В описании черт идеального шляхтича важное значение приобретает антиобразец поведения. Для рыцаря им становится

³¹ Там же. – С. 146–147.

³² Европейские поэты эпохи Возрождения. – БВЛ. – М., 1974. – С. 389.

³³ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. Указ. соч. – С. 196.

³⁴ Там же. – С. 197.

ся мещанин, наделяемый жадностью, корыстолюбием, неучтивостью и неупорядоченным образом жизни, а для помещика это – магнат, которому приписывается грубость, всякого рода излишества, стремление к богатству, роскоши и своеволию»³⁵.

Вы, государством управляющие люди,
Держащие в руках людское правосудье,
Уполномочены пасти господне стадо,
Вам, пастырям людским, скажу я, помнить надо:

Коль вы на сей земле на место сели Божье,
То, сидючи на нем, обязаны вы все же
Не столько о своем заботиться доходе,
Сколь думать обо всем людском несчастном роде.

Над всеми меньшими дана вам власть велика,
Но и над вами есть на небесах владыка,
Которому в делах придется отчитаться,
И будет не весьма легко там оправдаться.

Он взятки не берет, и он не разбирает,
Кто хлоп, а кто себя вельможей почитает,
В сермягу ли одет, во ризы ли парчевы,
Но если виноват – влачить ему оковы!

Мне все же кажется, что с меньшим безрассудством
Грешу: лишь сам себя гублю своим распутством,
А преступления распущенного барства
Губили города, дотла сжигали царства!³⁶

Пребывают в согласье стихии небесны,
И не диво – ты дал им законы чудесны,
Чтобы не преступали сей воли предвечной;
Ты ж в доброте и доброй воле бесконечный.

Прах твоего подножья, для чего вольны мы
Твоих не чтить законов, кои нам вестимы,

³⁵ Лескинен М. В. Указ. соч. – С. 146.

³⁶ Кохановский Я. Вы, государством управляющие люди... // Европейские поэты эпохи Возрождения. – БВЛ. – М., 1974. – С. 395.

То лишь предпочитая, что тщета и гибель?
Ты разум дал нам, – что же нас минует прибыль?

Не дай, обрушив громы, как в древние лета,
В испытаньях узнать нам, что хочешь завета.
Уйми ты алчность нашу, коей нету меры,
И мы в святой отчизне возжжем пламень веры³⁷.

Все большая вовлеченность шляхтичей-землян в хозяйственную и торговую деятельность, натуральный характер их фольварочного хозяйства нашел свое отражение и в анонимной мещанской поэзии Польши XVI–XVII вв. Ведь шляхетство стало вытеснять мещан из их традиционной сферы деятельности – торговли, причем в XVII в. уже не только хлебом и волами, а всем, что с излишком производилось в фольварке. В связи с этим к середине XVII в. многие города приходят в упадок.

На алчных

Перестал я жизни этой вовсе удивляться,
Как мне, скудному, при алчных ныне напиться?
Богачи шинки содержат, богачи мозгуют,
Богачи, как перекупки, крупами торгуют.
Можно видеть и шляхтянку с меркой на базаре,
То-то в город зачастила с кухаркою в паре.
Масло ложками базарит, горшочками пахту,
Домодельный сыр поштучно – панночке на плахту.
Пива на дворе наварят да накурят водки,
Не заплатишь, сколь запросят, не промочишь глотки.
Бедняку, как ни вертись он, дали на орехи.
А на хлеб вот не досталось – алчные в успехе.
Стежки даже распахали, выгоны, полянки,
Перепашут и дороги под свои дялянки.
Уж от жадности от ихней просто спасу нету,
Просто видеть невозможно ненасытность эту.
Черта вам еще! Хоть жизнью хвалитесь вы сытной,
Да зато не отберете нищеты постыдной.
И всего-то вам не вдоволь, все-то вы с долгами,
Отобрали хлеб у бедных, а без хлеба сами³⁸.

³⁷ *Сэми Шажинский М.* О мироправлении Божьем // Европейские поэты эпохи Возрождения. – БВЛ. – М., 1974. – С. 400.

³⁸ Европейские поэты эпохи Возрождения. – БВЛ. – М., 1974. – С. 407.

Подведем еще один промежуточный итог: к началу XVII в. даже собственно польская шляхта в идейном плане делится на несколько групп. Первая группа – магнаты, то есть крупные землевладельцы (их огромные владения располагались, как правило, на Украине), образ жизни и претензии которых вызывают раздражение у подавляющего большинства средних и мелких землевладельцев-шляхтичей, составляющих большинство этого сословия на собственно польских землях и составляющих вторую группу шляхетства. Группу сарматов-рыцарей можно разделить на две категории: первая – это хранители древних рыцарских традиций, так сказать, ортодоксы, не желающие изменять изначальному предназначению дворян; вторая – клиентелла магнатов, то есть разорившееся шляхетство, утратившее связь с землей, рыцари поневоле, которым просто некуда больше деваться.

Что же касается украинской шляхты, то «образ украинского сармата воплотился только в идеале рыцаря. Однако он не фиксировал обязательную шляхетскую принадлежность сармата-воина. Напротив, социальные границы этого этоса оставались открытыми, включая и инока, сражавшегося за веру в прямом и переносном смысле и, что очень важно, казака. Сохранив саму конструкцию идеального образа рыцаря, украинский сармат наделяет ее новыми чертами. В частности, это мотив верности королю, отсутствующий в польском этосе. В реальной исторической ситуации в гражданском и политическом отношении украинская элита ощущала себя частью польского государства, и потому верность Речи Посполитой и служба королю рассматривалась как обязательные добродетели рыцаря, причем как шляхтича, так и казака недворянского происхождения»³⁹.

Выше мы рассмотрели «идеальный образ сармата», таким, каким его видели в XVI в., но к началу XVII в. в Речи Посполитой уже ясно просматривались черты упадка как института государства, так и в среде шляхетского сословия. Все менее распространенными становятся воинственные настроения, все более средняя, да и мелкая шляхта переходит на идеологическую позицию земян, то есть помещиков-землевладельцев, а не рыцарей «без страха и упрека». Доминирует образ жизни сибарита-домоседа. Вместе с тем все более угрожающие масштабы приобретает вражда внутри первого сословия,

³⁹ Лескинен М. В. Указ. соч. – С. 147.

обусловленная жаждой наживы и чувством вседозволенности и неуязвимости сильных перед более слабыми. Такое положение вещей, безусловно, волнует думающую часть шляхты. Появляется большое число памфлетов, посвященных проблеме испорченности нравов дворянства, и, как следствие этого, ослаблению государства, которое, как мы помним, только и держится добродетелями «сарматов».

О шляхетской добродетели

Знатные от знатных суть происходят,
Славен конь кровями, не производит
Грозна орлица голубят пугливых,
Зайцу от львов не родиться гневливых.

Также шляхетность знатный умножает
Тем, что всемерно сердце утверждает
В разных науках, а не будь ученья,
Много средь знатных было б удрученья.

Доблестный Рим над сыном посмеялся
Отца, чьей силы в битвах убоился
Сам Ганнибал, побросавший в поспехе
Отеческий край и победы доспехи.

Но не лишен был похвал меж богами
Храбрый Алкид, порожденный громами
Грозного Зевса, желал он труженьем
Славен быть боле, чем знатным рожденьем.

Сколько чудовищ на земле не было –
Всех богатырска одолела сила.
Тем он и славен и прославлен будет,
Доблестей оных свет не позабудет.

В славном рожденье лишь дорога к славе,
Славы ж – нисколько, потому не в праве
К низким забавам знатный стремиться,
Не гербом – делом надобно тщиться.

Те же пребудут вечно достославны,
Кто блюл в покое устои державны;
Чтится молвою границ охранитель
И с вероломным соседом воитель⁴⁰.

Одним из наиболее известных памфлетов являлась книга Ш. Старовольского «Реформация польских обычаев». В ней автор, в частности, пишет: «“Ни в одной стране, <...> ни в Московии, ни у татар не может быть такого беззакония, какое у нас, в свободной Речи Посполитой, творится: только у нас вольно каждому чинить, что ему вздумается, в деревнях и в местечках, если они знатного рода или с ватагой бездельников <...>. Где еще, кроме как в вольной Речи Посполитой, творятся столь нередко разбои, грабежи, произвол и насилие?”. Автор приводит в пример прежние времена, когда вольность понималась должным образом: “Прежде вольность поляки хранили так, чтобы своеволья между собой не допускать, чтобы каждый в здравии, достатке и покое жил: чтобы все были равноправны и чтоб один другому не подчинялся и другого не опасался”.

Истинная “свобода без произвола” – это внутрисловное равенство в правах, гарантируемое не законом, но обычаем, выраженном в чувствах дружеской привязанности, любви и братской взаимопомощи. Именно такие взаимоотношения отличали старых поляков от других народов: “Обычно поляки при встрече обнимаются (чего другие народы в обычаях не имеют, даже если состоят в кровном родстве), <...> эта церемония выражает взаимные дружеские чувства, которыми гордятся перед людьми и о сохранении которых заботятся. Еще лет пятнадцать тому назад могли мы насчитать несколько десятков сенаторов, которые жили между собой в искренней дружбе и любви и сообща выступали на защиту отчизны нашей, и чести своей... Теперь и двух в сенате не сыщем, которые бы между собой приятельские чувства сохраняли, а среди шляхты и вовсе такие перевелись»⁴¹.

Уже известный нам М. Рей отношения в верхушке шляхетства, непосредственно причастной к управлению государством, описал менее интеллигентно, но зато более красочно.

⁴⁰ *Сэми Шажинский М.* О шляхетской добродетели // Европейские поэты эпохи Возрождения. – БВЛ. – М., 1974. – С. 401.

⁴¹ *Лескинен М. В.* Указ. соч. – С. 75–76.

Члены тела сердце царем избрали

Члены тела на царство Сердце посадили,
Живот в Сенат, Десницу в Министры снарядили.
Жопа метила в Думу. Министр не дал ходу.
А она пригрозила: «Учиню-де шкodu!»
Тут нужда им приперла. Жопа ни в какую:
«Сами и управляйтесь, я чести взыскую».
Дали ей место в Думе, а министр отныне
Утирать ее должен, хоть и старше в чине⁴².

«Следующим по значению отступлением от старопольских традиций является грех обогащения и корыстолюбия, которого, по мнению Старовольского, предки сарматов были лишены. Он напоминает, что золотые годы Польши назывались так не из-за избытка золота в сундуках, но благодаря доблестям сарматских предков, о которых ныне забывают их потомки, “лихоимство окончательно Польшу погубит”; “теперь у людей достаточно денег, золота с лихвою, но и подлости не занимать... Кто источник дороговизны? Алчные. Кто причиной кровопролития, смуты? Корыстолюбцы...”»⁴³.

«Причины кризиса в Речи Посполитой Ш. Старовольский видит в измене традициям. Жизнь в Польше, согласно его рассуждениям, изменилась в худшую сторону из-за нарушения древнего государственного порядка, “без которого будущи, Польша гибнет и разорению подвергается”. Основой этого порядка были старинные обычаи Речи Посполитой, когда поляки передали право управления государством королю и сенаторам. Со временем, однако, “золотая вольность” стала пониматься как произвол и самовластье, и поляки (шляхта) “пошли сами себе права измысливать, законы устанавливать, власть у короля и сената отнимать, и <...> всю полноту власти и правления себе присвоили, так что король и сенат лишь на словах остались, <...> и сословие шляхетское, вверх взвившись и воспарив на свободе <...> как птица на ветру, не дозволяя разуму обратиться к истине и праву, <...> к порядку и послушанию, решило, что ему дозволено все, что оно задумало и возжелало...”»⁴⁴.

⁴² Европейские поэты эпохи Возрождения. – БВЛ. – М., 1974. – С. 389.

⁴³ Лескинен М. В. Указ. соч. – С. 76–77.

⁴⁴ Там же. – С. 77.

«Стремление экзекуционистского движения ограничить сферу королевских полномочий принижало значение королевских законов, апеллируя к истории до писаного права (1580-е гг. — *Б. Д.*). Через полвека результаты успеха этого движения уже проявились: не средняя шляхта, бывшая инициатором ограничения королевской власти, но аристократия стала независимой, в том числе, и от основной массы дворянства. По сути дела, не шляхту, а именно магнатию Ш. Старовольский упрекает в безнаказанности и своеволии. Следование традиции трактуется автором как возврат к шляхетской демократии, закрепленной в писаном праве; в возврате ее “золотой вольности” видит он единственный способ исправления Речи Посполитой»⁴⁵.

Таким образом, этот представитель средней шляхты (Ш. Старовольский) главными источниками бед Речи Посполитой считает засилье магнатов, ослабление центральной власти в государстве. Его можно было бы «записать» в партию сторонников усиления королевской власти, но одновременно он ратует и за усиление роли сената, составленного из высшего духовенства и тех же магнатов. («В состав сената входили придворные сановники, католические епископы, высшие земские должностные лица: воеводы и каштеляны. Члены сената назначались пожизненно и несли фактически ответственность только перед Речью Посполитой»⁴⁶.) Сенаторы-резиденты вообще были обязаны следить за королем, чтобы он не предпринял шаги, направленные против привилегий шляхетского сословия. То есть, Ш. Старовольский ратует за движение в сторону создания более дееспособной монархии и одновременно усиления роли аристократии, которую сам же упрекает в особой развращенности и в особом удалении от эталона «сармата» даже на фоне всеобщего упадка нравов дворянства. В реальности это привело бы к установлению аристократической республики и окончательному вытеснению мелкой и средней шляхты из политической жизни государства. Тем не менее, условно мы отнесем Ш. Старовольского к «королевской партии», ввиду его особо скептического отношения к «качеству» современной ему магнатирии и ее роли в государстве.

В Польше первой половины XVII в. получили распространение и памфлеты, в которых излагались различные проекты

⁴⁵ Там же. — С. 78.

⁴⁶ *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* Указ. соч. — С. 206.

обустройства и польской колонизации Украины и превращения ее в оплот Речи Посполитой на границе с Московией и Крымским ханством. В контексте борьбы шляхетства против любых попыток королей вернуть себе хотя бы частицу реальной власти обращает на внимание на себя памфлет преподобного Петра Грабовского, настоятеля Парнавского. Это произведение называется «Низовая Польша» и имеет явную «прокоролевскую» направленность.

«Автор “Низовой Польши” желает <...> превратить Украину в огромную пограничную твердыню, путь реализации этой цели он видит в том, что сегодня называется военной колонизацией. Предоставляя в пожизненное пользование или в аренду землю обедневшей шляхте, можно было бы создать польскую колонию в низовых землях, называемую собственно Низовая Польша.

Единственным правителем Низовой Польши был бы король, осуществляющий власть через назначаемых им чиновников. Лишь в период опасности и волнений король назначал бы особого, временного правителя, “гетмана или местоблюстителя”. Граждане Низовой Польши имели бы при королевском дворе своего специального представителя, именуемого “исполнителем”. Колонистами в Низовой Польше были бы не только шляхтичи, но, что более существенно, также мещане и крестьяне. Социальные различия в этих землях колонии не препятствовали бы, по мнению Грабовского, некоторому эгалитаризму среди колонистов, состоящему в том, что король жаловал бы там земельные владения одинакового размера людям одного сословия»⁴⁷.

Памфлет имеет явную антимангатскую направленность: земли на Украине обычно жаловались представителям магнатских родов, они же получали должности старост и других должностных лиц государства, а также управителей королевских имений. Отец Грабовский же предлагает земли передавать безземельной шляхте и крестьянам. Причем все колонисты находятся непосредственно в юрисдикции короля. Таким образом, создается не только щит против татар и москвитов, но и противовес магнатским частным армиям, а королевская власть получает еще одну вооруженную опору, помимо ненадежных казаков, которые, кстати, тоже будут нейтрализованы польскими колонистами.

⁴⁷ *Wojcik Z. Studia z dziejów Rzeczypospolitej Szlacheckiej. // Ukraina w ramach Rzeczypospolitej do połowy XVII w. – Wrocław, 1988. – S. 68–69.*

Стоит только добавить, что ни один проект, выдвинутый польскими публицистами по обустройству Украины, не был реализован. Но сам факт существования памфлетов с перечнем мер, направленных на усиление власти монарха, свидетельствует, что у реальной власти магнатов в Речи Посполитой существовала оппозиция в среде более мелкого шляхетства, обеспокоенного ухудшением своего положения, например, обезземеливания.

Противоречия между магнатами, «партией оберегания вольностей», и, условно говоря, «королевской партией» прослеживаются и в материалах работы сеймов и публицистике того времени.

«Политическая публицистика данной эпохи, правда, вскользь, на полях, называет-таки недостатки парламентской системы шляхетской Речи Посполитой. Самуэль Твардовский из Скшипной в 1640-ом году видит причину бесплодного роспуска двух сеймов (1637 и 1639) во взаимном недоверии между шляхтой и королем. В это время больше всего пасквилей, нацеленных против Оссолинского, на него, между прочим, возлагается вина за недостатки в работе палаты. Второе место с точки зрения количества нападок у самого короля, обвиняемого в желании лишить палату влияния на судьбы страны. Однако же не удается найти призывов к необходимым реформам, или же попыток понять причины недостатков в работе польской парламентской системы»⁴⁸. Что и неудивительно, ибо шляхтич концентрировал свои представления о традиции в идеале общественного и государственного устройства. Поэтому специфика шляхетской традиционности состоит в акцентированности на политическом наследии. Образом этого консерватизма становится государство «сарматов», политической системе которого присуща «золотая шляхетская вольность», передаваемые по наследству честь, гордость и привилегии шляхетского сословия.

Существовало и определенное недоверие между сеймовыми послами и сенаторами: «Кобержицкий <...> считал, что депутаты слишком часто забывают, что сенаторы принадлежат к тому же сословию, что и они, им нет никакого интереса идти против вольностей, а переходя из нижней в высшую па-

⁴⁸ Holdys S. Praktyka parlamentarna za panowanie Wladyslawa IV Wazy. – Wrocław, 1991. – S. 124.

лату, они вовсе не перестают чувствовать себя шляхтичами. В самом деле, депутаты с подозрением относились к “братьям старшим”, о чем свидетельствуют многочисленные высказывания и обвинения. На сейме в 1646-ом году Хшонковский обвинял сенаторов в том, что они одно говорят депутатам в глаза, а совсем другое говорят за глаза. Через несколько дней Корычинский добавил, что это они урезают власть <...> сословия, узурпируя принятие решений по вопросам, к ним не относящимся. Он делает им замечание: “Когда мы представили королю кривды наши, никто из вас не высказался” (то есть не выступил против набора в армию, организованному королем без согласия сейма)⁴⁹.

В заключении своего исследования «Парламентская практика в правление Владислава Четвертого» польская исследовательница Сибилла Холдус пишет: «Проблемы, с которыми боролись сеймы в правление Владислава Четвертого, в значительной степени вытекали из конфликтов, существовавших между королем, магнатами и шляхтой. Причины этих конфликтов кроются в неприятии многими очередных шагов короля, а также в росте самостоятельности магнатских фракций при одновременном нарастании проблем в шляхетском лагере»⁵⁰.

По поводу сложных отношений магнатов и шляхты у Костомарова читаем: «Само собой разумеется, что такая идеальная личная свобода на деле не могла быть достоинством всех в равной степени, потому что не все в равной степени обладали средствами делать то, на что имели право. Этим самодержавным правом в широком размере могли пользоваться только богатые паны “можновладельцы, магнаты”, и действительно были примеры, что польские паны вели самовольно сношения с иностранными владетелями, как независимые государи, держали большое войско и нападали войной на соседние государства, как, например, Мнишки и Вишневецкие на Московское Государство, или Потоцкие и Корецкие на Молдавию. Остальная шляхта, будучи победнее, должна была примыкать к богатым и сильным и угождать им; только по отношению к своим подданным всякий шляхтич был то же, что магнат по отношению к своим, в этом никто не подрывал его могущества. Порабощая себе на самом деле мелкое

⁴⁹ Ibid. – S. 130.

⁵⁰ Ibid. – S. 135.

шляхетство, магнаты не покушались отрицать за ним права, уравнивавшие его с ними самими; напротив, магнаты становились защитниками и охранителями этих прав; а шляхта своей громадой поддерживала магнатов, потому, что получала от них выгоды. И у магнатов, и у шляхты по отношению к королю было единое желание – ограничить власть его и быть как можно от него независимее. Шляхта не боялась магнатов, не считала ни унижением, ни тягостью служить им, потому что такая служба для каждого имела вид свободы: панов было много, следовательно шляхте оставался выбор, и нередко тот, другой, третий пан заискивал расположения шляхты и приобретал ее услуги ценой выгод; притом шляхтич смотрел на богатого и знатного пана все-таки как на своего брата, и чувство этого равенства по правам утешало его, когда бы даже обстоятельство или привычка вынуждали его ползать перед знатной особой. Напротив, король был один, и королевская власть имела значение принудительности; шляхта понимала, что король не свой брат, и если дать ему силу, то с ним нельзя будет торговаться и показывать перед ним достоинство свободного человека, а придется служить ему и повиноваться, когда нет на то ни охоты, ни личной пользы. Поэтому, как ни ограничила в то время шляхта власть короля, а все еще не переставала бояться, чтобы она еще паче не усилилась; страх козней деспотизма беспрестанно тревожил ее, и она старалась не допустить ничего такого, что увеличивало ее опасения. В этом она опиралась на магнатов, как и магнаты опирались на нее, для поддержания своей независимости»⁵¹.

Приведенный выше отрывок, на мой взгляд, требует определенного комментария. Социальное и политическое деление внутри шляхетства было несколько более сложным, чем это представлено у Н. И. Костомарова. Во-первых, это магнаты, пекущиеся о сохранении своей роли полновластных господ в рамках своих владений. Во-вторых, это средняя шляхта, которая политически делилась на несколько групп. Часть из них, действительно, принадлежала к партии какого-нибудь магната, а часть, наиболее здраво и широко мыслящая, принадлежала к «королевской партии», что видно из содержания выше упоминавшихся политических памфлетов. Безусловным лидером «королевской партии» был представитель средней шлях-

⁵¹ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. – М., 1994. – С. 133–134.

ты канцлер Оссолинский. «Он, первый доверенный короля, не принадлежал, однако, к числу знатнейших родов дворянства Речи Посполитой. В сравнении с такими родовитыми лицами, как Радзивилл, он был выскочка. Отец его Збигнев Оссолинский заслужил милость у Сигизмунда Третьего и, хотя был сенатором, а все таки заискивал благосклонность фамилии Радзивиллов. Правда, когда Оссолинские поднялись вверх, напались в Польше генеалоги, доказывавшие, что род Оссолинских чуть ли не современен самому Леху, но это носило характер сомнительности, и все сознавали, что Оссолинские далеко не доросли до Радзивиллов, Любомирских, Вишневецких»⁵². К «королевской партии» следует отнести и значительную часть украинской шляхты, как средней, так и мелкой (см. идеологические установки ее, приведенные в начале настоящей главы по результатам исследования М. В. Лескинен), а также большую часть казацкой старшины, хотя она и не входила в шляхетское сословие, но была по своей экономической и военной мощи примерно равна средней и мелкой шляхте.

Что же касается мелкой шляхты, то она либо находилась на службе магнатов и, отчасти, средней шляхты, либо вообще «деклассировалась», становилась «разбойным элементом», иногда уходила в казаки. Мауриций Хорн относительно положения дел на Украине пишет: «В нападениях на усадьбы своей и чужой шляхты, в разбойничьих рейдах кроме попов большую роль играли представители мелкой украинской шляхты, сведенной на уровень крестьянства, и шляхетской бедноты, лишенной средств к существованию. С другой стороны, из этой категории населения пополнялись шайки, под предлогом расквартирования солдат грабившие города и деревни»⁵³. От себя заметим, что такая же ситуация с мелкой шляхтой была типичной и для других районов Речи Посполитой.

Подводя итог после рассмотрения вопроса о внутриполитической ориентации шляхты Речи Посполитой, отметим, что она делилась на следующие группировки:

- Магнатов и поддерживающих их вассалов и клиентов из числа средней и мелкой шляхты. Магнаты особенно нуждались в поддержке шляхетства в период проведения местных сеймиков, с тем, чтобы инструкции для земских послов на Сейм

⁵² Там же. – С. 154.

⁵³ *Horn M. Walka chłopow czerwonoruskich z wyzyskiem feudalnym w latach 1600-1648. czesc III.* – Warszawa – Wrocław, 1982. – S. 91.

были выработаны с максимальным учетом их интересов. На подкуп шляхты денег они не жалели. Основной заботой магнатории было всемерное ослабление королевской власти и сохранения своей экономической и политической независимости.

- Немногочисленную «королевскую партию», которая состояла из наиболее дальновидных представителей средней шляхты и духовенства (тоже в значительной степени комплектовавшегося из представителей шляхетства), частично из мелкой шляхты (особенно украинской) и казацкой старшины (не имевшей прав шляхетского сословия).

- «Независимого» шляхетства – представителей средней шляхты, озабоченных сохранением своих привилегий и старых порядков в государстве, настроенных одновременно и против магнатов как узурпаторов власти и вольностей дворянских, а также виновников внутренних раздоров и склок в стране и внутри дворянства; и против усиления королевской власти, угрожающей «золотой свободе» этого сословия.

Из этого расклада политических сил видно, что самые слабые позиции были у «королевской партии», постоянно уступавшей под натиском двух других групп.

§2. Внешнеполитическая ориентация шляхетских политических группировок

На какие же внешние силы ориентировались различные группировки внутри шляхетского сословия? Надо сразу отметить, что это очень сложный вопрос и, чтобы ответить на него, необходимо приводить специальное глубокое исследование. Исходя из имеющихся материалов (а именно – общих работ историков), можно сделать только весьма приблизительные выводы относительно проблемы внешнего влияния на внутриполитическую ситуацию в Речи Посполитой начала – середины XVII в.

Во-первых, необходимо отметить, что в это время в Европе бушевала Тридцатилетняя война, и Речь Посполитая так или иначе была втянута в это общеевропейское событие. Во-вторых, в указанный период в Речи Посполитой королями были избраны представители династии Ваза, которые имели виды на шведский трон, что предопределило враждебные отношения между этими двумя странами. В-третьих, Ватикан и Священная Римская империя германской нации (Австрия), а так-

же Венеция пытались сколотить антитурецкую коалицию из европейских христианских держав, и Речь Посполитая играла едва ли не ключевую роль в их планах. В-четвертых, Речь Посполитая имела явного соперника на востоке в борьбе за земли бывшей Киевской Руси в лице Московского государства. В-пятых, Речь Посполитая имела крайне нестабильную ситуацию на своих южных границах из-за постоянных потрясений в Молдавии и Дунайских княжествах. В-шестых, близость Крыма и Ногайской орды тоже не добавляли стабильности на южной и юго-восточной границах Польско-Литовского государства. Такова была, в общих чертах, внешнеполитическая ситуация, складывающаяся вокруг Речи Посполитой в середине XVII в.

Начнем с определения внешнеполитической ориентации королей Польско-Литовского государства. У современных польских авторов в их «Истории Польши» читаем: «Несмотря на неприязнь шляхты к Габсбургам, на протяжении большей части XVII века Австрия была естественным союзником Речи Посполитой»⁵⁴. У В. А. Голобуцкого читаем: «Связи Польши с Габсбургской коалицией, которую она поддерживала во время Тридцатилетней войны, были довольно тесными»⁵⁵. «Новоизбранный польский король Владислав Четвертый не хотел больше мириться с тем поистине унижительным положением, в которое была поставлена королевская власть в Польше, не желал, подобно своему отцу, быть пешкой в руках некоронованных “корольков” — магнатов и стоявших за их спиной Габсбургов. Пользуясь энергичной поддержкой коронного канцлера Юрия Оссолинского, решительного противника магнатской олигархии, и рассчитывая перетянуть на свою сторону средние и низшие слои шляхетства, страдавшие от произвола магнатов, король пытался возобновить борьбу за централизацию Польского государства.

Однако решить этот вопрос без ослабления зависимости Польши от Ватикана, Австрии, Испании и вообще от стран Габсбургской коалиции, поддерживающих магнатскую олигархию в Польше, было невозможно. Это хорошо понимал и король, и канцлер Оссолинский. В Тридцатилетней войне, как сказано выше, Польша примыкала к этой коалиции. Но уже к концу войны, точнее вскоре после избрания Владисла-

⁵⁴ *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* Указ. соч. — С. 220.

⁵⁵ *Голобуцкий В. А.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–1654. — Киев, 1962. — С. 137.

ва Четвертого, довольно отчетливо наметилось сближение ее с антигабсбургской коалицией, в первую очередь с Францией»⁵⁶.

При посредничестве Франции Польша смогла продлить в 1635 г. на 25 лет Альтмарское перемирие со Швецией, за что последняя соглашалась вернуть ей на определенных условиях Восточную Пруссию и пойти на некоторые другие уступки. Вероятно, что именно за эту услугу Владислав Четвертый предоставил Франции право набирать солдат в Польше и на Украине для борьбы с испанскими Габсбургами. Сближение Польши со странами антигабсбургской коалиции привело даже к временному разрыву (с 1642 по 1645 гг.) дипломатических отношений с Ватиканом, привыкшим вмешиваться в ее внутренние дела. Отношения Польши с Австрией нормализовались лишь после того, как последняя, вероятно, по настоянию Ватикана, не желавшего допустить отпадения Польши от Габсбургского блока, вернула ей два силезских княжества – Ратибор и Ополе. Однако Польша, «войдя во вкус» стала добиваться теперь возвращения и всей остальной Силезии, а также Восточной Померании.

У польских авторов по поводу политики Речи Посполитой в означенный выше период времени читаем: «Сейм был против войны, а потому 12 сентября 1635 года в Штумдорфе был заключен мир со Швецией на 26 лет, по которому Польша возвращалась Пруссия, а Ливония оставалась в руках шведов. Претензии Владислава Четвертого на шведский трон обошли молчанием. Швеция получила гораздо больше того, на что могла рассчитывать по результатам военных действий. Девизом доблестных сарматов уже тогда был мир и благополучие. С этого момента Речь Посполитая оказалась вне Тридцатилетней войны, не обращая внимания на подстрекательские жесты с разных сторон в 1635–1645 годах. Брак короля с Цецилией Ренатой (из династии Габсбургов) в 1637 году означал очередное сближение с Австрией. Но переориентация внешней экспансии в юго-восточном направлении не обеспечила Речи Посполитой ни территориальных приобретений, ни международного престижа. Владислав не сумел осуществить создание “Кавалерии Ордена Непорочного Зачатия”, которая могла бы стать своеобразной аристократической партией при короле. <...> Единственным позитивным для Польши результатом со-

⁵⁶ Там же. – С. 75–76.

юза с Габсбургами было укрепление контроля над Пруссией. Лишившись поддержки императора, курфюрст Бранденбурга Фридрих Вильгельм был вынужден в 1641 году принести в Варшаве присягу на верность польскому королю. После смерти первой жены Владислав Четвертый взял в жены в 1644 году Марию Людвику Гонзаго, демонстрируя таким образом изменение внешнеполитических приоритетов Польши в пользу Франции. Это положило начало антитурецким и балканским планам короля: они должны были привести к войне с Турцией, освободить Балканские страны от турецкой зависимости, а король обеспечить укрепление его позиций в Польше. Ключевая роль в этих планах отводилась казакам, и Владислав втайне давал им далеко идущие обещания. Но Европа не проявила интереса к этому проекту, а сейм не желал и думать о войне⁵⁷.

«В 40-х годах Владислав Четвертый обратился за денежной субсидией (в размере 50 тысяч скудий) к папе. Однако святой отец, по вполне понятным мотивам, не обнаружил ни малейшего желания развязать свой кошелек. Король получил категорический отказ, мотивированный ссылкой на оскудение папской казны. Тем не менее, желая сохранить свое влияние в Польше, папская курия нашла для короля другой источник денежных средств. Весной 1645-го года, как известно, вспыхнула война Венеции с Турцией. <...> Стремясь отвести угрозу, нависшую над Аппенинами, Ватикан всячески добиваться заключения союза Венеции с Польшей. Участие Польши в войне против Турции должно было, с одной стороны, помочь Венеции, с другой, — доставить польскому королю средства, в которых он нуждался.

В конце 1645-го года венецианское правительство направило в Варшаву своего посла Джованно Батиста Тьеполо. Последний при поддержке папского нунция в Польше должен был добиться заключения венецианско-польского союза с целью немедленной переброски польского войска на театр военных действий. Современник, молдавский летописец Мирон Костин, проживавший в это время в Баре (Украина), заметил: «Польского короля <...> подстрекали римский папа и венецианцы <...>, которые задумали посорить Польшу с турками»⁵⁸.

По поводу внешнеполитической ориентации магнатов В. А. Голобуцкий однозначно заявляет: «Однако деятельность

⁵⁷ *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* Указ. соч. — С. 226–227.

⁵⁸ *Голобуцкий В. А.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648–1654. — Киев, 1962. — С. 76–77.

короля и его сторонников встречала упорное сопротивление со стороны польских магнатов, опиравшихся на поддержку австрийских Габсбургов и Ватикана. Поэтому Польша так и не смогла до конца Тридцатилетней войны порвать с Габсбургами, оказываясь как бы прикованной к австрийской колеснице»⁵⁹.

У Н. И. Костомарова о коронном канцлере Ю. Оссолинском читаем: «Из приближенных к нему лиц (к королю. — Б. Д.) отличался перед всеми блеском красноречия и репутациею политического человека канцлер Оссолинский. Вся Польша указывала на него, как на соучастника планов Владислава. Еще в 1639-ом году он принял титул князя Римской империи и хотел ввести в Польше орден: поляки не допускали до этого; они тут увидели дурной замысел нарушить уровень республиканской свободы и положить начало такому дворянству, которое было бы одолжено почестями и отличиями не древности рода, не свободному признанию свободною нациею, а милостям государя»⁶⁰.

Попробуем теперь во всем этом разобраться. Картина внешнеполитических влияний на разные дворянские группировки выглядит следующим образом. «Королевская партия» вроде бы находится под влиянием Австрии (даже первый брак Владислава Четвертого прямо подтверждает это), но потом начинает ориентироваться на Францию — врага Австрии. Ватикан, влияние которого на польское правительство традиционно считается в отечественной историографии очень большим (в подтверждение этого тезиса приводится пример Брестской унии и широкий размах деятельности конгрегации «Общества Иисуса» в Речи Посполитой), денег польской короле не дает, и, даже какой-то период времени (1642–1645 гг.) не имеет дипломатических отношений с Речью Посполитой. А мы привыкли считать, что влияние Святого престола в этом государстве является чуть ли не определяющим (контрреформация в Польско-Литовском государстве прошла наиболее полно и удачно). Таким образом, мы можем сделать вывод: польское правительство в своей внешней политике шарахалось из стороны в сторону, большую часть описываемого периода времени ориентируясь на Габсбургов, но потом переметнулось на сторону их противников. Следовательно, «королевскую партию» мы не можем назвать ни проавстрийской,

⁵⁹ Там же. — С. 76.

⁶⁰ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. — М., 1994. — С. 146–147.

ни профранцузской. Во всяком случае, Владислав Четвертый менял союзников, исходя из своих внутривнутриполитических (укрепление королевской власти) потребностей.

Ну, а что же вечные оппоненты королей — магнаты? В. А. Голобуцкий их всех, скопом, относит к «Габсбургской» и, одновременно, к «Ватиканской» партиям. Но современные польские авторы в приведенном выше отрывке говорят нам, что единственными целями и магнатов (их клиентуры и вассалов из числа мелкого среднего шляхетства), и значительной части независимого среднего шляхетства (землян), были сохранение и укрепление режима республики «сарматов» (в ущерб королевской власти) и сохранение личного благополучия, для чего, естественно, был необходим мир. Поэтому Сейм 1646 г. отклонил королевскую пропозицию о необходимости войны с Турцией и, соответственно, наборе армии. Более того, «3-го декабря сейм постановил: не собирать королю чужеземного войска, не употреблять частной печати вместо коронной и литовской, сохранять мир с Турциею и Крымом, не допускать козачков ходить на море, удалить от королевской особы чужеземцев, поручать посольские дела одним только обывателям польским, уменьшить гвардию до 1 200 человек, не устанавливать без воли сейма никаких комиссий о пограничных делах и не входить в союзы с иностранными державами без воли Речи Посполитой.

С этими пунктами пошли к королю. Тут брестокуявский воевода Щавинский произнес такую обличительную речь в глаза королю:

<...> Мы всюду слышим жалобы, проклятия и вздохи убогих людей. Этому причиною иностранцы, окружающие ваше величество: они-то дают вам дурные советы, поживляясь чужим достоянием. Что около вас делается, о том знают прежде в Гамбурге, Любеке, Гданьске, чем в Варшаве. Корень же зла — венецианский посол, который, окончив свою миссию, живет здесь за тем, что старается свалить тягость войны с венецианских плеч на польские. Не дурно припомнить ему изречение одного венецианского сенатора, сказанное чехам, когда последние просили у Венеции помощи против императора: мы не хотим зажигать собственного дома, чтобы пожарным дымом утратить императора. Покорно просим ваше величество удалить от себя иноземцев. Покорно просим, чтобы мы не испытывали бесчинства иноземных солдат, которые в

насмешку хвастают, что скоро укротят нас, шляхту, и посредством удивительной алхимии превратят хлопа в шляхтича, а шляхтича в хлопа.

Король должен был выслушать и такое нравоучение и признал беспрекословно все постановления сейма.

Таким образом, по замечанию Тьеполо, власть у польского короля была не только ограничена, но совсем отнята»⁶¹.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что среди и магнатов и среди независимой шляхты не было четко очерченных партий, поддерживавших политику какой-либо иностранной державы. Полновластные магнаты сами устанавливали связи с тем правительством, с которым их объединял конкретный политический или экономический интерес.

Возникает вопрос: могли ли иностранные правительства влиять на политику Речи Посполитой? Конечно, в определенных рамках, могли. Учитывая специфику парламентской системы Речи Посполитой с ее «либерум вето», можно предположить, что протащить через Сейм нужное решение иностранные агенты вряд ли могли: тогда нужно было бы подкупать всех участников заседания. Это дорого и гарантий успеха нет никаких. Например, Тьеполо так и не смог «выбить» из своего правительства необходимой суммы для нужд «королевской партии», все уже хорошо знали польские порядки, непредсказуемость решений Сейма и слабость королевской власти. Гораздо проще было, используя право «либерум вето», блокировать принятие Сеймом опасных для данного иностранного государства решений. Для этого нужно было бы подкупить всего одного сеймового посла, ну, для приличия, нескольких. Вероятно, именно этой «политической технологией» и пользовались иностранные державы. Во всяком случае, это обходилось гораздо дешевле, чем содержание большой «партии» своих «агентов влияния». По крайней мере, у королей в XVII в. всегда возникали сложности с финансированием военных действий (например, во время войн со Швецией), что, с одной стороны, объясняется нежеланием шляхты и магнатов оплачивать военные расходы, а, с другой стороны, этот предлог (отсутствия у шляхты необходимых средств на оплату кварцяного войска и организацию Посполитого рушения) является хорошим прикрытием для платных иностранных агентов среди сеймовых послов.

⁶¹ Там же. — С. 165.

В приведенном выше отрывке из сочинения Н. И. Костомарова шляхта и магнаты выступают в роли патриотической силы, препятствующей военным планам короля, инспирированным из-за границы (из Ватикана, Вены и Венеции). При этом каждая сторона имеет в виду совсем другое: король желает при помощи иностранных наемников «укоротить» своеволие магнатов, а шляхта, осознавая это, ликвидирует такую опасность подрыва своего исключительного положения в государстве, «рядясь в тогу патриотов». При этом шляхта обеспечивает себе и далее спокойную мирную жизнь – идеал «земянина».

На протяжении XVII в. Речь Посполитая представляет все меньший интерес для иностранных держав – это слабый и ненадежный союзник, у которого отсутствует постоянная армия, дееспособное правительство, а настроение Сейма является не всегда предсказуемым. Хлеб на внешний рынок эта страна представляет исправно, а добиваться большего от нее становится все труднее. Влияние же Святого престола на польские дела не стоит преувеличивать. Конечно, польско-литовская, а, частично, и украинская шляхта придерживается католического вероисповедания в римско-католическом или греко-католическом вариантах. Соответственно, осознавая себя католиками, они должны являться борцами за Веру и интересы Святого престола, но, в связи с тем, что доминирующим направлением «сарматской» идеологии в данный период времени становится идеология «земян», рассмотренная нами выше, а образ рыцаря – борца за веру несколько потускнел, то не будет преувеличением сказать, что религия уже не могла подвинуть подавляющее большинство шляхты на военные подвиги во имя торжества католицизма в Европе.

М. В. Дмитриев в связи с этим пишет: «Когда интересы церкви, интересы Рима и католицизма приходили в противоречие с интересами польско-литовского государства и его господствующего класса, то приоритет всегда отдавался именно государственным, классовым интересам, а не интересам Римского папы и католицизма. Поэтому было бы очень наивно представлять польского короля и его правительство в виде религиозных фанатиков, слепых исполнителей замыслов папской курии, в том числе и в делах веры.

<...> Различия в методах и средствах религиозной политики папства на Востоке объясняются, прежде всего, различием

в масштабах религиозной деятельности между королевской властью и папством. Религиозная политика короля ограничивалась пределами Речи Посполитой и территорией нескольких ближайших государств и была подчинена решению чисто политических задач.

Политика Рима охватывала, без преувеличения, весь тогдашний мир. Причем основной политической задачей было всегда достижение чисто религиозной цели – глобального торжества католицизма. Здесь, наоборот – политика выступает как средство, а религия (католицизм) как конечная цель и объясняется ролью папы, как главы исключительно католического мира, вне которого невозможно существование самого папства»⁶².

В подтверждение своего тезиса М. В. Дмитриев приводит следующие примеры.

«В 1632-ом году королем Владиславом Четвертым были утверждены так называемые «Статьи успокоения народа русского». Это было очень сложное время для польско-литовского католического государства. <...> Внутри кризис между православной и католической ее частями достиг, казалось, предела. Необходимо было любыми средствами как-то разрядить внутривнутриполитическую обстановку. Это было тем более необходимо, что при полном безденежье казны и, следовательно, невозможности набрать на Западе наемные войска для предстоящего похода польской армии к Смоленску единственной массовой боеспособной силой (притом дешевой) в составе польской армии оставались украинские казаки. Без их участия в войне с Россией исход похода под Смоленск мог оказаться под вопросом, а с ним и судьба самой войны. <...> Король в этих условиях был вынужден пойти на крайнюю меру: в «Статьях успокоения народа русского» провозглашалось признание православной метрополии с центром в Киеве и передача православным епархий: Луцкой, Перемышльской и вновь созданной Мстиславской (она была выделена из состава Полоцкого униатского архиепископства). Польский сейм должен был создать комиссию для распределения между православными и униатами церковных владений в других епархиях. Это была со стороны короля необходимая мера, получившая поддержку среди польских сенаторов и правительства. Она обеспечила

⁶² Дмитриев М. В. Брестская уния: предпосылки, обстоятельства, последствия. – Киев, 1990. – С. 26–27.

главное — нормализацию обстановки внутри страны и мобилизацию сил для военных действий во вне»⁶³.

«Единственной силой, выступившей против такой политики, оказался Рим. Через своего нунция в Варшаве Висконти папа решительно протестовал и требовал отмены “Статей...”, указывая на их несовместимость с главной целью — максимальным усилением католицизма. И никакие уговоры, ни посылка в Рим посольства специально по этому вопросу (посольство, кстати, возглавлял влиятельный католический прелат), ни ссылки на жизненные интересы польского католического государства не смогли изменить позиции папской курии. Там, где интересы государства сталкивались с интересами церкви и католической веры — государство, по мнению папы, должно было уступить в пользу веры»⁶⁴.

Польская католическая церковь была не в восторге от принятия унии в 1596 г. Хотя эту меру поддержал папа. Уния необходима была, прежде всего, государству для большей консолидации общества. «С возникновением на православном Востоке новой церковной организации надежды на быстрое окатоличивание со всеми вытекающими из этого благоприятными для польской католической церкви последствиями, исчезли. Параллельная церковная структура Греко-католическая (униатская) церковь подчинялась непосредственно Риму, а не примасу Польши и заполняла церковные вакансии своими собственными ставленниками, а не католическими епископами. Правда, впоследствии представители польских шляхетских фамилий, привлеченные богатыми “хлебами духовными”, тоже стали переходить в унию, занимая все более высокие посты в униатской церковной иерархии, но ведь польская католическая церковь от этого ничего не выигрывала! А тут еще приходилось бороться за оставшиеся православные души со своими греко-католическими конкурентами!

Поэтому неудивительно, что папе в проведении и поддержке унии приходилось опираться не на могучую церковную организацию Польши, а на сравнительно немногочисленную и слабую структуру польского филиала ордена иезуитов. Только иезуиты поддерживали идею унии искренне и даже со страстью, и действительно очень много сделали для ее ре-

⁶³ Там же. — С. 31–32.

⁶⁴ Там же. — С. 33.

ализации. На них фактор польского происхождения влияния не оказывал. Международный орден иезуитов всегда ставил на первое место глобальные интересы католической церкви и национальная принадлежность его членов значения не имела. Главное – конечное торжество католицизма. Именно их усилиями во многом определялся ход подготовки унии»⁶⁵.

«Интересно, что на таком важном соборе (Брестском 1596 г., учредившем унию. – *Б. Д.*) отсутствовали представители официального главы польской католической церкви – примаса Польши Станислава Карнковского. Этот факт говорит о многом»⁶⁶!

Итак, подведем очередной промежуточный итог. Как мне кажется, можно с определенной долей уверенности сказать, что таких уж четко оформленных партий, действовавших в интересах иностранных держав в Речи Посполитой середины XVII в. не наблюдается. «Королевская партия» с канцлером Оссолинским во главе (князем Священной Римской империи германской нации, между прочим) в 1640 гг. поменяла политическую ориентацию на профранцузскую и даже направила казаков в состав французской армии. Магнаты были сами за себя. «Патриотизм» не мешал им, однако, входить в сношения с иностранными правительствами и вести самостоятельную политику, исходя из своих личных сиюминутных выгод. Шляхетство и магнатерия в целом были одержимы одной страстью – не допустить ущемления их привилегий королевской властью, а также сохранением мирных отношений даже с мусульманской Турцией. Рим не мог сильно повлиять ни на короля, ни на шляхту, представлявшую в указанный период скорее собрание сибаритов, чем воинство Христово. Ватикан, как мы увидели, даже с поместной польской католической церковью имел не совсем гладкие отношения в связи с унией 1596 г. Ценность Речи Посполитой как союзника стремилась к нулю. В экстренных случаях влияние на принятие политических решений Сеймом можно было оказать подкупом сравнительно небольших групп сеймовых послов, так как существовал принцип «либерум вето». Более-менее интерес иностранных держав к польским делам просыпался во время элекционных сеймов. Например, после смерти Владислава Четвертого за кандидатуру его брата Карла боролась Авс-

⁶⁵ Там же. – С. 44–45.

⁶⁶ Там же. – С. 60.

трия, а за кандидатуру Сигизмунда-Августа – Франция. Но, поскольку выборы происходили в период войны на Украине, решающим в пользу выбора Сигизмунда-Августа оказалось давление Богдана Хмельницкого «со товарищи», то есть сугубо внутренний фактор, а не позиции мировых держав. Так, по крайней мере, считает В. А. Голобуцкий.

Думаю, не будет преувеличением сказать, что при невыраженности системных, ориентированных на внешние силы, партий в Речи Посполитой в первой половине XVII в., мы вынуждены будем считать польской патриотической партией партию «королевскую», так как она имела стремления, наиболее отвечающие насущным потребностям государства (укрепление централизованной власти в стране), хотя и старалась опереться в своей борьбе на иностранных наемников, деньги других правительств и так далее. Магнатов и значительную часть независимого среднего шляхетства, несмотря на их патриотическую риторику, мы подлинными патриотами назвать не сможем. Следует различать заботу об истинном благе Отечества и борьбу за сохранение своих привилегий и покоя. Эгоизм охранителей «сарматизма», отделявших шляхту от всех остальных сословий государства непреодолимой стеной, их борьба за неизменность этого положения погубит впоследствии независимость и целостность не только Речи Посполитой в совокупности всех ее непольских земель, но и собственно Польшу.

§3. Противоречия между шляхетством различных регионов Речи Посполитой.

Политические группировки в среде казацкой старшины

Как известно, в состав Речи Посполитой входили различные исторические области, со своим, осознающим свое, в широком смысле, своеобразие, населением: Великая Польша, Малая Польша, Мазовия, Куявия, Литва, Украина и другие. Каждый из этих регионов был более или менее самостоятельным территориальным образованием. Соответственно, и шляхетство этих регионов имело свои собственные интересы, иногда отличные от интересов дворянства других земель. Вот, например, что пишет по этому поводу М. В. Дмитриев: «Речь Посполитая была типичным феодальным государством, состоящим из конгломерата слабо связанных между собой отдельных областей. Од-

нако если такие области и были слабо между собой связаны, то внутри каждая область, взятая в отдельности, являла собой достаточно крепкое спаянное единство. В результате каждая область замыкалась в себе, была, в сущности, самодостаточной и родиной тогдашнего человека, родиной с маленькой буквы, была именно область, а не страна, не государство.

Обладая каждая внутренним единством, области значительно рознились между собой по уровню экономического, политического и культурного развития»⁶⁷.

«Единство интересов всех групп господствующего класса редко совпадало. Шляхта отдельных областей Польши: Малой Польши, Великой Польши, Мазовии, Куявии чаще всего отстаивала на собраниях сейма свои местные интересы, предпочитая их общегосударственным»⁶⁸.

Как мы знаем, позицию сеймовых послов на Сейме в Варшаве определяла на местных сеймиках шляхта региона. Большое влияние на ее позицию оказывали местные магнаты. Разные регионы Речи Посполитой контролировали различные магнатские фамилии. Среди малопольских магнатов известны: Тарновские, Мельштыньские, Ярославские, Курозвенцкие, Олесницкие, Кмиты и Тенчинские; из великопольских: Гурки, Шамотульские, Чарнковские, Остророги; из Королевской Пруссии: Бажинские⁶⁹; из Литвы Радзивиллы и Сапег; из Украины: Вишневецкие, Замойские, Конецпольские, Збаражские, Заславские, Потоцкие, Корецкие, Калиновские и др. Между магнатами отношения тем более были не мирными, например, имела место конкуренция за занятие административных должностей в государстве (соответственно, возможность сбора налогов с территорий), и т. д. Борьба между ними подчас разворачивалась нешуточная.

Отсутствие единства между шляхетством разных частей Речи Посполитой проявилось и во время войны на Украине в 1648–1654 гг. По поводу сбора посполитого рушения в 1649 г. новоизбранным королем Яном-Казимиром у Н. И. Костомарова читаем: «Наконец решили, что посполитое рушение необходимо, однако не изо всей Польши. Король находил, что западную полосу королевства нельзя совершенно лишить обороны

⁶⁷ Дмитриев М. В. Брестская уния: предпосылки, обстоятельства, последствия. – Киев, 1990. – С. 11.

⁶⁸ Там же. – С. 9.

⁶⁹ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. Указ. соч. – С. 132.

и потому положил, что с пространства Великой Польши от Балтийского моря до Кракова не следует созывать посполитого рушения. Таким образом, для призыва шляхты из остальных воеводств Речи Посполитой, король выдал третьи вици (оповещение. — *Б. Д.*).

Король после того, в течение пятнадцати дней, дожидаясь в Люблине прибытия войска; но не только посполитое рушение — само регулярное войско и надворные команды панов сходились медленно.

Подати, положенные на уплату жалованья войску, платились неисправно; иные воеводства внесли только часть того, что приходилось на их долю, а другие ничего не внесли; таким образом, войско не было удовлетворено как следует, и это, по замечанию современников, было причиной нескорого сбора войска. Как ни побуждал король полковников и ротмистров поторопиться — они отговаривались неполучением жалованья, следуемого их отрядам. <...>

Посполитое рушение собиралось медленно. Эта медленность казалась тем непростительнее, что уже давно оповещено было всем быть наготове. Шляхтичи сходились на сеймики, толковали, собирались, шли как будто в путешествие. Только ополчения воеводств русского (Червонной Руси), волынского и бельзского (часть Червонной Руси и Польши) приходили скорее в войско, потому что они на опыте извещали, что такое казаки; но и те не знали военных оборотов и при первом случае могли побежать»⁷⁰.

У Костомарова же мы находим и описание совета в коронном войске перед битвой под Пилявцами: «Правда, — сказал на такую речь Добеслав Цехлинский, каштелян чеховский, — нам следует советом, а не оружием, отклонить и сокрушить замыслы мятежников, дать им время одуматься, а висящий над головами их меч доведет их до отчаяния; потеряв надежду на прощение они станут упорнее.

Такому мнению последовали паны, изгнанные из украинских имений: они страшились потерять эти имения навсегда, если восстание усилится.

Не таких мыслей был воинственный Вишневецкий

И я бы согласился с вами, — говорил он, — если бы у козацкой сволочи было столько же совести, сколько дара кра-

⁷⁰ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. — М., 1994. — С. 350–351.

снорения у тех, которые только что передо мной говорили. Но неужели мятежники удовольствуются нашими несчастьями и нашей кровью? Да это просто мечта, а не рассуждение! Уверю вас, начатое дело может окончиться только гибелью одного из неприятелей. <...>

Сторону Вишневецкого поддерживали такие же рубаки, как и он, такие же ненавистники и гонители племени русского. <...>

Но Доминик (Заславский. — *Б. Д.*), личный соперник Вишневецкого, не только принял сторону умеренных, но даже показал особенное сострадание к казакам.

Победа в руках наших, — говорил он, — это так; но какая польза от победы? Если мы истребим казаков, то никто столько не потерпит, как я. Большая часть мятежников состоит из моих холопов; для чего я буду губить своих собственных подданных, когда могу уладить спор с ними мирными средствами? Никогда я этого не сделаю! Тем хорошо так советовать, которые не имеют здесь маетностей; но я что буду делать, истребив их? Сам земли пахать не умею, а милостыни просить стыжусь.

Заславский целые две недели переговаривался с козаками, то посылая к ним условия, то получал от них; а между тем русские, бывшие в польском обозе в качестве драгунов и слуг, то и дело уходили к козакам»⁷¹.

По поводу наличия существенных разногласий в стане шляхетства различных земель Речи Посполитой даже во время войны на Украине, перед лицом грозного врага у Л. В. Заборовского читаем: «Опасный для Польско-Литовского государства характер приобрела борьба различных группировок правящего класса. В 1652–1654-ом годах, в условиях войны, было сорвано два сейма из пяти! Противоречия существовали между позицией феодалов различных районов страны: политическое влияние наиболее агрессивной силы, украинских магнатов и шляхты, слабело; велико- и малопольяне, не затронутые военными действиями, старались решать возникающие проблемы с возможно меньшими жертвами и были более склонны к миру; литовские феодалы ограничивали свое участие в войне подавлением освободительного движения в Белоруссии и борьбой с проникавшими сюда казацкими отрядами, редко выходя за пределы княжества, и проявляли большее стремление к соглашению с Войском Запорожским, надеясь таким

⁷¹ Там же. — С. 258–259.

способом уберечь свои владения. Другой круг противоречий разделял регалистов (сторонников короля) и их оппонентов»⁷².

Таким образом, на основании приведенных выше цитат, мы можем констатировать отсутствие единства и, даже, наличие серьезных конфликтов интересов у шляхетства различных частей Речи Посполитой. Даже перед лицом смертельной опасности, исходившей от восстания на Украине для всей республики «сарматов», представители землевладельческого сословия не могли вполне объединиться для подавления этого выступления. У этой разобщенности шляхты по региональному признаку были как объективные, так и субъективные причины. К объективным причинам мы можем отнести наличие большого разрыва в уровне развития регионов Речи Посполитой и, соответственно, различных экономических интересов у представителей первого сословия различных ее частей; удаленность того или иного региона от места военных действий, отсутствие осознания шляхтой самой возможности распада «самой совершенной республики». К субъективным причинам можно отнести наличие старых обид и счетов в отношениях между магнатами различных регионов государства, именно их вражда определяла позиции сеймовых послов, что приводило к параличу системы управления Речи Посполитой, даже в период тяжелых испытаний, решавших судьбу страны.

Попробуем разобраться теперь в том, какие же политические группы существовали в среде казацкой старшины. Начнем с констатации того факта, что казацья старшина представляла собой верхушку общин реестрового казачества, называемых полками. Ведь, по существу, полк – это не только административная и военная структура, но еще и некая сельская община. Полк обладает всеми основными признаками сельской соседской общины: имеет свою территорию, свои выборные органы управления, как постоянно действующие, так и периодически собираемые (полковое управление и рада); свой собственный суд.

В реестровом казачестве в указанный период времени наблюдается явное имущественное расслоение, фактически власть внутри полков находится в руках ограниченного круга семей и зачастую передается по наследству. Появляется

⁷² Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII века: из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. – М., 1981. – С. 21.

«кадровая» старшина, по своему имущественному положению равная средней и мелкой шляхте. По мере того, как разгоралось пламя войны 1648–1654 гг., население значительной части Украины «показачилось», образовались новые полки (число их в разное время менялось), следовательно, появилась новая старшина, не связанная, зачастую, с традициями «старой» реестровой старшины. Богдан Хмельницкий утвердил большое число командиров «подразделений», которые потом действовали на свой страх и риск, и которые практически невозможно было отличить от печально известных самодельных «загонов». В любом случае война на Украине привела к существенному расширению прослойки казацкой старшины, изменению ее политической ориентации (свою роль сыграла и гибель в боях значительной части «старой» старшины). Одним словом, казацкая старшина и до начала войны 1648–1654 гг. не представляла из себя монолита в политическом смысле, во время же войны спектр ее политических представлений еще более изменился и существенно сдвинулся в сторону уже зарождающегося чисто украинского национализма.

Рассмотрим теперь, какие же группировки в среде казацкой старшины мы можем выделить накануне войны.

Во-первых, это группировка наиболее старой и успешной в экономическом смысле старшины. По своему материальному, а иногда и образовательному уровню она идентична среднему шляхетству; разделяет идеологические установки «земян», то есть комформистски настроена.

Н. И. Костомаров, основываясь на украинских летописях и народных песнях-думах, так описывает позицию Ильяша, хранившего у себя королевский «привилей» на постройку «чаек» для похода на Турцию и Крым: «Увидя, чем кончилась попытка короля, расчел, что паны сильнее короля и угождать надобно им, а не королю, и потому спрятал королевскую привилегию и никому ее не показывал»⁷³. Свою жизненную позицию Ильяш излагает у Костомарова следующим образом: «Мы податей не платим, в войске польском не служим. Лучше нам, начальникам, брать деньги без счету, а дорогие сукна без меры, чем, потакая черни, таскаться по лесам да буеракам, да своим телом комаров, как медведей, кормить»⁷⁴. Позиция Ильяша по отно-

⁷³ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. – М., 1994. – С. 166.

⁷⁴ Там же. – С. 167.

шению к властям государства вполне лояльная: «Не верьте новизне, а держитесь старины, — говорил он, — лучше для вас будет. Не слушайте толков: прикажут идти в поход в Крым или на море — пойдете, а не прикажут — должны повиноваться»⁷⁵. Таким образом, мы смело можем причислить Ильяша и других подобных ему представителей старшины, к категории типичных «землян», хотя и казаков. Также у В. А. Голобуцкого читаем: «Л. Кубаля, ссылаясь на рукопись из библиотеки Оссолинских, утверждает, что до гетманов (Потоцкого и Калиновского) стала доходить молва, что Б. Хмельницкий втайне “бунтует” казаков. Барабаш и Ильяш донесли на Хмельницкого польским властям на Украине. Польский историк Чарновский пишет, что Барабаш “уведомил сенаторов (магнатов. — В. Г.) об опасности всеобщего восстания”»⁷⁶. Эта группа старшины была уничтожена восставшими реестровыми казаками во время их похода отдельным отрядом по Днепру на соединение с основными силами польской армии у Жовтых Вод: «Заревела возмущенная толпа и бросилась на старшин; <...> шляхтичей изрубили или побросали в воду; такую участь получили и козаки, замеченные прежде в верности панству: Гурский, Вадовский, Олесью, Каленяка, Нестеренко, Гайдученко. Старшой в то время спал под камышом в лодке. <...> Один козак, крещеный татарин Филон Джеджалий, проколол его копьем и бросил в воду. Были тот старшой Барабаш или Ильяш Караимович, или Вадовский — все равно: тогда они погибли все трое»⁷⁷. Таким образом, группировка старшины лояльная Речи Посполитой, в смысле шляхетской республики, была разгромлена и перестала существовать в 1648 г. Руководящую роль в украинском национальном движении приняла на себя более широкая, лояльная скорее королевской власти, а не «республике сарматов» группировка казацкой старшины с сотником Богданом Хмельницким во главе. Его политическую платформу в начале войны хорошо, на наш взгляд, описывает Н. И. Костомаров: «Хмельницкому представилось удобное время заставить польскую аристократию глубоко почувствовать тяжесть мщения русского народа и силу его. Поэтому он с шестьюдесятью козаками, разослал списки зазывного универсала ко всем южноруссам, обитающим

⁷⁵ Там же. — С. 166.

⁷⁶ Голобуцкий В. А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648–1654. — Киев, 1962. — С. 86–87.

⁷⁷ Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. — М., 1994. — С. 194.

по обе стороны Днепра, извещал, что война поднята не против короля, и приглашал всех, умеющих владеть оружием, прибывать, во всем вооружении, на добрых конях, под Белую Церковь. Этот универсал неизвестен в подлинном виде: тот, который обыкновенно выдается за сочиненный Хмельницким, очевидно, подделка или искажение подлинника. Народ был слишком подготовлен к восстанию ненавистью к римскому католицизму и лядскому панству; а некоторые ради одной надежды на грабеж спешили в Белую Церковь.

Но сам Хмельницкий не прочь был от дипломатического примирения с поляками на выгодных условиях. В половине июня (1648 г. — *Б. Д.*) он отправил в Варшаву депутацию из четырех старшин: Вешняка, Мозыри, Богдарбута и писаря Петрашенка, с извинительным письмом к королю, как бы не зная еще о его смерти»⁷⁸.

«Таким образом, Хмельницкий в одно и то же время и подвигал народ против поляков, и искал оправдания у польского правительства. Такая обоюдность стала с тех пор отличительной чертою его действий политических и была причиною многих его успехов и неудач. Русские летописцы называют ее благоразумием, поляки — коварством. Но такие поступки Хмельницкого вытекали из того, что в Речи Посполитой сбились между собою понятия о правительстве и аристократии. Хмельницкий хотел быть врагом панства, но отнюдь не польской нации и не польского правительства, а вся польская нация управлялась панам»⁷⁹.

«В это время (после Корсуньской битвы. — *Б. Д.*) Хмельницкий мог бы вдоль и поперек перейти не только всю Украину, а и Белорусь, Литву и самую Польшу и не встретил бы сколько-нибудь серьезного сопротивления; словно возмущенное море поднялось бы вокруг него угнетенное холопство, крестьянство, чтобы положить конец господству шляхты. <...> Но Хмельницкий в то время не интересовался такими перспективами: его и без того тревожило, что он так сильно оскорбил “маестат Речи Посполитой” (величие польского государства), и правительство вместо того, чтобы благожелательно уладить казачий вопрос, приложит все усилия к тому, чтобы задавить казачество»⁸⁰.

⁷⁸ Там же. — С. 212–213.

⁷⁹ Там же. — С. 215.

⁸⁰ Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. — М., 2001. — С. 295–296.

Хотя В. А. Голобуцкий и утверждал в своих работах, что Богдан Хмельницкий всегда, то есть даже еще задолго до начала своего выступления, только и думал, как бы освободить от национального и религиозного гнета украинский народ, воссоединив его с Московским государством, нам представляется, что Хмельницкий и его ближайшие сподвижники из числа казацкой старшины имели четкую ориентацию на варшавский королевский двор. Это подтверждается специфическими действиями его во время войны: он приказывает снять осаду за выкуп с королевского города Львова, позволяет миновать пленения королю Яну-Казимиру во время сражения под Зборовым и т. д. И только под давлением широких масс, примкнувших к его выступлению, «новой» старшины из числа вчерашних крестьян и мещан под влиянием православной иерархии, и с учетом того обстоятельства, что ожесточение между двумя противоборствующими сторонами достигло того предела, когда заключение удовлетворительного договора уже не могло быть достигнуто и, кроме того, Украина первая стала не выдерживать разорения войной, Богдан Хмельницкий «с товарищи» начал постепенный дрейф в сторону непримиримого украинского национализма. Кончилось это включением левобережной Украины в состав России со скорой утратой независимого положения казацкой старшиной. Особенно нужно отметить, что «новая» старшина ранее, зачастую, не была включена в состав реестровой казацкой корпорации и, следовательно, не имела особого опыта службы Речи Посполитой, а, следовательно, и особого пиетета перед этим государством.

Все эти обстоятельства в совокупности и предопределили дрейф «прокоролевской» старшины в сторону полного неприятия нахождения Украины в составе Речи Посполитой, то есть в сторону нарождающегося собственно украинского национализма и сепаратизма.

Подводя итог всему вышеприведенному, постараемся сделать вывод о политических пристрастиях шляхетства и казацкой старшины Речи Посполитой в первой половине XVII в.

Во-первых, шляхетство даже собственно польских земель не было монолитным даже на уровне идеологии. Причем достаточно отчетливо прослеживаются следующие группы со своими идейными установками: магнаты, озабоченные лишь

сохранением и упрочением, в ущерб центральной власти, своей независимости и могущества; их вассалы их числа средней шляхты, обязанные в силу феодальной присяги во всем поддерживать своих сюзеренов, и клиентелла магнатов из числа мелкой шляхты, состоящая, так или иначе, на их содержании; среднее независимое шляхетство, хранители «рыцарской» традиции (число их постоянно сокращается в XVII в.); среднее независимое шляхетство «земяне»-сибариты-помещики, озабоченные лишь своим материальным благополучием и сохранением покоя; наконец, разорившаяся мелкая шляхта – горючий материал всех смут и политических потрясений.

Во-вторых, шляхетство Речи Посполитой делится по национальному и религиозному признакам. Причем, особо стоит выделить украинскую шляхту, ту ее часть, которая сохранила верность традиционному православию. Имела она и определенные отличия в понимании общешляхетской идеологии – «сарматизма».

В-третьих, по отношению к идее большей централизации государства (больших полномочий монарха) шляхетство также делилось на две «партии». Безусловное большинство (магнаты, их вассалы и клиентелла; большинство независимых «рыцарей» и «земян») поддерживали партию экзекуционистов – сторонников безусловного сохранения шляхетских вольностей и дальнейшего ограничения королевской власти. Меньшинство средней шляхты, украинская шляхта и казачья старшина были сторонниками большей централизации государства (регалисты).

В-четвертых, существенные разногласия имелись и между шляхетством различных исторических областей Речи Посполитой, что весьма ярко проявилось во время событий 1648–1654 гг. На позицию шляхты регионов существенным образом влияли отношения между магнатами, эти регионы контролирующими.

В-пятых, влияние извне на политические процессы, протекавшие в Речи Посполитой в первой половине XVII в., не стоит преувеличивать, так как управлять Сеймом было крайне затруднительно, но возможно было заблокировать не выгодные какой-либо державе решения. Влияние Святого престола на внутреннюю и внешнюю политику тоже было ограничено, хотя Речь Посполитую и называют оплотом католицизма на Востоке.

В-шестых, верхушка казачества – старшина также может быть условно разделена на две партии: «земянскую» (конформист-

скую) и «королевскую». В начале выступления Богдана Хмельницкого «земянская» партия была уничтожена восставшими, а «королевская», постепенно размытая новым «националистическим украинским» элементом, постоянно дрейфовала в сторону независимости от Польско-Литовского государства, что закончилось присоединением Украины к Московскому государству.

Следует обратить внимание и на то, что к середине XVII в. в дворянстве Речи Посполитой назрели два очень серьезных конфликта: между идеальным образом шляхтича и его реальным воплощением, что, в свою очередь, привело к всеобщему раздражению в среде шляхты и, по выражению Т. Гоббса, «войне всех против всех», то есть ко второму конфликту – сильнейшей конфронтации внутри первого сословия. Старые механизмы сдерживания конфликтов между представителями шляхетства (политические, юридические, идеологические) уже практически не работали, не отвечали современным условиям.

Единая нация даже в рамках собственно польских земель складывалась медленно, так как идеология «сарматизма» провозглашала национальную исключительность шляхты, дополнительно замедляла этот процесс.

Таким образом, перед нами возникает крайне сложная и запутанная картина идеологических предпочтений и политических ориентаций шляхетства Речи Посполитой в первой половине XVII в. Один и тот же дворянин мог состоять в политических группировках «различного профиля», как территориальных, национальных, религиозно-политических, так и в «прокоролевской», или «антикоролевской», принадлежать к какой-либо магнатской группировке, иметь различные предпочтения в смысле внешнеполитической ориентации, наконец, быть «рыцарем» или «земянином».

Одним словом, перед нами республика свободных людей – «сарматов», порядки в которой чем-то, действительно, напоминают уже отдаленные времена «военной демократии», присущие эпохе сарматов подлинных.

Как могло существовать такое государство с такой идеологией правящего сословия в Европе в XVII и, даже, XVIII в., с нашей точки зрения, – факт удивительный. Видно, «сарматы» не без основания заявляли, что «Бог желал сохранить Польшу способами сверхъестественными и чудесными...»⁸¹.

⁸¹ Лескинен М. В. Указ. соч. – С. 78.

ГЛАВА 3

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И «УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

§1. Политика российского правительства в отношении Речи Посполитой и ее украинских земель в первой половине XVII в.

В данной главе мы очень кратко коснемся проблемы отношения правительства России к событиям, происходившим на территории Украины в первой половине XVII в., его интерпретации этих событий.

В начале кратко упомянем историю создания Посольского приказа. Именно этому органу российского правительства, наряду с Боярской Думой, принадлежала главенствующая роль в определении внешней политики Московского государства в указанный период. Я бы даже сказал, что российское правительство видело окружающий Россию мир глазами служащих Посольского приказа. Через это учреждение проходила основная информация о событиях, имевших место быть в других государствах в XVI–XVII вв., а также именно здесь формировалось первоначальное мнение о значении и сущности этих событий.

Общепринятой датой образования Посольского приказа является 1549 г. «Есть, однако, основания полагать, что Посольский приказ как государственное учреждение существовал и ранее»¹.

Каковы же были функции этого учреждения и, особенно его руководителей, как они сложились к началу XVII в.? «Сохранившиеся посольские книги позволяют выяснить первоначальные функции думного посольского дьяка. Во второй половине XVI века думные посольские дьяки принимали привезенные послами грамоты; вели предварительные переговоры; присутствовали на приемах иностранных дипломатов; проверяли приготовленные списки ответных грамот; составляли указы российским дипломатам, отправляемым за границу; и приставам для встречи иностранных послов; знакомились с отчетами российских послов, вернувшихся после выполнения дипломатической миссии на родину. Более того, присутствуя при “сидении” государя с боярами, они в случае несогласия

¹ Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано.... – М., 2002. – С. 17.

с решением вопроса по своему ведомству высказывали собственное мнение. Замена главы Посольского приказа подчас была связана с переменами во внешнеполитическом курсе.

К компетенции Посольского приказа, кроме дипломатических отношений, относились: проживавшие в России иноземные купцы и ремесленники; поселившиеся в России татары; московские слободы, заселенные иностранцами; дворы для приема послов; выкуп пленных, а также отдельные поручения. Так, под его управлением состояли именитые люди Строгановы, купцы и промышленники, участвовавшие в освоении Сибири; несколько крупных монастырей.

К началу XVII в. Посольский приказ прошел значительный путь в своем развитии. Происходившие в нем изменения отражали общий процесс становления и укрепления Русского централизованного государства. В XVII в. эволюция протекала в рамках трансформации форм государственного управления от сословно-представительной монархии к абсолютизму»².

С каким же государством Россия имела наиболее интенсивные дипломатические отношения в первой половине XVII в.? Ведь Московское государство поддерживало, в той или иной степени, дипломатические отношения со многими странами как Запада, так и Востока. У Н. М. Рогожина мы находим однозначный вывод: «В XVII веке внешнеполитический курс России ориентировался в большей степени на Западную Европу, что убедительно подтверждается делопроизводством Посольского приказа»³. Далее он констатирует следующий факт: «Самая активная динамика международных контактов в XVII веке была у России с Речью Посполитой. На протяжении столетий Россия и Польша, являясь соседями, поддерживали между собой оживленные контакты. Отношения между этими двумя державами зачастую были напряженными: постоянные пограничные споры, выливавшиеся в кровопролитные войны, разница в вероисповедании – все это препятствовало сближению государств. Тем не менее, именно Польша была наиболее активным дипломатическим партнером России.

Отношения между Россией и Польшей в начале XVII века имели свою специфику: периоды, когда державы были близки к заключению военного союза и даже унии, сменялись

² Там же. – С. 17–18.

³ Там же. – С. 19.

конфронтацией и боевыми действиями. Столь тесные связи с Польшей привели к тому, что в годы Смуты, когда устои Российского государства подверглись серьезным испытаниям, именно из “латинствующей” Польши в силу ее географической, этнической и языковой близости Москва заимствовала отдельные элементы европейской культуры»⁴.

«Вектор и динамику распространения внешнеполитических связей России легко проследить по <...> количеству посольских книг, которые отложились в архиве Посольского приказа. В XVI веке «крымских» посольских книг (т. е. книг по связям России с Крымским ханством) было 21, в XVII веке их стало на 61 больше; “польских” было 25, а стало – 231; “ногайских” было 10, в XVII столетии прибавилось только 2; зато “шведских” было 7, а стало – 122 и т. д. <...> Из 610 посольских книг по связям России с иностранными государствами конца XV – начала XVIII веков 256 посвящены русско-польским связям (для сравнения: за этот же период по нисходящей следуют 129 посольских книг по связям России со Швецией, 82 книги – по связям с Крымским ханством и т. д.)»⁵. В архиве Посольского приказа откладывались вообще все документы по внешним отношениям. Периодически служащими составлялись описи хранящихся документов. Известны, по крайней мере, описи 1614, 1626, 1632, 1654, 1673, 1680 и 1687 гг. «По количеству документов на первом месте стоят польско-литовские дела. В описи 1673-го года их отмечено около 2100, из них примерно 1400 относятся ко второй половине XVII века»⁶.

Действительно, приведенные выше цифры из работы Н. М. Рогожина ясно и недвусмысленно свидетельствуют о большой степени интереса российского правительства и его внешнеполитического ведомства к отношениям с Речью Посполитой, а, следовательно, и к сбору информации о внутреннем и внешнеполитическом положении этого государства (в контексте общеевропейской политической ситуации). Информацию такого рода собирали послы, гонцы и другие служащие Посольского приказа. Помимо этого, практически все подданные московского царя, кто посещал Речь Посполитую, писали донесения о том, что наблюдали сами или слышали от дру-

⁴ Там же. – С. 19.

⁵ *Рогожин Н. М.* Посольский приказ колыбель российской дипломатии. – М., 2003. – С. 28.

⁶ Там же. – С. 162.

гих людей во время своего пребывания за рубежом. Весьма тщательно собирали информацию о событиях и настроениях в Речи Посполитой воеводы порубежных российских городов. В РГАДА хранится большое количество их отписок в Посольский приказ. В частности, опубликовано достаточно много такого рода материалов в издании «Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах». Издание это было приурочено к празднованию трехсотлетия вышеупомянутого воссоединения. С тех пор столь масштабной публикации исторических источников по истории взаимоотношений России с Речью Посполитой и Украиной в XVII в. не предпринималось. Примером письменного источника, характеризующего ту степень внимания, с которой относились в российских правительственных органах к любой информации из-за польских рубежей, особенно о событиях и настроениях на Украине, может служить документ № 116 из указанного выше сборника: «1638 марта 13 – Расспросные речи в путивльской съезжей избе запорожских казаков, бежавших в Россию, о разгроме казаками отряда С. Лаца, о переходе 2500 украинцев на Дон, о притеснениях чинимых на Украине польскими властями, о расквартировании в левобережных украинских городах польских жолнеров и немецких наемных солдат»⁷. Примером отписки воеводы об организации шпионской деятельности служит документ № 123: «1638 апреля 16. Из отписки брянского воеводы И. Головина в Посольский приказ о посылке в город Бор брянских купцов для торговли и для собирания сведений о положении на Украине. (Пушкарь Офонька Беляев и стрелец Максимка Бухтев – торговые люди)»⁸. К тому же типу документов относится и документ № 163: «1639 мая 17. Из отписки путивльского воеводы Г. Пушкина в Посольский приказ о возобновлении польской шляхтой строительства крепости Кодак и о других вестях с Украины»⁹.

Необходимо отметить, что Россия вплоть до начала XVIII в. не имела своих постоянных дипломатических представительств за рубежом. Их организацией занялся только не долго до своей смерти глава Посольского приказа Ф. А. Головин (ум. в 1706 г.). Соответственно, Россия не имела в Речи По-

⁷ Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах. – М., 1954. – Т. 1. – Документ № 116. – С. 193.

⁸ Там же. – Документ № 123. – С. 207.

⁹ Там же. – Документ № 163. – С. 274–275.

сполитой своей постоянной агентуры, ее правительственным органам приходилось довольствоваться только отрывочными и довольно бессистемными сведениями, собираемыми воеводами, послами, торговыми людьми; добытыми путем опроса переребечиков из числа запорожских казаков и других жителей Малороссии, опроса православных духовных лиц, приезжающих в Россию из Украины, или прибывших через нее и т. д.

Такой повышенный интерес российского правительства к Речи Посполитой вообще и к ее составной части – Украине связан с таким приоритетом отечественной внешней политики, как установка на то, что именно Москва является правопреемницей Киевской Руси. И Московским царям необходимо было собрать все земли, некогда входившие в Древнерусское государство, «под свою высокую руку». Главным соперником на пути реализации этой задачи стояла Речь Посполитая, в состав которой входили земли Белой Руси (составная часть Великого княжества Литовского) и Малороссии (составная часть Короны, то есть, собственно, Польши (после Люблинской унии 1569 г.)). Подливало масла в огонь и религиозное противостояние Москвы и Варшавы (столица Польши с 1596 г.).

Именно таким образом определяли цели и задачи внешней политики России в годы правления первых двух царей новой династии классики отечественной исторической мысли (хотя они иногда и расходились в деталях).

У В. О. Ключевского в этой связи читаем: «Как только стало завершаться политическое объединение Великороссии, тотчас выяснились дальнейшие задачи внешней политики. Великий князь Иван Третий, подбирая последние самостоятельные русские миры, в то же время заявил в борьбе с Польшей, что объединенная Великороссия не положит оружия, пока не воротит всех остальных частей Русской земли, оторванных соседями, пока не соберет всей народности. Внук его, царь Иван, стремился распространить территорию Русского государства до естественных географических границ Русской равнины, занятых враждебными иноплеменниками. Так были поставлены на очередь две задачи внешней политики: завершение политического объединения русской народности и расширение государственной территории до пределов Русской равнины»¹⁰.

¹⁰ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. – М., 2001. – Т. 2. – С. 238.

После Смуты российское правительство новой династии вернулось к этой политической доктрине Рюриковичей. «С первого царствования она и ведет ряд войн, имевших целью отстоять то, чем она владела, или воротить то, что было потеряно. Народное напряжение усиливалось еще тем, что эти войны, по происхождению своему оборонительные, сами собою, незаметно, помимо воли московских политиков, превратились в наступательные, в прямое продолжение объединительной политики прежней династии, в борьбу за такие части Русской земли, которыми Московское государство еще не владело дотоле»¹¹.

С. Ф. Платонов пишет по этому же поводу: «...назрел и внешнеполитический вопрос, исторически очень важный, – вопрос о Малороссии. <...> До сих пор Литва и Польша играли в отношении к Руси наступательную роль; с этих пор она переходит к Москве»¹² (имеется в виду время конца первого – начала второго царствования династии Романовых).

В. О. Ключевский не вполне согласен с С. Ф. Платоновым в оценке приоритетов Российской политики в отношении Речи Посполитой в 1630-е – первой половине 1640-х гг.: «Трудно сказать, предвидели ли в Москве это восстание (Богдана Хмельницкого 1648–1654 гг. – *Б. Д.*) и необходимость волей-неволей в него вмешаться. Там не спускали глаз со Смоленской и Северной земли и после неудачной войны 1632–1634 гг. исподтишка готовились при случае поправить неудачу. Малороссия лежала еще далеко за горизонтом московской политики, да и память о черкасах Лисовского и Сапеги была еще довольно свежа. Правда, из Киева засылали в Москву с заявлениями о готовности служить православному московскому государю, даже с челобитьем к нему взять Малороссию под свою высокую руку, ибо им, православным малороссийским людям, кроме государя, деться негде. В Москве осторожно отвечали, что, когда от поляков утешение в вере будет, тогда государь и подумает, как бы веру православную от еретиков извратить»¹³.

Особо хочется отметить высказывание В. О. Ключевского относительно «памяти о черкасах Лисовского и Сапеги». Во время Смуты, да и после нее, «черкасы», то есть запорожские казаки, проявили себя таким «братским народом» и «борцами

¹¹ Там же. – С. 239.

¹² Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. – Ростов н/Д., 2002. – С. 237.

¹³ Ключевский В. О. Указ. соч. – С. 262.

за православную веру» на территории Московского государства, что память о них, действительно, осталась надолго. Безусловно, эти воспоминания весьма охлаждали желания российского правительства ввязываться в борьбу за Малороссию с Речью Посполитой. О деятельности запорожцев в это время у Б. Н. Флори читаем: «Так, в письме кн. Романа Ружинского Сигизмунду Третьему от 27-го февраля 1610-го года встречаем упоминание о жалобах бояр и “патриарха” на действия запорожцев, разоряющих Зубцовский уезд, в то время как жители Зубцова больше других расположены к королю»¹⁴.

«Во второй половине марта (1610 г. — Б. Д.) военные действия развернулись вокруг главных городов Северной земли. Самуил Горноста́й, подкоморий киевский, набрав отряд, сжег Чернигов, а отряд Запорожского 25-го марта взял Почеп. Запорожский сообщал, что штурм продолжался до самого вечера, крепость была полностью разрушена. Погибло около 3000 посадских людей и крестьян из округи, около 2000 стало добычей казаков. Запорожскому удалось спасти лишь сдавшихся воевод Почепы и священников. Обеспокоенный происходящим Запорожский просил, чтобы гетман воздействовал на казаков, “чтобы его слушали и убийств таких не чинили”»¹⁵.

«Хотя пушки в конце концов были поставлены, обстрел крепости не начинали, ожидая прихода казаков. Когда казаки, наконец, прибыли, их оказалось гораздо меньше, чем ожидалось: часть погибла в боях за Брянск, часть с дороги ушла грабить окрестные села. У осаждающих, как видим, вплоть до середины июля 1610-го года не было никаких реальных возможностей для того, чтобы силой овладеть Смоленском»¹⁶.

«С приходом казаков трудности сразу не исчезли. Казаки были готовы лезть по лестницам на стены, но требовали отдать им город на разграбление, и военачальники были вынуждены согласиться на это»¹⁷. Вообще же штурму Смоленска запорожцы «предпочитали грабить деревни в районе Брянска»¹⁸.

С. Ф. Платонов отмечает, что и после завершения Смуты в Московском государстве, в первые годы правления царя Михаила (Михалека, как называли его поляки), «польские шай-

¹⁴ Флоря Б. Н. Польско-Литовская интервенция в России и русское общество. — М., 2005. — С. 117.

¹⁵ Там же. — С. 142.

¹⁶ Там же. — С. 147.

¹⁷ Там же. — С. 250.

¹⁸ Там же. — С. 250.

ки (иррегулярные) делали постоянно набег на русские, даже северные области, воюя Русскую землю “проходом”, как метко выражается летопись; точно так же поступали и малороссийские казаки, или черкасы»¹⁹.

Таким образом, как мы видим, повод для тяжких раздумий по поводу политики по отношению к Малороссии и к запорожскому казачеству, в частности, у московского правительства, был. Трудно было решить что-то определенное в отношении того, как относиться к этим борцам за православие на Украине и насколько безопасно для государства иметь таких подданных, ведь и со своими донскими, терскими и волжскими казаками хватало хлопот у российского правительства. Другое дело – Смоленщина и Белая Русь. За них стоит и воевать.

Хотя периодически из украинских земель в Москву и прибывали эмиссары от различных малороссийских деятелей (светских и церковных) с просьбами взять под покровительство то запорожское казачество, то весь народ Малороссии, российскому правительству было крайне затруднительно определить, насколько влиятельны персоны, пославшие этих челобитчиков. Как уже упоминалось выше, сбор информации о состоянии дел в Речи Посполитой, вообще, и на Украине, в частности, был далеко не на высоте в первой половине XVII в.

Например: «26-го февраля 1620-го года в Москву прибыли посланцы гетмана П. Сагайдачного Петр Одинец “с товарищи”. Принятые боярами Посольского приказа, они заявили: “прислали их все Запорожское Войско, гетман Саадачной с товарищи, бити челом государю, объявляя свою службу, что оне все хотят ему, великому государю, служить головами по-прежнему, как оне служили великим прежним российским государям, и в их государских повелениях были”»²⁰.

Нам остается только отметить здоровый цинизм гетмана П. Сагайдачного, памятуя о вышеприведенных отрывках из работы Б. Н. Флори и том факте, что совсем недавно, в 1618 г., вышепоименованный гетман возглавлял войско запорожцев, участвовавших в походе королевича Владислава на Москву.

«Через пять лет, в начале 1625-го года, во время восстания под предводительством Жмайла, в Москву было отправлено посольство из восьми человек во главе с полковником И. Ги-

¹⁹ Платонов С. Ф. Указ. соч. – С. 215–216.

²⁰ Голубуцкий В. А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. – Киев, 1962. – С. 63.

рей “з граматами” на имя царя. Некоторый свет на содержание этих грамот, которые не сохранились, проливают показания священника Филиппа в Посольском приказе. По его словам, восставшие намеревались просить, чтобы царь “пожаловал их всех, велел им помочь учинить своими государевыми людьми на поляков. И они де козаки станут служить тебе, государю, и города литовские станут очищать в твое государево имя”»²¹.

Московское правительство, видимо, ясно отдавало себе отчет в том, что в лице запорожских казаков оно имеет дело с крайне неустойчивой, легко поднимаемой на бунт, массой. В XVII в., называемым в отечественной историографии «бунташным», в плане обеспечения внутригосударственного спокойствия и без малороссийского казачества в России хлопот было достаточно. Кроме всего прочего, было весьма хорошо известно и о том, насколько легко запорожцы относятся к присяге. Как было принято в отечественной политике той эпохи, московское правительство решило ни в коем случае не форсировать ход событий в отношении установления тесных контактов с запорожцами. Вместе с тем Украине в трудные периоды оказывалась некая экономическая помощь, поддерживались связи с украинским православным духовенством, а главное, собиралась информация о действительном положении дел на Украине. Кроме того, переходящим из Речи Посполитой малороссам и казакам предоставлялась возможность поселиться в пределах России (территория, так называемой Слободской Украины, более или менее совпадающая с территорией современной Харьковской области). Отметим в этой связи, что переход границы между Россией и Речью Посполитой происходил в обоих направлениях. Часть малороссов, пожив в России, возвращалась обратно, так как ввиду административного беспорядка в польско-литовском государстве там, на землях Украины, можно было сравнительно легко уклоняться и от закрепощения, и от уплаты налогов. В России же со сбором налогов дело обстояло куда жестче.

Упомянутое выше украинское духовенство также присылало в Россию своих эмиссаров. Например, в 1625 г. «в Москву прибыл посланец киевского митрополита Иова Борецкого <...> луцкий епископ Исаакий Борискович. <...> Как видно из записи беседы боярина Черкаского и дьяка Грамотина с Бо-

²¹ Там же. — С. 63.

рисковичем в Москве от 14-го января 1625-го года, последний приехал “с представлением государю царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету <...> о принятии Малороссии и запорожских казаков в покровительство”»²².

Таким образом, перед российским правительством вставал еще один трудноразрешимый вопрос: а кого, собственно считать, выражаясь современным языком, «единственным законным представителем малороссийского народа», с кем можно вести переговоры о присоединении Малороссии к России? Подчеркиваю, что только так мог стоять вопрос: именно о присоединении Украины (Малороссии) к России. Ведь, как было показано выше, целью политики московского государства было включение в себя всех земель, некогда входивших в состав Древнерусского государства (Киевской Руси), то есть их простое поглощение. Позднее, для вящего обоснования главенства в славянском мире Великорусского православного государства, будет изменена даже официальная историософская концепция возникновения и развития государства у восточных славян. Для достижения этой цели был создан Летописный Свод 1650 г.

В. И. Вышегородцев по этому поводу пишет: «Этот памятник историографии был создан в среде “боголюбцев” при активном участии митрополита Никона и справщиков Печатного двора. Почти третья часть его содержания посвящается обоснованию идеи тысячелетнего существования христианства на Руси, начиная с деятельности Андрея Первозванного, принесшего свет христианской веры не только в Киев, но и в Новгород. Впервые вводится понятие о “четырёхкратном” крещении Руси, акцентируется внимание на борьбе с ересями, подчеркивается значение Новгорода и Москвы как религиозных и государственных центров славянства. Совершенно по-другому была изложена древнейшая история славянства и России в историко-этнографическом введении, заменившем традиционное летописное вступление из “Повести временных лет”. На старые вопросы о начале русской земли, народа и государства были найдены новые ответы, содержание которых дает представление о громадных изменениях в сознании общества. Позаимствовав из украинской и польской историографии новые приемы изложения материала, составители Сво-

²² Там же. – С. 63–64.

да 1650-го года создают новый вариант древнейшей истории России, легендарный характер которой подчеркивает историко-философскую направленность всего произведения. В Своде утверждается мысль о зарождении государства у славян и русского народа задолго до возникновения Рима и даже державы Александра Македонского. Первые русские и славянские князья Словен и Рус основали княжества в районе озера Ильмень, и эта территория послужила этническим очагом для всего славянства. Название страны и народа приносят Словен и Рус, а не заморские варяги князя Рюрика, который рассматривается как продолжатель русской государственности. Традиционной для европейской политической жизни концепции преемственности государственного развития от “четвертой мировой монархии Римской империи” противопоставляется идея самостоятельного развития. При этом акцентируется внимание на традиционных связях и преемственности в политическом и культурном развитии от греческой цивилизации. С этой целью из польской историографии был позаимствован эпизод с “Грамотой Александра Македонского”, где утверждалось, что славяне получили право владеть территорией от Адриатического моря до Ледовитого океана. Этот текст был переработан с национальных позиций: адресован он был не всему славянству, а только русским князьям, и земли давались “на вечное правление” от Варяжского до Каспийского моря²³. Далее В. И. Вышегородцев делает выводы: «Столь решительный пересмотр историософских концепций XV–XVI веков был вызван ростом национального самосознания и обусловлен подготовкой борьбы с католической Польшей за “киевское наследство” и Балтийское побережье. Католической экспансии в Восточной Европе решили противопоставить идею славянского единства православных народов»²⁴.

Таким образом, происходила идеологическая подготовка к усилению борьбы за присоединение Малой и Белой Руси. Чуть позже, с целью наиболее безболезненного присоединения Украины (в 1653 г.), начнется унификация церковных обрядов (по греческим образцам, принятым как раз в малороссийской православной церкви, находившейся в юрисдик-

²³ *Вышегородцев В. И.* Царь Алексей Михайлович и Патриарх Никон // Великие государственные деятели России: Учебное пособие для ВУЗов, а также колледжей, лицеев, гимназий и школ. – М., 1996. – С. 229–230.

²⁴ Там же. – С. 231.

ции Вселенского Патриарха), что, в свою очередь, приведет к расколу в великороссийской православной церкви. Таким образом, «воссоединение» Украины с Россией все равно не прошло безболезненно и для московского государства, и для российского общества в целом.

Но вернемся к вопросу о том, с кем, собственно говоря, могло российское правительство вести переговоры о вхождении Украины в состав российского государства. Кто мог быть надежным проводником идеи объединения с Москвой в украинском обществе? Причем настолько мощным и надежным, что на него можно будет целиком и полностью положиться в неизбежной в этом случае войне с Речью Посполитой. Но такого явного партнера в виде организованной и более-менее монолитной политической и военной силы на Украине в ту эпоху не просматривалось. Вот почему политика России в отношении Украины, как отмечают многие исследователи, была крайне осторожной и, даже, казалась не очень последовательной. В самом деле, как было показано в предыдущих главах настоящей работы, украинское общество первой половины XVII в. лучше всего характеризует слово «дробность». Даже сословные группы (наиболее прочные объединения людей в феодальном обществе) – и те отнюдь не монолитны на Украине XVII в. Даже в православии нет надлежащего единства: подчас враждуют братства и иерархия. Казачество – крайне «разношерстно» и ненадежно. Его старшина – отчасти полонизована, как и крупное, и среднее шляхетство. Шляхетство и старшина в значительной степени усвоили правила польской политической культуры (как, в значительной части, и православная иерархия). Периодически, когда Польские власти в очередной раз начинали «закручивать гайки» после очередного казацкого бунта, в Россию приезжали эмиссары то от казаков, то от высшего духовенства с просьбами то о «покровительстве», то о «взятии под свою высокую руку», что само по себе разные вещи. То есть, периодически возникавшие «соблазнительные» предложения малороссийской стороны имели различное содержание. Политическая же мощь делавших такие предложения была весьма сомнительна, политическая лояльность московскому режиму – тем более. Кроме всего прочего, все казацкие выступления носили антидворянский характер, что должно было крайне смущать московские власти.

Здесь стоит остановиться подробнее на вопросе о том, от ка-

кой политической силы Речи Посполитой российское правительство ожидало наибольших для себя неприятностей, и каких именно. Коль скоро мы выяснили, что явной опоры для российской политики в Польско-Литовском государстве не было, нужно рассмотреть тему о тех опасностях, которые, по мнению российской власти, исходили от этого соседнего государства.

На основании материалов Посольских книг 1644–1646 гг., которые удалось просмотреть автору данной работы, можно сделать следующие общие выводы. Во-первых, исходя из своих собственных представлений о характере монархической власти, в Москве преувеличивали значение королевской власти в Речи Посполитой. В наказах для посольства боярина Василия Стрешнева 1645 г. это преувеличенное значение власти Владислава Четвертого прослеживается довольно четко. Надо заметить, что это посольство имело чрезвычайно важное значение для отечественной политики. Дело в том, что, во-первых, оно отправлялось от имени нового московского царя Алексея Михайловича и имело целью получение подтвердительных грамот от короны Речи Посполитой и от ее Сейма на все договоры, ранее заключенные между двумя государствами во время правления царя Михаила Федоровича.

«И вам бы брату нашему наияснейшему великому Государю Владиславу Четвертому Божией милостью королю польскому и великому князю литовскому вечное dokonчанье блаженные памяти отца нашего великого Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии Самодержца и вашего королевского величества своею государскою грамотою за своею государскою печатью с нами великим государем и царем и великим князем Алексеем Михайловичем всеа Русии Самодержцем с нашим царским величеством подкрепитьи...»²⁵.

Во-вторых, Владислав Четвертый недавно перед тем женился вторым браком на Марии Людовике Гонзаго и его следовало поздравить, а заодно попытаться выяснить отношение к России новой супруги короля. Почему-то российское правительство уделяло большое внимание политическим симпатиям королевы, видимо, было наслышано о большом влиянии женщин на власть имущих мужчин в растленной Европе.

Традиционно в Москве опасались умаления царского достоинства во время дипломатических процедур, увязывая это с

²⁵ РГАДА. – Ф.79. – Оп. 1. – Д. 69. – Л. 70–70 об.

непризнанием суверенитета российской монархии как в отношении определенных территорий, так и в отношении царского статуса как помазанника Божия. Умаления этого достоинства можно было ожидать от кого угодно: от короля, королев, панов Рады, просто от шляхтичей, от духовенства, от послов других держав. Поэтому царские послы получали подробнейшие и громадные по объему инструкции с описанием того, как должно почитаться в Речи Посполитой достоинство царского величества и как следует поступить при недостаточном почитании оного. «А будет великие послы боярину и наместнику Вологодские Василью Ивановичу с товарищи придут к королю на посольство и в то время будут при короле иных государей послы или посланник и послам великим посольства не править и идти из полаты вон. А молвить что им при иных послах и посланниках посольства править не показано»²⁶. «И кто будет от короля на встрече с какова чину какова им у стола будет честь, кто их станет подчивать и что с ними король или с панов рады поговорят и им то все записати. А против королевских и панов рады слов держати ответ остерегательно как бы государскому имени и к чести к повышению»²⁷. «А будет король против государева имени не встанет и про государево здоровье спросит сидя и послам великим боярину и наместнику вологодскому Василью Ивановичу Стрешневу с товарищи говорити: ведомо вашему королевскому величеству самому, что про великого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси самодержца про его царского величества здоровье де великие государи христианские и мусульманские спрашивают стоя»²⁸. И так далее.

Особенно опасались в московском правительстве неприятностей от действий магнатов и шляхты. Такими действиями могли быть, например: задержание посольства на территории воеводства, которым управлял магнат, опять же умаление царского достоинства (неполное его титулование в любых сочинениях польских авторов (шляхтичей)) и еще более серьезные вещи, о которых речь пойдет далее. Из инструкции того же посольства боярина Стрешнева: «И учнут говорити, что король на Сойме с паны радоу в дальних городех. И им бы подождать как у короля сойм минетца. И где им король велит быти в

²⁶ Там же. — Л. 71–71 об.

²⁷ Там же. — Л. 72 об.—73.

²⁸ Там же. — Л. 47 об.—48.

ближних городех и они им о том ведомость учинят. И послом великим боярину и наместнику вологоцкому Василью Ивановичу Стрешневу с товарищи говорити: посланы они от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси самодержца и многих государств государя и обладателя от его царского величества к брату его к наияснейшему великому государю их Владиславу Четвертому Божиею милостью королю польскому и великому князю литовскому и иных краев королевскому величеству о самых о надобных о великих делах. А велено им ехати к королевскому величеству наспех. И они б отпустили их к королевскому величеству не мешкая. А они едут к королевскому величеству и в дальние города. И говорити о том накрепко чтоб их отпустили к королю не задерживая»²⁹.

Вопрос об умалении царского имени частными лицами в Речи Посполитой, а, следовательно, по мнению отечественной дипломатии, и непризнании территориальной целостности московского государства, поднимался во время посольства 1644 г. боярина князя Львова и думного дворянина Пушкина. В статейном списке (отчете) этого посольства читаем речь посла князя Львова: «А великого государя нашего его царское величество именование великому государю вашему его королевскому величеству и впредь будущим государям польским и князем литовским и всем панам рады всей Речи Посполитой Коруны и великого княжества литовского описывать и на всяких станах людем именовать по его царскому достоинству великим государем царем и великим князем всеа Руси самодержцем с полным его государским титулы и брата его великого государя вашего его королевское величество именование его описывать столькими ж титулами по посольскому договору»³⁰. «Государь наш его царское величество к брату своему к великому государю вашему к его королевскому величеству с слов своих и послам <...> к королевскому величеству о том с ними писал чтоб королевское величество тем людем которые такое зло делали великого государя нашего его царское величество именование писали не по пригожему обоих великих государей вечного утвержденья неостерегая его царского величества чести велел за великие вины учинить казнь, а за меньшие вины велел учинить наказание жестокое»³¹. Здесь

²⁹ Там же. — Л. 43–44.

³⁰ Там же. — Д. 67. — Л. 554–554 об.

³¹ Там же. — Л. 555 об.

стоит заметить, что польский король, даже если бы захотел, никого из шляхты казнить не мог. Приговор выносил только сословный суд (см. главу 1 настоящей работы). Здесь мы видим либо злонамеренное выдвижение заведомо невыполнимых требований со стороны российского правительства, либо незнание им законодательства Речи Посполитой, то есть налицо некомпетентность служащих Посольского приказа, готовивших «Наказ» посольству. Наиболее вероятна первая причина. Это, скорее всего, попытка оказать давление на короля с тем, чтобы он «попридержал» магнатов и шляхту вообще. Попытка, надо сказать, не имеющая особых шансов на успех, так как власть короля в середине XVII в. уже была практически номинальной, что мы и показали в первой главе.

Но более всего московские власти опасались, что кто-либо из польских магнатов, как это уже бывало в начале XVII в., «запустит» в Россию нового самозванца. Хотя власть новой династии была крепка и легитимна в глазах российского общества и ее элиты, тем не менее пристальнее всего из Москвы следили именно за процессом воспроизводства самозванцев на территории Речи Посполитой. Сбор информации на эту тему, видимо, был поставлен чрезвычайно хорошо. В середине XVII в. «царевичей Дмитриев», разумеется, больше не было, зато появились сын царя Василия Шуйского и сын Марии Мнишек и Лжедмитрия Первого. На территорию России они не переходили, но сам факт их появления крайне раздражал российское правительство. (Вспомним еще раз, что XVII в. зовется «бунташным», а означает это, что из любой «искры» могло разгореться настоящее «пламя»).

В отчете посольства князя Львова 1644 г. по поводу «самозванческого» вопроса читаем: «Ведомо великому государю нашему царю и великому князю всеа Русии самодержцу царскому величеству учинилось подлинно что в прошлом <...> году в январе пришел и с Черкас в Польшу в Самборщину к попу вор лет в тридцать или мало больше. И учал у того попа жить в наймитах для работы. <...> И тот поп увидел у того вора на спине воровское пясно написано. И отвел его в монастырь к архимариту (Илецу?). И ему и архимарит осмотря у того вора пясно отвел ево х подскарбею коруному х Яну Николаю Даниловичу. И подскарбей Ян Миколай Данилович того пясна на нем осматривал и ево спрашивал и он назывался князь Семеном Ва-

сильевичем Шуйским царя Василья Ивановича сыном. А пясно де у него на спине то знак будто от царского сына. А взяли де ево черкасы в те поры как царя Василья Ивановича с Москвы повезли в Литву и с тех мест жил он в черкасах. И подскарбей держал ево у себя и сказывал про него и про его признаки ко-руны польской шляхте и всяких чинов людям. И шляхта и вся Речи Посполитая приказали подскарбею его беречь и на корм и на платье приказали ему давать из скарбу. И подскарбей того вора отослал опять в тот же монастырь к архимариту (Илепу?) для ученья русской грамоты языку. И на платье и на корм давал ему подскарбей из скарбу. И нынче тот вор в Польше. Да государь же ваш королевское величество держит в ... (неразборчиво) литовском в иезуицком монастыре другого вора. А тот вор лет в тридцать ж и больши. А на спине у него помеж плеч воровское пясно. А сказываетца от вора растриги сын который отступя Бога и предавая Сатане отвергая православную христианския веры и обругав иноческий образ скинув с себя чернеческое платье изъезжав с Москвы в Литву и возгордился. Называетца государевым сыном блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси царевичем Дмитрием Ивановичем. <...> И ныне того вора которого называетца ростригиным сыном держат в Литве многие лета. А берег ево при себе Лев Сапега. А как Лев Сапега умер и с тех мест живет он при королевском величестве и маетности ему в Литве даны в Бресте Литовском и от государя вашего от его королевского величества идет ему жалованье. А сказывает тот вор про себя будто ево на Москве велено было повесить. Будто повешен иной малой а он збережон и печать будто на нем есть царская. И великому государю нашему его царскому величеству что такое непригожее и злое дело государя вашего его королевского величества стороны вычиняется. И какими мерами такие баламуты у вас в Польше и в Литве мимо их обоих великих государей вечного докончания и крестного целования. А государь ваш королевское величество и вы паны рада того не остерегаете таких баламутов в свое земле не унимаете»³². Здесь стоит отметить, что незадолго перед выступлением Б. Хмельницкого один из «баламутов» как раз пришел «от черкас». Что, безусловно, еще раз продемонстрировало российскому правительству, что от запорожских казаков можно ожидать любых неприятностей.

³² Там же. — Л. 564 об. — 567.

Правительство Московского государства опасалось, разумеется, и «тлетворного влияния Запада». Это, вообще, характерно для отечественной политики, имевшей, за исключением небольших отрезков времени, более или менее охранительный характер. От контактов с Западом, а в XVII в. это, в основном, как раз Речь Посполитая (хотя ее, в полном смысле этого слова, западной страной как-то язык не поворачивается назвать; вспомним, хотя бы пресловутый «сарматизм») ожидали ущерб отечественной политической, социальной традиции, а паче всего — православию, древнему благочестию, то есть ущерб самим основам российской жизни. «Запад», как и положено, настаивал на экономической, религиозной и личной свободе (применительно к XVII в., разумеется). «А будет паны рада учнут говорити чтоб обои великие государи один другому людем надобе свое называть и через свою землю без обыску и зацепни вольного проходу не боронить что на обе стороны вельми прибыточно быти может. И послам великим говорити что им великим послам о том от царского величества ненеказано. И на это великого государя его царского величества изволения не будет. Потому то дело новое преж сего в великом российском государстве того никак не повелося. Потому что в том найму ратных людей торговым людем и поселянам будет насильство и налоги и для того на то царское величество не изволяет. И чего преж сего николи не бывало. И тому новому делу ныне быти непригоже. Для того что великого государя нашего людем ни в которые окрестные государства к великим государям служити преж сего николи не хаживали и ныне не ходят. Потому что они православные христианские веры греческого закону. Только им ходить на службу в чужие государства а попов русских с ними не будет приходить не учнут. И они учнут помирать без покаяния. И для того тому быти непригоже. А буде паны рада учнут говорити чтоб для больших крепости и совокупления надежные братские приязни стверждение оба великие государи дали вольность на обе стороны в царствах своих подданным своим служить при дворах или в войске и женитца и вольное набытие имения где хто излюбил и вольного жития позволять. Чтоб оба два в волном содеты были. Также б вольно церкви греческие и костелы в обоих государствах своих ставить. И о том бы не забороняти. И послам великим говорити воинским людем наияснейшего

великого государя вашего Владислава короля польского и великого княжества литовского до царского величества и до его великих государств приезжати нет для чего. Потому что великий государь наш его царское величество против всякого своего государского недруга стоит своими людьми. А по времени смотря прибавливает и посторонних государств людей. Что и преж сего чинено было и (ясно?) много врямя. А чтоб польским или литовским воинским людем приезжать и отъезжать добровольно и того в московском государстве николи не бывало. И приезжати тем людем не для чего. А коли будет великому государю нашему понадобится ратные люди в прибавку к руским людем и тогда смотря по мере и мысль будет. А ныне великому государю нашему ратных людей принимать и держать у себя без дела убыточно и не для чего. А народу польского и литовского люди в московском государстве на русских женах преж сего не женивались и своих дочерей за русских людей не выдавали. Для того что великое российское царство православные христианские веры греческого закона а в Польше и в Литовском люди разных вер и быти тому соединению мирскому плотцкому союзу невозможно что то будет к нарушенью нашии гречиские веры. Также церкви Божие и костелы во обоих государствах ставить непригоже и статися тому невозможно и в прежние лета как по смерти Стефана короля польского паны рада польские и литовские обирали на коруну польскую и на великое княжество литовское царского величества деда блаженные памяти великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии самодержца и в те поры его великого государя о тех вышепомянутых статьях просили. И он великий государь на те на все статьи непроизволил для соблюдения православных христианских веры земного и временного царствия и славы света сего не пожелал. И ныне быть по тому ж и не вперед мимо того»³³.

Несколько модернизируя ситуацию, скажем, что и в XVII в. шла борьба за сохранение (ликвидацию) «железного занавеса», оберегающего население России от «тлетворного влияния» и конкуренции. Довод о том, что люди в России и в Речи Посполитой разной веры, верен лишь отчасти, так как значительная часть населения Речи Посполитой на той же Украине и в Белой Руси исповедовало как раз православную веру греческого закона.

³³ Там же. — Д. 69. — Л. 93–96.

Интересна в наказе посольству боярина Стрешнева и инструкция по поведению на государственном приеме в присутствии короля. Смысл ее – в том же оберегании чести московского государя и его государства. «А дворяном и посольским людям приказать накрепко чтоб они сидели за столом чинно ж и остерегательно и не и слов дурных меж собой не говорили. А середних и мелких людей в палату с собой неимати для того чтоб от их чтоб от пьянства и безчинства не было. А велети им сидети в другой палате потому ж строго. А бражников и пьяниц и на королевский двор с собою не имати»³⁴. Так что инструкции парткома советской эпохи для граждан выезжающих за рубеж имеют под собой давнюю традицию. «Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас». (Книга Екклесиаста или Проповедника 1.10).

Но вернемся к истории собственно российско-польско-украинских отношений.

§2. Реакция московского правительства на начало выступления под руководством Б. Хмельницкого

Выступление Богдана Хмельницкого в 1648 г. явилось неожиданностью не только для польских центральных властей, но и для властей московских. «Первоначально поступавшие в Москву от пограничных воевод сведения о событиях на Украине были неясными и противоречивыми. О восстании под руководством Б. Хмельницкого на Запорожье в январе 1648-го года и об изгнании оттуда польского гарнизона русское правительство долгое время вообще ничего не знало. Только 13 апреля 1648-го года севский воевода З. Леонтьев, со слов украинца Гришки Иванова, приехавшего 26-го марта из Новгород-Северска, сообщил, что еще в прошлом году “отъехал де от короля” какой-то пан Лащ, который “бывал стражник королевской” и “сложился с белгородскими и с очаковскими татарами”. У этого Лаща “запорожских казаков и всяких литовских людей воров восемь тысяч”, с которым и “стоял де он за Днепром меж Белагорода и Очакова на реке Тилеголе и сошлись с ним, Лащем, запорожских казаков тысяч с пятнадцать и с теми де черкасы он, Лащ, на Днепре королевский город Кадак взял и немец высек и город выжег, а в том городе сидел полков-

³⁴ Там же. – Л. 73 об.–74.

ником Желтовский с немцы”. В заключении говорилось, что “сам, он, Лащ, стал на Запорогах, а хочет де он, Лащ с теми своими ратными людьми итти на Вешневецкого за то, что у него, у Лаща, Вишневецкий маетности поотнимал, а поляки де збираютца на черкас и чае де у поляков с Лашем и з запорскими черкасы болшие розни”. Русское правительство, надо полагать, довольно безучастно восприняло это сообщение, усмотрев в нем одно из обычных для Речи Посполитой актов панского своеволия»,³⁵ – пишет В. А. Голобуцкий.

«26-го апреля было получено донесение хотмыжского воеводы С. Болховского <...>. Воевода со слов сына боярского Федора Осетрова, вернувшегося из Миргорода, давал знать, что польские власти на Запорожье “людей без листов не пускают же для <...> тово, что пан Хмельницкий королевские листы и булаву королевскую и знамена и пушки <...> из городов побрал и стоит на Днепре на Плавле, а они де, паны, собрали войско на нево <...> а гулящие <...> литовские люди к тому пану Хмельницкому из городов бегают многие”. В заключение воевода сообщал, что по мнению “знающих” литовских людей, “быти у них, панства, с королем за казачество большого рокошу”»³⁶. Здесь наше внимание привлекает последняя часть сообщения, где говорится о конфликте между королем и шляхетством, и казачество считается прокоролевской силой, а король, в свою очередь, защитником казачества перед всеильными шляхетством и магнатерией.

На первоначальную реакцию российского правительства по поводу известия о казачьем выступлении на Украине повлияло и то, что, как отмечалось в начале главы, у российского правительства были достаточно хорошо отлаженные связи с правительственными структурами Речи Посполитой как с центральными властями, так даже и с некоторыми местными. О степени взаимодействия между правительствами двух стран свидетельствует огромный массив документов Посольского приказа, хранящийся в РГАДА. Неудивительно поэтому, что самые первые известия о выступлении Б. Хмельницкого поступили от официальных источников Речи Посполитой: «18 марта 1648-го года брацлавский воевода А. Кисель уведомил путивльского воеводу Ю. Долгорукого, «што ника-

³⁵ Голобуцкий В. А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. – Киев, 1962. – С. 148–149.

³⁶ Там же. – С. 149.

кая часть, тисеча или мало що больш своевольников козаков черкасцов избегли на Запороже; а старшим у них простой хлоп, нарицається Хмельницкий». Не сообщая ничего о восстании на Запорожье, А. Кисель вместе с тем просил, что если Хмельницкий с казаками, против которых «промышлять будем», уйдет «з Запорожа на Дон, и там бы его не приймаи, не щадити»³⁷. Кроме того «1 мая 1648-го года урядник м. Красно-го К. Мольонинский уведомил путивльського воеводу Н. Плещеева о нападении «людей крымских, с которыми сполившись Хмельницкий своевольными в тысячах казаков четырех с ордою пана комиссара (Шемберга) посадили на вершинах Саксогану в четверг прошлой <...> и под Чигирин обещается подходить»³⁸. А. Кисель 11 мая «писал Н. Плещееву, что когда мол Н. Потоцкий “послал полк один войска корунного (под командованием Ст. Потоцкого. – В. Г.) на изменников черкасских, они сабаки татаре крымцы и нагайцы тот полк в полях на урочищу Жолтые Воды осаждали. Тридцать тысячей орды на тот полк пришло <...> второго майа, они же (поляки. – В. Г.) во Христа господа храбро и бодро ополчившись бранятся, но по нынешнее время што ся зделало бог весть”. Подчеркивая, что речь идет несомненно о татарском набеге, – “се подлинно пишу и вам то самим явно есть што тие поганцы начали вражду и наступают”, А. Кисель требовал военной помощи со стороны России. При этом он ссылался на <...> соглашение, заключенное в 1646-ом году в Москве, и на обещание “еще подлинно будет ход татарский в землю нашу <...> указу его царского величества быть к Днепру в помочь нам с его царского величества ратными людьми”»³⁹.

Как видим, сначала властям Речи Посполитой удалось представить выступление Богдана Хмельницкого как очередной татарский набег, к которому примкнула часть изменников-казаков. Свою отрицательную роль сыграл здесь союз Богдана Хмельницкого с крымскими татарами – общими закоренелыми врагами Речи Посполитой и России. Результатом этого явились следующие действия со стороны России: «В соответствии с обязательствами, взятыми на себя по соглашению 1646-го года, русское правительство приказало 20-го мая 1648-го года хотмыжскому воеводе, а также князю Семену

³⁷ Там же. – С. 149.

³⁸ Там же. – С. 150.

³⁹ Там же. – С. 150.

Болховскому “с ратными людьми, которые преж сего с ним указано, литовским людям помогать и с ними сходиться и над татары промышлять заодин. А идти до указанного места, как в договоре написано <...>, а будучи в литовской земле дурна никакова не чинить”. Из Карпова на помощь Болховскому было отправлено, кроме того, 500 драгун. По всем порубежным городом были разосланы грамоты, в которых давалось знать, “что подлино хотят приходить на государевы украины крымские люди большим собраньем”⁴⁰.

Однако, уже «в середине мая 1648-го года севские воеводы З. Леонтьев и И. Кобыльский донесли правительству о восстании казаков под руководством Б. Хмельницкого на Запорожье, разгроме польского войска у Желтых Вод и под Корсунем. Одновременно воеводы указывали, что казакам, <...> помогают крымские татары: “а уговор де меж татар с казаки воевать им соопча польские города и губить поляков...”. 11 крымских татар, взятых в плен в начале июня под Полтавой, “в распросе сказали одне речи: на Московское де государство у них никакова збору нет, все де татарова пошли к запорожским казакам на помощь. Крым де ныне пуст”⁴¹. Здесь стоит только добавить, что в походе на Речь Посполитую в 1648-ом году участвовал только один отряд перекопского мурзы. И сообщение о том, что «Крым де ныне пуст», не вполне соответствовало действительности.

Российское правительство всеми этими сообщениями было поставлено в весьма затруднительное положение. Естественно, его особенно сильно должно было смущать наличие татарской конницы в армии Б. Хмельницкого. Одним словом, было понятно, что в Малороссии происходит что-то непонятное. Соответственно, московское правительство предписало пограничным воеводам в спешном порядке собирать любую информацию об этих событиях, их причинах и ходе дела. «Вяземскому воеводе, например, где-то в середине июня было поручено детально и спешно разведать, “что у них ныне в Польше и Литве делаетца и в которых местах у них черкасы и татары сложася воюют и много ль их в собраньи и хто к черкасам приставают и за что у них та ссора с поляки учинилась и чем тую ссору чают унять <...> и белорусцы к черкасам не пристаут ли...(и все) что у них делаетца велети разведать всякими мерами подлинно”⁴².

⁴⁰ Там же. – С. 150.

⁴¹ Там же. – С. 151.

⁴² Там же. – С. 151.

Таким образом, мы ясно видим, что российское правительство, следуя своему обыкновению, не предпринимало никаких активных шагов, не разведав надлежащим образом складывающуюся обстановку, то есть действовало осмотрительно. Особенно важным российскому правительству, видимо, представлялось положение дел в Белой Руси. Так как именно эту территорию оно намеревалось присоединить в первую очередь.

Тем временем «поступавшие в большом количестве от пограничных властей в Москву данные не оставляли сомнения в том, что одной из главных причин восстания был <...> национальный и религиозный гнет <...>. 20 июня 1648-го года, например, великолуцкий воевода Д. Великогагин сообщил: “А ссора, де, государь, и бои с поляки и с литвою у черкас учинилася за веру” и “к черкасом де, государь, приставают белорусцы”. Вяземский воевода писал 24 июня, в связи с событиями на Украине, что “черкасы де бьются за веру с ляхи”»⁴³.

С другой стороны, воеводы порубежных городов в своих отписках указывали еще на один важный для Москвы аспект настроения в среде восставших. 30-го октября 1648-го года брянский воевода Н. Мещерский доносил в Посольский приказ: «В прошлом, государь, во 156-ом году августа в 25-ый день отпущены были из Брянска в литовские города с торгом брянский стрелец Федька Ломакин, да Посопной слободы крестьянин Васька Мелханов, да Свинского монастыря крестьянин Павлик Вяхирев. <...> Да в тех же де, государь, городех слышали они от литовских ото многих жилецких людей и от черкас: говорят и Богу молят, чтобы им быть в одной православной вере под твоею государевою высокою рукою; будет де пан Хмельницкой осилеет ляхов, и он де хочет податца одному государю крестьянскому»⁴⁴. 12 ноября 1648 г. севские воеводы З. Леонтьев и И. Кобыльский доносили в Посольский приказ: «А в Польше де, государь, собрался с поляки и с немцы с наемными со многими людьми пан Остророг против Хмельницкого, и чаят, государь меж их большие крови. А король де, государь, в Польше не обран. А в польской де стороне, в монастырех, в церквах, на октенях и на многолетия Бога молят за тебя, благочестивого великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси. А запороские де, государь, казаки и

⁴³ Там же. – С.152.

⁴⁴ Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией. Сборник документов для преподавателей средней школы. – М., 1954. – Док. № 59. – С. 109–110.

белорусцы черные люди во всех городех все Бога молят о твоём царском многолетнем здоровье и хотят тово, чтоб им всем быть под твою царскую высокую рукою, и чтоб им всю Польшу и Литву подвести под твою Царскую высокую руку»⁴⁵.

Из вышеприведенных выдержек видно, что отмечаемые «промосковские взгляды» характерны для представителей низших сословий украинских и белорусских земель Речи Посполитой (казаки, черные люди, жилецкие люди). Высшее сословие не упоминается в этом перечне.

В советской историографии традиционно (и небезосновательно) отмечается «антифеодальная направленность» этого казацко-крестьянского выступления. Например, у уже неоднократно цитированного нами В. А. Голобуцкого читаем: «...в Москву со всех сторон поступали сведения, не оставлявшие никакого сомнения в антифеодальном характере движения народных масс на Украине, направленного против всех вообще крепостников – польских, украинских и т. д. Сообщения пограничных воевод рисовали яркую картину классовой борьбы на Украине, массового показаченья закрепощенного крестьянства и низших слоев мещанства, уничтожения шляхетства, разорения панских имений, ликвидации польской государственной администрации и т. д. Стародубец Григорий Климов, например, вернувшийся с Украины в начале лета 1648-го года, рассказывал о размахе восстания и массовом показаченьи крестьянства: “а которые де их крестьяне Потоцкого и Вишневецкого и Киселеви и те де <...> стали в казаки ж”. Шляхтич Криштоф Силич, бежавший из Новгород-Северска в Трубчевск, говорил трубчевскому воеводе в июне 1648-го года, что “черкасы в Новгородке Северском панов и шляхт всех побили и посекали”. Севские воеводы сообщали в мае 1648-го года в Москву: “беспрестанно де своевольные люди – мещане и мещанские дети и с будники и всякие люди к казакам пристають и копятя вместе”. 31-го июля 1648-го года в Москве была получена отписка трубчевского воеводы Никифора Нащеккина, последний, со слов стародубского подстаросты шляхтича Рафаила Уесского, писал: “халопе де их кабальные и все подданные из маетностей збунтовавшиися против их, панов своих <...> немало панов своих побили и все скарбы их брали”. Гр. Кунаков сообщал: “А к Богдану де Хмельницкому

⁴⁵ Там же. – Док. № 60. – С. 111.

собирались в полки многие люди своевольные и пашенные мужики, побив панов своих в их маестностях. <...> Великому государю, его царскому величеству, – продолжал Кунаков, – своих украин годитца от такого гультайства оберечь, чтоб не vomкнулись и шкоды какие не учинили»⁴⁶.

Надо вспомнить, что в первых числах июня 1648-го года в Москве вспыхнул Соляной бунт, далее волнения прокатились по многим городам российского государства. Все это предопределяло крайне настороженное отношение российского правительства к событиям на Украине, да, по большому счету, не до Малороссийской «замятни» тогда было. Правительство, надо отдать ему должное, продолжало собирать сведения о ходе событий на Украине, одновременно наводя порядок в собственных владениях. А дела в юго-западном приграничьи шли не блестяще. «Здесь было много выходцев с Украины и пришельцев с Дона. Большинство лиц, прибывших с юга, участвовало в боях с “крымскими царевичами”, наблюдало жизнь донских казаков, сталкивалось с “литовскими воровскими черкасами”. Они приносили в южные крепости рассказы о безбоярской жизни “казацких республик”, а также сведения о ходе освободительной войны на Украине. Эти известия находили глубокий отклик и реальные проявления в городских движениях служилых людей Бобрика, Хотмышска, Карпова, Корочи, Валук и Чутуева»⁴⁷.

Очень скоро худшие опасения российской власти отчасти стали подтверждаться. Движение казаков, крестьян и мещан на Украине «аукнулось» и в русском порубежье. «В своей челобитной на имя царя, датированной началом июня 1648-го года, торопецкие и хотмыжские дворяне и дети боярские жаловались: “людишки наши и крестьянишка своею слабостью, видя их литовскую прелесть, с тех пор учали тебе, государю изменять и бегать за рубеж и ныне бегают за рубеж безпрестани и от того, государь, многие поместишка наши <...> запустели”, и далее – крестьяне “бегают за рубеж в литовскую сторону, пограбя животишка наши и пожигая дворишка у нас, холопей твоих, и самих нас, холопей твоих, бьют и вяжут”. Более того, бежавшие на Украину русские крестьяне, “приходя из-за рубежа с порубежными людьми, – продолжали челобит-

⁴⁶ Голубуцкий В. А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. – Киев, 1962. – С. 153–154.

⁴⁷ Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине 17-го века (30–40-е годы). – Воронеж, 1975. – С. 156–157.

чики, – и последних людишек наших и крестьянишек от нас подговаривают <...> (и) сильно за рубеж свозят”. <...> “А от наших холопей <...> и от их воровства нам, порубежным людем, жить нельзя”⁴⁸. В связи с таким оборотом дела российское правительство вынуждено было принять чрезвычайные меры. «В царском наказе от 13 июня 1649-го года путивльскому воеводе было велено следить, “чтобы из литовской стороны и из городов боярские (подданные) <...> и иные никакие воровские люди жить для всякого воровства в Путивль и в Путивльский уезд <...> не приходили” и арестовывать немедленно всех тех из русских жителей, “кто учнет с литовскими людьми с изменни(ка)ми съезжатца”. В том же случае, если украинские повстанцы явятся в Путивльский уезд, станут громить имения бояр и служивых людей и “учнут против государевых служилых людей стоять з боем”, то воевода обязан был со своими людьми над ними “промышлять всякими обычай <...> и за рубеж их не упустить”, а захваченных в плен “распрашивать з большим пристрастьем (т. е. под пытками)” и “держат в тюрьме <...> з большим береженьем”⁴⁹. Воеводам порубежных городов предписывалось: «От литовского рубежа по всем дорогам и по малым стешкам и по приметным по всем местам учинить <...> заставы и сторожи крепкие велеть беречь накрепко, чтоб <...> никто не проехал и пеш не прошел и не прокрался никакими обычай»⁵⁰. В городах и уездах вводилась строгая регистрация приезжих из-за рубежа, а для получения такой регистрации требовалось поручительство какого-либо благонадежного россиянина.

С другой стороны, было ясно, что в результате массового выступления широких казацко-крестьянско-мещанских масс Польско-Литовское государство серьезно ослабевает, что открывает перед Россией определенные перспективы. Учитывая благорасположение к России широких масс из состава низших сословий на Украине и в Белоруссии, а также конфессиональную общность с большинством населения этих земель Речи Посполитой, российское правительство принимает меры экономического характера по поддержке армии Б. Хмельницкого и населения на контролируемой его повстанцами территории.

⁴⁸ Голобуцкий В. А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. – Киев, 1962. – С. 154–155.

⁴⁹ Там же. – С. 155.

⁵⁰ Там же. – С. 155.

Это и поставки оружия, пороха, и возможность для украинских торговых людей беспопшлинной торговли в российских городах. Особое значение имела для украинцев возможность покупок хлеба в России, так как во время военных действий, а также из-за действий союзных Б. Хмельницкому татар на Украине быстро возник дефицит зерна.

«1649 год марта 21 – Грамота из Посольского приказа путивльскому воеводе Н. Плещееву о разрешении украинским купцам торговать в Путивле и в Путивльском уезде без уплаты таможенных пошлин.

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси в Путивль воеводе нашему Микифору Юрьевичу Плещееву.

Как к тебе ся наша грамота придет, а из литовские стороны учнут приезжать запорожские черкасы в Путивль или в Путивльский уезд с какими товары, и ты б тем их торговым людем в Путивле и в Путивльском уезде торговати позволил без пошлин, а пошлин с них ни с каких их товаров имати никому не велел.

Писан на Москве, лета 7157-го марта в 21-ый день»⁵¹.

Пока шел процесс сбора информации о положении дел на Украине и в Речи Посполитой в целом, а внутри самой России водворялся порядок, нарушенный городскими выступлениями 1648-го года, московское правительство занималось весьма важным и давно запланированным делом: демаркацией границы с Польско-Литовским государством. Именно к 1648-му году относится посольская книга от 23-го сентября (3-го октября) под заголовком «Списки с взаимных межевых записей между российских судей князя Федора Волконского, дворянина Прончищева, дьяка Хватова и польских комисаров Хриштопа Дусяцкого каштеляна Полоцкого с товарищи о размежевании Российских городов Лук Великих, Ржевы Пустыя, и Псковских городов Опочки, Велбя, Вишгорода с польскими городами Велижем, Усвятом, Невелем, Себежем и Красным»⁵². Книга эта состоит из 277 листов с оборотами. Содержит она крайне подробное описание ориентиров, по которым прошла демаркационная линия между двумя государствами. Заканчивается это описание вновь установленной пограничной линии следующими словами: «Судьбы меж себя всех договорных

⁵¹ Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией. Сборник документов для преподавателей средней школы. – М., 1954. – Док. № 63. – С. 114–115.

⁵² РГАДА. – Ф.79. – Оп. 1. – Д. 75. – Л. 1.

межеванных записях написали, и постановили. А будет с которой стороны хто нибудь чарез рубежу перейдет пашни пахать, или <...> (неразборчиво. – *Б. Д.*) уочет и санными покосом и рыбными ловлями и <...> какими нибудь учнет владеть <...> И высокославныя памяти королевского величества и коруны польския и великого княжества литовского и всей Речи Посполитой украиних Велижских и Усвятских и Невельских и Себежских и Красного гроцким и иных городов воеводам и старостам и державцам и урядникам всяким приказа и всем тем людям которые в тех городех будут. Так же и великого Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси самодержца к рубежным воеводам и всяким приказным людям которые будут на Луках на Великих <...> на Опочке и в иных городех меж себя сослатись и на те места от себя послать добрых людей. И велети о тех обидах и неправдах спрашивать. А с которыхы стороны виноватого сыщут и виноватому смотря по вине наказание учинити. А великих винах казнити с тем вперед меж порубежных мест воровства и неправды не было. А теми б неправдами государственного вечного докончанья, которое вечное докончанье обои великие государи учинили через великих обоих послов...»⁵³ не нарушить.

Здесь стоит заметить, что данная демаркация границы происходила в период безкоролевья в Речи Посполитой (Владислав Четвертый скончался 20-го мая 1648-го года). Новый король Ян Казимир был избран 20-го ноября (даты приведены по новому стилю). Тем не менее, российские власти не стали откладывать проведение этих работ. Скорее всего, они считали размежевание границы очень важным элементом поддержания стабильности в отношениях между двумя странами и не думали нарушать «вечного докончания», во всяком случае, из-за малопонятного, а, вероятно, даже и опасного для стабильности в России выступления Б. Хмельницкого. Еще раз напомним, что в 1648-ом году по российским городам, включая Москву, прокатилась волна антиправительственных выступлений, и российские власти чувствовали себя весьма не уверенно (срочно составляли Соборное Уложение для привлечения на свою сторону дворянства и посадских).

На позицию российского правительства по отношению к событиям в Речи Посполитой в 1648–1654 гг. оказывало влияние

⁵³ РГАДА. – Ф. 79. – Оп. 1. – Д. 75. – Л. 269 об.–270 об.

и отсутствие у России союзников, государств, которые бы могли поддержать Россию, если она, воспользовавшись предоставляемой выступлением Б. Хмельницкого возможностью, ввязалась бы в войну с Речью Посполитой за овладение Малороссией. Более того, отношения России со Швецией и Турцией (наиболее могущественными соседями как России, так и Речи Посполитой) оставляли желать много лучшего. Одним словом, если бы началась война, Московское государство осталось бы с Речью Посполитой один на один. Россия же, ослабленная внутренними неурядицами, восстаниями 1648 г., была не готова к такой масштабной войне. В. А. Голобуцкий в своей работе констатирует: «Попытки русского правительства заручиться поддержкой европейских держав в борьбе против Польши не увенчались успехом. Россия оказалась вынужденной самостоятельно решать все эти сложные и трудные внешнеполитические задачи»⁵⁴. Начать дипломатическую подготовку войны с Речью Посполитой Россия смогла только незадолго перед началом самих военных действий. Но эта подготовка выходит за хронологические рамки нашего исследования, так как «первые шаги в рамках намеченной программы действий на международной арене Посольский приказ осуществил в последней трети 1653-го года, до полного завершения подготовки к войне. Предпринятая русской дипломатией акция охватила ряд ведущих держав континента, в которые послали специальные комиссии»⁵⁵.

Подведем итог. Итак, на то, что российское правительство проводило по отношению к Малороссии осторожную, можно сказать, выжидательную политику в течение всей первой половины XVII в., оказывал влияние целый ряд причин. Среди них: память о «подвигах» запорожских черкас во время Смуты и во время похода королевича Владислава на Москву в 1618 г., отсутствие своевременной и достоверной информации о реальном положении дел на Украине и в Речи Посполитой в целом, отсутствие надежной социальной и политической опоры среди сословий Малороссии, опасения начала военных действий с Речью Посполитой, наличие острых внутренних конфликтов внутри самой России в указанный период времени, отсутствие

⁵⁴ Голобуцкий В. А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. – Киев, 1962. – С. 148.

⁵⁵ Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII века. Из истории международных отношений в Восточной Юго-Восточной Европе. – М., 1981. – С. 30.

союзников у российского государства. Все эти факторы препятствовали проведению активной политики московским государством по отношению к Украине. Кроме того, в Москве чувствовали, что после преодоления последствий Смуты «время начало само работать» в пользу России и ее взаимоотношениях с Речью Посполитой. Все это сказалось и во время неоднократных переговоров между представителями Б. Хмельницкого и царского правительства. На все просьбы Б. Хмельницкого об оказании прямой военной поддержки с обещаниями «о чем Бога молим и желаем того, чтоб есмы за то отслужили послугами нашими рыцерскими со всем Войском Запорожским и головы наши покладали за твое царское величество против всякого неприятеля христианского»⁵⁶ (лист Б. Хмельницкого царю от 8 февраля 1649 г.) Алексей Михайлович отвечал примерно таким образом: «А что писали естя к нам, чтоб нам, великому государю, велети ратем нашим на неприятелей ваших наступити, и о том от нас, великого государя, и наперед сего к тебе, гетману, в нашей царского величества грамоте написано, и ныне тож пишем, что у отца нашего, блаженные памяти у великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца, у его царского величества и у нас, великого государя у нашего царского величества, славные памяти со Владиславом, королем польским, и с его наследники, короли польскими и великими князи литовскими, и с Коруюно Польскою и с Великим княжеством Литовским учинено вечное dokonчанье, и их государскими душами крестным целованьем и грамотами и печатями на обе стороны утвержено. И нам, великому государю, за тем вечным dokonчаньем на литовскую землю войною наступити и ратей наших послать и вечного dokonчанья нарушить немочно. А будет королевское величество тебя, гетмана, и все Войско Запорожское учинит свободны без нарушенья вечного dokonчанья, и мы, великий государь наше царское величество, тебя, гетмана, и все Войско Запорожское пожалуем, под нашу царского величества высокую руку прияти велим»⁵⁷ (грамота царя Алексея Михайловича Богдану Хмельницкому от 13 июня 1649 г.).

В. О. Ключевский так описал эту ситуацию: «Так могло идти дело только при обоюдном непонимании сторон. Москва

⁵⁶ Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией. Сборник документов для преподавателей средней школы. – М., 1954. – Док. № 61. – С. 113.

⁵⁷ Там же. – Док. № 68. – С. 121.

хотела прибрать к рукам украинское казачество, хотя бы даже без казацкой территории, а если и с украинскими городами, то непременно с условием, чтобы там сидели московские воеводы с дьяками, а Богдан Хмельницкий рассчитывал стать чем-то вроде герцога Чигиринского, правящего Малороссией под отдаленным сюзеренным надзором государя московского и при содействии казацкой знати, есаулов, полковников и прочей старшины. Не понимая друг друга и не доверяя одна другой, обе стороны во взаимных сношениях говорили не то, что думали, и делали то, чего не желали. Богдан ждал от Москвы открытого разрыва с Польшей и военного удара на нее с востока, чтобы освободить Малороссию и взять ее под свою руку, а московская дипломатия, не разрывая с Польшей, с тонким расчетом поджидала, пока казаки своими победами доконают ляхов и заставят их отступить от мятежного края, чтобы тогда легально, не нарушая вечного мира с Польшей, присоединить Малую Русь к Великой»⁵⁸.

Кроме того, узнав о смерти короля Владислава Четвертого, российское правительство попыталось использовать сложившееся в Речи Посполитой положение, как говорится, «на все 100%». При этом предполагалось использовать Богдана Хмельницкого для давления на «панов рады», с тем, чтобы заполучить уже не только Украину, но и Речь Посполитую целиком «под высокую руку» царя московского. В наказе Посольского приказа Г. Унковскому, послан к Богдану Хмельницкому от 13 марта 1649 г., читаем о том, что просьба вожда повстанцев о военном выступлении России против Речи Посполитой не будет удовлетворена ни в коем случае: «...у великого государя нашего у его царского величества с Корунною Польскою и с Великим княжеством Литовским вечное докончанье, и ему, великому государю нашему его царскому величеству, ратных людей под Смоленск за вечным докончанием послать не доведетца»⁵⁹. А далее следует описание плана действий по овладению польской короной: «Да будет он, Григогей, проводит подлинно, что на Коруну Польскую и на Великое княжество Литовское королем никто не обран, и Григорью быти у гетмана наодине или как (он) велит, и говорити ему: писал он к великому государю нашему к его царскому величеству, чтоб

⁵⁸ Ключевский В. О. Указ. соч. – С. 264.

⁵⁹ Воссоединение Украины с Россией; документы и материалы в трех томах. – М., 1954. – Т. 2. – Документ № 59. – С. 139.

ему, великому государю, за благословением Божиим быти над ними великим государем царем и великим князем всеа Руси самоержцем. И ныне б он, гетман, и все Войско Запорожское для свободы себе в православной христианской вере к царскому величеству по своему желанью начатую свою службу и раденье совершили, послали от себя к панам раде Коруны Польской и Великого княжества Литовского послов нарочно и велели говорить, чтоб они, паны рада, царского величества милости поискали, обрали себе государем на коруну Польскую и на Великое княжество Литовское великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси самодержца, его царское величество, и тем межусобную войну и кровь уняли. А как он, великий государь наш его царское величество, над Коруною Польскою и Великим княжеством Литовским государем будет, и его царское величество учнет ево, гетмана, держать в своей царского величества милостивом жалованье и в чести, а Войско Запорожское царское величество потому ж учнет держати в своей царского величества милости и в призьенье, и стародавнего их права и вольностей ничем нарушать не велит»⁶⁰. План этот, надо сказать, был совершенно утопичным, хотя и вполне логичным: «Унять смуту посредством избрания православного монарха». Но нам стоит вспомнить законодательство Речи Посполитой о правилах избрания монарха, описанное в приведенной мною выше цитате из сочинения Г. Л. де Боплана. Во-первых, он должен быть римско-католического вероисповедания, а, во-вторых, в этом законодательстве так много ограничительных статей, что власть польско-литовского монарха имела, скорее, номинальный характер, в отличие от его московского «коллеги». Лично я не могу себе представить, как Алексей Михайлович мог бы совмещать столь разные традиции в системе государственного управления, да и два столь различных менталитета своих подданных из первого сословия различных частей объединенной державы. Трудно представить себе «панов радь», добровольно и единогласно согласившихся стать холопами монарха из «азиатской Московии». Но здесь важно другое: обе стороны – и Москва, и Богдан Хмельницкий – старались использовать своего партнера для достижения своих целей. При этом сам Богдан Хмельницкий явно не был в восторге от пер-

⁶⁰ Там же. – С. 139.

спективы, что его «его царское величество учнет ево, гетмана, держать в своей царского величества милостивом жалованье». Он желал бы сам себя держать, как ему заблагорассудится.

В любом случае, этот план не мог быть претворен в жизнь, так как пока Г. Унковский доехал до Б. Хмельницкого, в Речи Посполитой нового короля уже «обрали».

Надеюсь, что причины того недоверия, с которым Москва, по словам В. О. Ключевского, относилась к Б. Хмельницкому «со товарищи», привыкшим к казацким и шляхетским вольностям и толкавшим ее на существенные жертвы при неясном исходе дела, а также другие причины столь долгого проведения ею внешне пассивной политики в украинском вопросе, нам в данной главе удалось показать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подведем, наконец, итог нашим пространным рассуждениям по поводу сложных отношений этнотерриториально-го образования, именуемого Украиной, с Речью Посполитой — государством, составной частью которого она была применительно к первой половине XVII в.

Мы рассмотрели, насколько это было возможно, историографию украинского вопроса, описали структуру государственных институтов Речи Посполитой, дали определение тому, что такое украинский народ применительно к данной эпохе, описали социальную структуру населения украинских земель, рассмотрели идеологию политического сословия Польско-Литовского государства — шляхты, особенности идеологических взглядов украинской шляхты и верхушки казачества, рассмотрели вопрос о внешних влияниях на внутривнутриполитическую ситуацию в Речи Посполитой, наконец вопрос о том, как реагировали в Москве на развитие политической ситуации в этом государстве и как хотели использовать в своих целях эти внутривнутриполитические процессы.

Теперь мы можем сделать некоторые выводы.

Во-первых, единого украинского народа, даже как этнографической общности, не говоря уже об общности социальной, в первой половине XVII в. еще не сложилось, хотя процесс этот в указанный период интенсивно «набирал обороты». В подтверждение этого нашего вывода приведем высказывание С. Петлюры, которого никто, я думаю, не сможет обвинить в умалении достоинства украинской нации: «...причиной утраты нашей государственной независимости помимо экономически-политических причин была незавершенность процесса консолидации украинской нации после смерти гетмана Богдана, отсутствие у его наследников единой государственной идеологии, имеющую объективную ценность для всех классов тогдашней украинской нации...»¹. В приведенной выше цитате мы не будем акцентировать наше внимание на спорных для нас тезисах о наличии независимого украинского государства в 1648–1654 гг. и о правомерности применения к тогдашнему населению Украины термина «нация». Для нас здесь важнее

¹ *Петлюра С.* Отрывки из письма И. Огиенко // Главный атаман. В плену несбыточных надежд. — М. — СПб., 2008. — С. 377.

признание факта «незавершенности процесса консолидации» украинцев в некую целостную общность.

Во-вторых, мы можем сделать вывод, что определяющими для формирования мировоззрения той политической верхушки населения Украины, которая заняла главенствующее положение в украинском обществе после изгнания (или уничтожения) польской администрации, всего полонизированного шляхетства, а также и еврейства, то есть для казачьей старшины (как мы отмечали в своей работе, значительно обновленной) и мелкого православного шляхетства, были две политические традиции. Первая – традиция польской шляхетской республики с невиданно привилегированным положением первого сословия. Вторая – традиция казачьей военной демократии Запорожской Сечи. Обе традиции отличаются сугубым демократизмом в рамках определенной группы населения при наличии минимальной организации и дисциплины. В обоих случаях формальный глава администрации избирается, обладает полнотой власти только при определенных обстоятельствах и может быть легко смещен. Что же касается утверждения многих великорусских и украинских националистических авторов о том, что на Украине в XVII в. были живы демократические традиции Киевской Руси (вечевые), то это, на наш взгляд, явное заблуждение. После монгольского погрома и запустения многих украинских земель (в том числе и Киевщины), после существования южнорусского этноса в рамках других государств с их особыми политическими, юридическими и социальными укладами, после ликвидации еще в рамках Великого княжества Литовского и Русского удельных княжеских столов, после введения в украинских городах элементов Магдебургского права с отрывом их общин от окружающей «земли», о древнерусском наследии применительно к украинской действительности XVII в. говорить не приходится. Недаром А. Дикий отмечает: «Упоминая об исторических песнях-сказаниях Украины-Руси, нельзя не отметить одно явление: отсутствие в них тем из жизни древнерусского государства – Киевской Руси. И в то же время обилие этих тем в великорусских былинах»².

В-третьих, в самой Речи Посполитой единая польская нация в первой половине XVII в. все еще не сложилась. На пути ее образования встала идеология высших слоев общества –

² Дикий А. Неизвращенная история Украины-Руси. – М., 2007. – С. 135.

«сарматизм». Шляхта выделяла себя в «народ сарматский», единственно полноправный по праву завоевания. Польских же крестьян и мещан к единому с собой народу не причисляла (это, дескать, некогда завоеванное население, — неполноправные). Соответственно, в то время, когда в Европе складываются те нации (в марксистской терминологии — буржуазные), которые будут играть главенствующую роль в истории этого континента, Речь Посполитая стоит в стороне от этого процесса. Да и вообще, из-за шляхетских привилегий в экономической сфере, господства фольваркового помещичьего хозяйства, капиталистические отношения (более прогрессивные по Марксу) в этой стране не развиваются, она остается «заповедником» феодализма, хотя и имеет свою нишу в трансевропейском рынке.

В-четвертых, социальная психология украинского (малороссийского) народа в ту пору (да и впоследствии) имела существенное отличие от социальной психологии великороссов. Это отличие состоит в отношении народа к государству, его институтам и актам. Для украинца государство — это не его национальное государство, его номинальный глава (король) — не его единокровный и единоверный король. Государство для украинца — чуждая сила. У него формируется специфическое к нему отношение, которое можно выразить известной пословицей: «Своя рубашка ближе к телу». Такое отношение формируется тем более, что внутри украинской крестьянской общины уже к XVI в. сложилась индивидуальная собственность на пахотную землю. Украинский крестьянин в гораздо большей степени индивидуалист, чем великороссийский, для которого и государство — его родное, и царь русский и единоверный, практически являющийся Богом на земле, по крайней мере, помазанником Божиим. Такая житейская философия малоросса, сформировавшаяся под влиянием объективно существовавших внешних и внутренних политических, социальных и экономических факторов, в будущем очень затруднит создание независимого украинского государства.

В-пятых, в виду разноукладности быта основной массы населения Украины как в XVII в., так и в более позднее время, жесткой сословной структуры, существовавшей в украинских городах, благодаря наличию в системе их управления элементов западноевропейского Магдебургского права, наличию различных и крайне многочисленных этнографических групп

населения, осознание национального единства в украинской среде происходит очень медленно. Лишь во второй половине XIX в. этот процесс становится заметным и ощутимым. Даже в 1908 г. вышеупомянутый украинский политический деятель ярко выраженной национальной ориентации С. Петлюра писал: «Сильно ошибся бы тот, кто думал бы об украинстве как о чем-то монолитном, сплошном, лишенным разных течений и оттенков. Именно такую грубую ошибку делает г. Савенко, когда сваливает все в одну кучу и выставляет проф. Мих. Грушевского “нынешним главою украинофилов”. Никогда таким “главою” проф. Грушевский не был и ту национальную программу, которую он развивал в своих фельетонных статьях, никогда, конечно, нельзя признать полным выражением идейной борьбы всех групп и классов украинской общественности: с ней не согласятся, с одной стороны, те из них, кто стоит левее проф. Грушевского, а также и те, кто стоят справа от него»³.

В-шестых, московское правительство с момента прекращения Смуты в российском государстве внимательно наблюдало за событиями, происходившими в Речи Посполитой и развитием внутривосточной ситуации в этой стране. Особенно пристально следили в Москве за деятельностью польской магнатории, стараясь не допустить «засылки» ею очередного самозванца в Россию. Цель новой российской династии, как и предыдущей, была в присоединении к московскому государству всех земель, населенных восточными славянами. В первую очередь планировалась борьба с Речью Посполитой за Смоленщину и земли современной Белоруссии. Присоединение Малороссии, ввиду отсутствия на этой территории ясно видимой мощной группы населения, настроенной промосковски, и систематического участия главной военной силы малороссийского народа (казачества) во всех походах польско-литовского войска в пределы России на протяжении первой трети XVII в., откладывалось московскими стратегами на более поздний период времени. Тем более, что российское правительство ясно видело, что общеполитическая ситуация чем дальше, тем больше складывается в его пользу. Из-за внутренних конфликтов и неурядиц Речь Посполитая постоянно слабела и вопрос о перераспределении ее восточных земель в

³ Петлюра С. Идейная борьба с украинством // Главный атаман. В плену несбыточных надежд. – М. – СПб., 2008. – С. 154.

пользу России мог решиться в будущем с меньшими жертвами. Время «работало» на Россию и в Москве ясно это осознавали. Когда в 1648 г. на Украине началось движение под руководством Б. Хмельницкого, российское правительство заняло позицию «вооруженного нейтралитета», ожидая благоприятного момента для наиболее безболезненного присоединения Малороссии. Московское и другие городские восстания 1648–1649 гг. отсрочили для царского правительства наступление этого вождеденного момента. В конце концов, оправившись от внутренних потрясений и подсчитав все «за» и «против», в 1653 г. правящие круги Московии решили, что обстановка достаточно созрела для вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой с максимальной для себя выгодой и минимальными издержками, так как и поляки, и своевольный и ненадежный Б. Хмельницкий достаточно уже изнурили друг друга. Политику Московской Руси в указанный период времени мы можем охарактеризовать как последовательную, неспешную и обдуманную. Можно даже назвать столь неспешно-взвешенную политику «восточной», характерной для неторопливого и мудрого Востока, частью которого, по европейским понятиям того времени, Россия и была.

И последнее. Все те черты менталитета, присущие украинской политической элите и украинскому народу в целом, которые обозначены выше в данной заключительной части работы, по нашему мнению, в полной мере проявляются и сейчас в процессе становления и развития состоявшейся, наконец, украинской государственности. Что объясняет и перманентный парламентско-правительственный кризис, и относительную слабость президентской власти, и бесконечную борьбу за объем ее полномочий, которые периодически урезаются Радой и Правительством (впрочем, иногда частично отвоевываются президентом вновь), и явную, даже нарочитую, публичность действий современных украинских политиков, систематический вынос ими «мусора из избь», и так далее. Во всем этом видятся призраки сейма Речи Посполитой и запорожской Рады конца XVI – первой половины XVII вв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Де Боплан Г. Л.* Описание Украины. – М., 2004.
2. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы: в 3 т. Т. 1. – М., 1954.
3. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. – М., 1954.
4. Героический эпос народов СССР. БВЛ. Т. 2. – М., 1975.
5. Европейские поэты Возрождения. БВЛ. – М., 1974.
6. Записки Станислава Немоевского (1606–1608); Рукопись Жолкевского. – Рязань, 2007.
7. Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантышем-Каменским и изданные О. Бодянским. Ч. 1. 1649–1687. – М., 1858.
8. Мечта о русском единстве. Киевский Синописис (1674). – М., 2006.
9. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 67.
10. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 69.
11. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 75.
12. Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией: Сборник документов для преподавателей средней школы. – М., 1954.
13. *Артамонов В. А.* Очаги военной силы украинского народа в конце XVI – начале XVIII веков // Белоруссия и Украина: История и культура. 2003 г. – М., 2003.
14. *Баранович А. И.* Украина накануне освободительной войны середины XVII века. – М., 1959.
15. *Бульчев А. А.* История одной политической компании XVII века. – М., 2004.
16. *Вдовин А. И.* О нашей Родине [Электронный ресурс] / Православное информационное агентство «Русская линия». – 1998–2010. – URL: www.rusk.ru/st.php?idar=16025 (дата обращения: 21.01.2012).
17. *Вышегородцев В. И.* Царь Алексей Михайлович и Патриарх Никон // Великие государственные деятели России: Учебное пособие для ВУЗов, а также колледжей, лицеев, гимназий и школ. – М., 1996.
18. *Голобуцкий В. А.* Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого. – М., 1954.
19. *Голобуцкий В. А.* Богдан Хмельницкий – великий сын украинского народа. – М., 1954.

20. Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. – Киев, 1957.
21. Голобуцкий В. А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648–1654. – Киев, 1962.
22. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. – М., 1963.
23. Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. – М., 2001.
24. Грушевский М. С. История украинского народа. – М., 2002.
25. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. – М., 2004.
26. Дикий А. Неизвращенная история Украины–Руси. – М., 2007.
27. Дмитриев М. В. Брестская уния: Предпосылки, обстоятельства, последствия. – Киев, 1990.
28. Дмитриев М. В. Православная культура Московской и Литовской Руси в XVI веке: степень общности и различий // Белоруссия и Украина: История и культура. 2003 г. – М., 2003.
29. Жукович П. Сеймовая борьба православного Западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). – СПб., 1910. – Вып. 5 (1625–1629 гг.).
30. Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII века: Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. – М., 1981.
31. Замлинский В. А. Богдан Хмельницкий. – М., 1989. – ЖЗЛ (698).
32. История Украинской ССР. Т. 1. – Киев, 1969.
33. Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. – СПб., 2004.
34. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. – М., 2001.
35. Костомаров Н. И. Иудеям // Русские инородцы. – М., 1996.
36. Костомаров Н. И. Рецензия на книгу «Архив Юго-Западной Руси» // Русские инородцы. – М., 1996.
37. Костомаров Н. И. О русско-польских отношениях. Полякам-миротворцам // Русские инородцы. – М., 1996.
38. Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. – М., 1994.
39. Лескинен М. В. Образ сармата в истории: На пути формирования национального самосознания народов Речи По-

сполитой во второй половине XVI – первой половине XVII веков: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1998.

40. *Лысяк-Рудницкий И.* Переяслав: История и миф // Между историей и политикой. – М. – СПб., 2007.

41. *Лысяк-Рудницкий И.* Польско-украинские отношения: бремя истории // Между историей и политикой. – М. – СПб., 2007.

42. *Лурье С. В.* Историческая этнология. – М., 1997.

43. *Любавский М. К.* История Западных славян. – М., 2004.

44. *Миллер А. И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). – СПб., 2000.

45. *Нечкина М. П.* К вопросу о формуле «наименьшее зло» // В/И. – 1951. – № 4.

46. *Папков А. И.* Гетман Яков Острянин в Речи Посполитой и в России // Белоруссия и Украина: История и культура. 2004 г. – М., 2005.

47. *Платонов С. Ф.* Полный курс лекций по русской истории. – Ростов н/Д., 2002.

48. *Петлюра С.* Отрывки из письма И. Огиенко // Главный атаман. В плену несбыточных надежд. – М. – СПб., 2008.

49. *Петлюра С.* Идеиная борьба с украинством // Главный атаман. В плену несбыточных надежд. – М. – СПб., 2008.

50. *Рафальский О.* Наибольшая легенда славянской истории // Родина. – 2004. – № 1.

51. *Рогожин Н. М.* У государевых дел быть указано... – М., 2002.

52. *Рогожин Н. М.* Посольский приказ колыбель российской дипломатии. – М., 2003.

53. *Серчик В.* Речь Посполитая и казачество в первой четверти XVII века // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII веках. – М., 1979.

54. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 6. – М., 1993.

55. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 7. – М., 1993.

56. *Степанков В.* Уроки державотворення. Актуальні проблеми Української національної революції 1648–1676 років // Війни і мир, або «Українці – поляки: брати / вороги, сусіди...». – Київ., 2004.

57. *Субтельный О.* Украина. История. – Киев, 1994.
58. *Сулимирский Т.* Сарматы. – М., 2008.
59. *Тарвел Э.* Фольварк, пан и подданный. – Таллин, 1964.
60. *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. – М., 2004.
61. *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. – М., 2007.
62. Украинцы. – М., 2000.
63. Философский словарь. – М., 1991.
64. *Флоря Б. Н.* Спорные проблемы русско-украинских отношений в первой половине и середине XVII века // Белоруссия и Украина: История и культура. 2003 г. – М., 2003.
65. *Флоря Б. Н.* Переяславская рада 1654-го года и ее место в истории Украины // Белоруссия и Украина: История и культура. 2004 г. – М., 2005.
66. *Флоря Б. Н.* Польско-Литовская интервенция в России и русское общество. – М., 2005.
67. *Фролова Н. Г.* Старый Краков. – М., 2007.
68. *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века (30–40-е годы). – Воронеж, 1975.
69. *Чухліб Т.* Оборонец Європи, або Доля золотого меча Сагайдачного // Війни і мир, або «Українці – поляки: брати / вороги, сусіди...». – Київ, 2004.
70. *Шутый В. Е., Чмыга А. Ф.* Статьи в «трудах» украинских университетов и педагогических институтов // В/И. – 1956. – № 7.
71. *Holdys S.* Praktyka parlamentarna za panowanie Wladislawa IV Wazy. – Wroclaw., 1991.
72. *Horn M.* Walka chlopow czerwonoruskich z wyzyskiem feudalnym w latach 1600–1648.czesc III. Warszawa. – Wroclaw., 1982.
73. *Wojcik Z.* SzlacheckiejUkraina w ramach Rzeczypospolitey do polowy XVII w. // Studia z dreijow Rzeczyposplitej. – Wroclaw., 1988.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Дмитрий Анатольевич Безъев

**УКРАИНА И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.**

Монография

Издательство «Прометей»
115035, Москва, ул. Садовническая, д.72, стр.1
Тел./факс: 8 (495) 799-54-29
E-mail: info@prometej.su

Подписано в печать 30.03.2012 г.
Формат 60х90/16. Объем 13,5 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 216.

ISBN 978-5-7042-2292-7

9 785704 222927